

Раифский
Альманах

ежегодное православное издание

№1 (001), 2011

с. 4
**Три
чудотворные
Святыни**

с. 34
**Путешествие
в Раифскую
Пустынь**

с. 96
**Незловивое
мужество**

Стаманд

20-летию возрождения
Раифской обители посвящается...

От издателя

Цель сборника «Раифский Альманах» — христианское и духовно-нравственное просвещение, знакомство читателей с православными традициями и жизнью Православной Церкви...

На страницах «Раифского Альманаха» — церковно-исторические труды, мемуары, уникальные архивные материалы, литературные произведения, оригинальные, ранее не опубликованные или незаслуженно забытые святоотеческие материалы...

«Раифский Альманах» представляет читателям наших современников — православных авторов художественных произведений, музыкантов, фотомастеров, художников...

По благословиению наместника
Раифского Богородицкого
мужского монастыря
архимандрита
ВСЕВОЛОДА
(Захарова)

Раифский АЛЬМАНАХ

Учредитель и издатель:

православная религиозная организация
Епархиальный Раифский
Богородицкий мужской монастырь

Главный редактор:

Ольга Крестина

На 1-й стр. обложки:

Михаил Нефедов.
«Осень в Раифе», х., м., 2010

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации

ПИ № ТУ 16-00596 от 1.08.2011

Выдано Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций по Республике Татарстан
(Татарстан)

Адрес редакции и издателя:

422537, Раифский монастырь,
п. Раифа, Зеленодольский р-он, РТ

E-mail: raifa@raifa.ru

<http://www.raifa.ru>

Тел. (84371) 3-47-59

Издательский отдел

Раифского Богородицкого монастыря,
2011. — 122 с.

СОДЕРЖАНИЕ

с. 4

Три чудотворные Святыни Казанской земли

Георгий МЮЛЛЕР

с.34

Путешествие в Раифскую Пустынь

Архимандрит ДАНИИЛ
(Сивиллов)

с.88

Похвала иноческой жизни

Неизвестный АВТОР

с. 96

Незлюбивое мужество

Андрей РОЩЕКТАЕВ

с. 112

Распад души предотвратив

Татьяна ПАШАГИНА

Издание
Раифского
Богородицкого
мужского
монастыря

Прости длани Твоя, имиже всех Владыку яко Младенца прияла еси, за множество благодати. Не остави нас всегда надеющихся на Тя...

Икос из канона Одигитрии

Георгий Александрович Мюллер

Родился в 1949 году в городе Зеленодольске в семье врача и учительницы. Имеет два высших образования. Специализируется как историк-краевед, публицист, искусствовед.

Научно-исследовательскую работу совмещает с преподаванием в одной из казанских школ. Председатель общества краеведов г. Казани.

Им создан уникальный труд по истории города Зеленодольска, истории Предказанья и Заказанья. Написаны и опубликованы история острова-града Свяжжск, исследования по истории Раифского монастыря.

Автор многих музейных экспозиций, научный консультант музея истории г. Зеленодольска.

Работы Георгия Александровича публиковались во многих изданиях республики, например, журналах «Православный собеседник», сборниках «Свяжжские Чтения», книге «Раифа – Свяжжск» и многих других.

В настоящем альманахе в простой и доступной форме впервые публикуются очерки, посвященные трем святыням Казанской земли, трем Одигитриям — чудотворным и широко почитаемым иконам Божией Матери.

Три чудотворные Святыни Казанской земли

**Прости длани
Твоя, имиже всех
Владыку
яко Младенца
прияла еси,
за множество
благости.
Не остави
нас всегда
надеющихся
на Тя....**

**Икос из канона
Одигитрии**

Нет, пожалуй, ни одного уголка в христианском мире, где в разные времена, при разных обстоятельствах не заявили бы о себе своими чудесными проявлениями Божией Благодати чудотворные образы Господа Нашего Иисуса Христа, заступницы за грешный род человеческий Матери Божией, многих святых.

Казанский край в XVI-VII вв. обрел три, едва ли не самых значительных в Православии, чудотворных образа Божией Матери. Несколько веков эти свято чтимые иконы источают чудеса милосердия.

Матерь Божия стала Матерью всех христиан, верующих в спасение от Ее Божественного Сына. Ко всякому, кто приходит с верою к Ее чудотворным образам, спешит Она на помощь и дает утешение. Не исчислить примеров получивших через эти святыни благодатные дары...

**Икона
Божией Матери
«Казанская»
к вопросу сложения
иконографического
образа**

**I. Ранние иконы
Богоматери. Истоки
образов и культ**

Чтобы пролить свет на некоторые тайны, связанные с новоявленным в 1579 году Казанским образом Богоматери, обратимся к истокам иконопочитания. Согласно учению восточной православной греко-кафолической церкви, происхождение всех чудотворных христианских святынь условно сводится к двум типам. Природа первых, нерукотворных, таких как знаменитый «Эдесский Образ Господа нашего Иисуса Христа» (прижизненное изображение Спасителя, присланное им царю Авгарю) и некоторых других — непостижима. Они имеют небесное происхождение, самим фактом своего существования сви-

*Прости длани Твоя, имиже всех Владыку яко Младенца прияла еси,
за множество благости. Не остави нас всегда надеющихся на Тя...*

детельствуя чудо. Ко второму типу культовых образов уже в раннем средневековье причисляли только иконы Девы Марии, созданные святым художником-евангелистом Лукой или, как описывает это в одной из своих дошедших до нас проповедей Иоанн из Эвбеи, привезенные волхвами.

Образы, сотворенные евангелистом Лукой, считались источником благодати еще в раннем христианстве. Такой боговдохновенный образ, воздействуя на молящегося перед ним, давал ощущение переживания личной встречи (как отмечалось многими), стирая границы между образом и изображением.

Во времена становления христианства, позднее возведенного в Византии в ранг государственной религии, велись споры о допустимости икон в качестве посредников между Богом и человеком. Потребность в иконах тогда была не столь велика. Не было четко сложившегося учения о моленном образе. Лишь средневековье выработало нормы облика иконы, открыв для верующего тот духовный мир, который византийцы называли поэтическим (от греч. *poesis* — умозрение, мышление). Среди храмов во имя Марии «некоторые были настоящими святынями, а иконы, находящиеся в них, сделались прообразами всей восточной иконографии. К числу важнейших богородичных святынь Константинополя принадлежали:

— Богородица «Кариотисса». Один из первых храмов в Константинополе, был построен Ки-

ром, префектом города, в первой половине V века в честь чудотворной иконы Владычицы; при этой святыне жил величайший византийский религиозный поэт св. Роман Сладкопевец.

— «Мария Одигитрия» (то есть «Путеводительница»), Здесь, в храме Одигон, хранилась икона, по преданию, написанная св. Лукой. На ней Мария указывает на Своего Сына, Который есть путь. Здесь же находился также чудотворный источник, в котором Мария совершала исцеления, особенно слепых.

— Храм во Влахерне, величайшая и самая бесценная для цареградцев богородичная святыня. Построена в V в. в честь реликвии риз Пресвятой Богородицы (Мафориона). В алтаре собора находился образ Марии с молитвенно вознесенными руками и с сокрытым во чреве Иисусом.

— Храм Халкопратия (от халкос — медь, поскольку неподалеку находился медный рынок). В этом святилище хранился пояс Божией Матери.

— Храм «Зоодохос Пиги» (Живоносный источник) находится на окраине города, единственная ныне сохранившаяся святыня Константинополя, притягивающая толпы паломников. Центром ее является чудотворный источник, где совершаются многочисленные чудеса. В этом соборе Мария почитается прежде всего как Защитница и Покровительница города (*И. с. 49*).

К VI веку постепенно формируется государственный культ икон Богоматери, основой кото-

рого выступали все те же образы, созданные евангелистом Лукой. Сосредоточены они были преимущественно в г. Иерусалиме и других местах Святой Земли. На поиски их члены императорского византийского дома не жалели ни времени, ни средств (за исключением периода иконоборчества). Еще в VII веке отсутствует устойчивый тип образов и норм в иконописи. Каждая икона создавалась сама по себе, следуя своим собственным прототипам. «Знаменитая выставка икон Богородицы 1988 года выявила неожиданным образом различие в их формах, стиле, сюжетах. Видимо, тогда еще отсутствовали устойчивые типы образов и норм. Каждая икона создавалась сама по себе и следовала своим собственным прототипам. Это означает, что в этот период икона еще не обладала многими формальными канонами или, проще говоря, не были сформированы иконные стили», — замечает по поводу этого периода выдающийся немецкий искусствовед Ханс Бельдинг (2, с. 136). Начало VIII века — интересное и одновременно загадочное время в иконографии Богородицы.

В Константинополе еще пользуются иконоборческие страсти, иконы уже в который раз изгоняются из церквей, за исходом этих страстей внимательно наблюдает не знающий еще разделения церкви западно-христианский мир, давший приют некоторым византийским христианским святыням. Разные свидетельства той поры говорят о том, что уже

сложились пять известных, чтимых церковью изображений Богородицы, хотя мы не можем судить, за недостатком подтверждений, с которым из них достоверно связано авторство евангелиста Луки.

Феодор Лектор в своей церковной истории говорит о трех церквях Богородицы, основанных императрицей Пульхерией в период около 450 года. Две из них обладали знаменитыми реликвиями одеяний (риза и пояс Богородицы). Третья церковь, где позже почиталась икона Одигитрии, вероятно, хранила Образ Девы Марии Иерусалимской кисти св. Луки. В разгар иконоборчества выдающиеся греческие богословы отсылали иконоборцев к иконе св. Луки в Рим. Это делали три восточных патриарха, когда в 836 году писали императору Феофилу и среди двенадцати чудотворных образов упоминали пять изображений Богородицы, одно из которых Богородицей было одобрено и освящено при Ее земной жизни. В IX веке, точнее, к его концу, с восстановлением иконопочитания в Константинополе, названия храмовых икон отражают названия первых церквей Богородицы в городе. Из них первое место занимала Одигитрия — любимая икона византийского императорского двора. Она находилась в бывшем приюте путеводителей слепых, на месте которого в эпоху турецкого владычества над Константинополем был выстроен дворец султана. Само название Одигитрия означает «Путеводительница». Несмотря на бесчисленные

Прости Длани Твоя, имже всех Владыку яко Младенца прияла еси, за множество благодати. Не остави нас всегда надеющихся на Тя...

*Икона Божией Матери «Казанская»,
хранящаяся в Крестовоздвиженском храме
Казанского Богородицкого монастыря.*

списки с иконы, подлинник ее нам не известен, он исчез во время турецкого завоевания столицы Византии. Как на древних иконах Константинополя и Рима, полуфигурное изображение представляло Богородицу с младенцем Христом на Ее левой руке. Средневековые списки подчеркивали очевидный образ ходатайства Матери перед Сыном, выраженный Ее взглядом и жестом. Византийские предания связывали происхождение иконы с Иерусалимом и причисляли ее вместе с реликвиями одеяний Богоматери к святыням, которые императрица Пульхерия получила в ходе переноса почитания культа Богородицы из Святой Земли в Восточно-Римскую метрополию. Начиная с XII века Одигитрия — настоящая защитница Царьграда, как называли Константинополь все русские паломники. Они же рассказывали, что во время еженедельных процессий на икону снисходил Святой Дух. Аналогичны рассказы о еженедельном чуде с Завесой, когда на икону Богоматери, что во Влахернском храме, снисходил Святой Дух. Список с Одигитрии, принесенный в Киевскую Русь в XI веке, известен как Смоленская икона Божией Матери. К типу Одигитрии на Руси примыкают Тихвинская, Грузинская, Иерусалимская, Иверская, Седмиезерная и другие иконы. «Согласно археологическим изысканиям, в Константинополе было не менее 485 церквей, из которых 28 возведено во имя Христа, а 200 было посвящено Богоматери» (3, с. 48). И хотя

они относились к разным временам, богородичные храмовые иконы в них носили топонимический характер, то есть были привязаны к месту своего присутствия. Отдельные образы терялись во времени, их заново открывали и снимали с них списки. Весьма вероятно, что и прототипом Казанской была какая-то храмовая константинопольская икона.

II. Новоявленный Казанский образ и Одигитрия

По устоявшейся традиции, образ новоявленной Казанской Богородицы также принято относить к типу Одигитрия, как Петровскую (написанную, по преданию, в 1326 г. Митрополитом Петром) и некоторые другие. Все они представляют собой погрудное изображение строгого иконографического типа Одигитрия — русской Смоленской. Одигитрия — основной иконографический тип, в котором лик Богоматери и Богомладенца не соприкасаются. Богомладенец Христос восседает на левой руке Богоматери, а правой рукой Богородица указывает на Христа как на путь, по которому мы все должны следовать. В этом и заключается смысл иконы Одигитрия как путеводительницы ко Христу. Принцип этот распространяется на все списки, реплики и варианты этой иконы. На Казанской же иконе изображение Пресвятой Девы огрудное, т.е. последние две отличительные и наиболее важные черты иконы Одигитрия отсутствуют

Прости Длани Твоя, имже всех Владыку яко Младенца прияла еси, за множество благодати. Не остави нас всегда надеющихся на Тя...

— рук Богородицы не видно.

Первым, кто приписал Казанскую к типу Одигитрия, был Патриарх, тогда Митрополит, Гермоген. Именно в его «Сказании о явлении чудотворной иконы Пресвятыя Богородицы во граде Казани» она впервые называется «Образом Пречистыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии Честнаго и Славного Ея Одигитрия». Явленная икона была поставлена в новооткрытом по повелению царя Иоанна Грозного Казанском Богородицком монастыре и обложена золотом и драгоценными камнями из царских сокровищ. Знарок церковных древностей профессор Казанской Духовной академии И.М. Покровский замечает по этому поводу: «Совершенно непонятно, почему могли назвать Одигитрией Казанскую, когда все тогдашние грамотеи, в том числе и летописцы, хорошо знали, что Одигитрией называется Смоленская икона, перенесенная на Русь еще в 1046 году (список с константинопольского подлинника и хранившаяся в Смоленске). Правда, Казанская явленная икона в «Сказании» Гермогена, а отсюда и в прологе, называется Одигитрией, но не списком с Одигитрии. В объяснении такого названия Казанской иконы осмеливаемся предположить, что составитель сказания, написанного через пятнадцать лет после Явления иконы, назвал казанскую икону Пречистыя Владычицы нашей Богородицы Честнаго и Славного Ея Одигитрия по личному соображению» (13, с. 22).

И.М.Покровский замечает, что и первый монастырский каменный храм, основанный в 1594 году, и первая деревянная церковь назывались во имя Пресвятыя Богородицы честнаго Ея Одигитрия. «Но и тут сказался чисто личный взгляд на явленную икону. Впоследствии казанский монастырский храм никогда не назывался храмом Одигитрии, а назывался и называется просто храмом «Явления иконы Казанской Божия Матери». Говоря о каменном храме, сам Митрополит Гермоген как бы вносит поправку в наименование первого деревянного храма. Название первого монастырского храма «храмом Одигитрии», как видно из гермогеновского сказания, принадлежит собственно Ивану Грозному, разрешившему его постройку уже после того, как было получено им «краткое сказание о явлении и чудесах новоявленной казанской иконы», которую, по первому впечатлению при «явлении», приняли за Одигитрию» (13, с. 22) Ко времени обретения Явленной Казань уже имела две Смоленские иконы — Одигитрии и Умиления. Они стояли в церкви Спаса Нерукотворного над кремлевскими воротами (*«Списки с писцовых книг г. Казани 1566-67 г.»*, стр.20). Их, несомненно, знал Митрополит Гермоген. На икону Умиления Явленная икона не походила, а с Одигитрией имела только общее сходство, почему и была принята за Одигитрию. Но с одинаковым правом Митрополит Гермоген мог назвать Казанскую икону списком с Муромской ико-

ны, принесенной в Муром из Киева, а затем перенесенной св. Василием Рязанским около 1291 года в Рязань, или списком с иконы Колочской-Можайской, Рязанской, Феодотьевской и некоторых других, похожих на икону Одигитрии, где Богомладенец изображен сидящим на левой руке Богородицы» (13, с. 22).

И.М. Покровский приводит и другие соображения в объяснение неточного названия Казанской иконы Одигитрией. «Служба Явлению Казанской иконы Божией Матери (8 июля — ст. стиль) содержит в себе канон Одигитрии, составленный иноком Игнатием, впоследствии митрополитом Никейским (жил в начале IX в., дьякон великой церкви, автор жизнеописаний Патриархов Тарасия и Никифора). Возможно, что этот греческий канон Одигитрии, внесенный в первую службу явлению Казанской иконы Божией Матери еще до составления сказания (Минья, месяц июль. 8-й день) послужил основанием на некоторое время упрочить за Казанской иконой название Одигитрии. Канон инок Игнатия гораздо ранее составления службы Явлению Казанской иконы Божией Матери лег в основание службы 28 июля (ст. стиль) — Празднование Одигитрии Смоленской в память возвращения Смоленска от Литвы в 1514 год). Канон сравнительно новой службы 28 июля на первых порах мог оказаться самым подходящим и для службы 8 июля — в честь Явления Казанской иконы» (13, с. 23). Далее автор

отмечает, что «... Казанскую явленную икону при сходстве церковной службы, благодаря общему Игнатьевскому канону, в начале именовали Одигитрией, между тем во втором каноне — иных праздничных ирмосах службы 8 июля — равно как в рукописной службе, в стихирах на малой вечерне, почему-то не вошедшей в печатную минейную службу, но ярко выражающей сущность праздника Явления Казанской иконы, эта икона ни разу не называется Одигитрия. Интересно, что и св. Дмитрий Ростовский в своих минеях (июль) также не называет Казанскую явленную икону Божией Матери Одигитрией. В монастырской описи Свяяжского Успенского Богородицкого монастыря от 1613 года среди нескольких икон Пресвятыя Богородицы есть Пречистыя Богородицы Одигитрии и Умиления, но ни одна не названа Казанской и только одна — образ Пречистыя Богородицы Новоявленной. Очевидно, Казанская икона была известна тогда с именем «новоявленной», что явствует из описи Богородицкого женского монастыря, особенно среди казанцев, а не с именем «Одигитрии» (13, с. 23).

«По письму, — пишет И.М. Покровский, — Казанскую явленную икону необходимо считать оригинальной. Только на ней мы находим грудное изображение Богоматери и поясное Богомладенца. Икона, где Богомладенец написан во весь рост, а Богоматерь имеет поясное изображение и в короне, причем у них видны

Прости Длань Твоя, имже всех Владыку яко Младенца прияла еси, за множество благодати. Не остави нас всегда надеющихся на Тя...

все четыре руки, как на тобольской иконе, неизвестно почему называется Казанской. На Казанских иконах Божьей Матери такого письма не должно быть» (13, с. 25).

Из сказанного явствует, что икону Казанскую Божией Матери нет достаточных оснований называть Одигитрией, тем более — считать ее списком с последних. Как же ее тогда называть? И. М. Покровский допускает, «...можно, конечно, называть ее Иконой Царицы Владычицы и Богородицы и Приснодевы Марии, честнаго ея Одигитрия, но лишь в том общем смысле, в каком каждую богородичную икону можно назвать иконой Одигитрии, т.е. Богородицы Путеводительницы и Заступницы рода христианского» (13, с. 25).

III. Подлинник и главные списки с Явленной

Казань стала местом, откуда распространялись по русской земле списки с подлинной Явленной Казанской иконы. Распространяли их монастырские власти и Казанские иерархи, благославлявшие местными казанскими иконами знатных казанцев, приезжих лиц и делавшие иконами вклады в монастыри и храмы. Причем, как мы увидим далее, все эти списки разнились в деталях, сохраняя незыблемым лишь канон и стиль.

И.М. Покровский отмечает: «В приходно-расходной книге митрополита Казанского Тихона 3706

года читаем: «Октября в 27 день взято для благословения преосвященнейшему митрополиту бывающих у него приказных людей у соборного протодиакона у Григория Терентьева две иконы — списки с подлинного образа Богородицы Казанския, дано 23 алтын — 2 ден. дано» (13, с. 45).

Известно, что явленная Казанская икона Божией Матери, бывшая в Казани, никогда не подновлялась. Как святыня, она сохранялась под слюдой. Ее украшения были богаче, чем оклад Московской. «Самую же ту пречудную и чудотворную икону златом и камением дорогим и жемчугом великим предивне из царских сокровищ (которых тогда был хранитель Деменша Иванович Черемисинов) повелел украсить Благодетельный Государь, царь, великий князь Феодор Иванович, всея России самодержавен», — пишет в сказании митрополит Гермоген. Составитель сказания говорит, что когда Иван Грозный получил список с явленной иконы, то «царь с сыновьями дивились изрядному начертанию ее». Это значит, что присланная икона была не похожа на все ранее виденные царем. Ему ли, Ивану Грозному, ценителю и знатоку христианских святынь, было не знать основные богородичные иконы? Несостоятельным кажется утверждение, что явленная в Казани икона могла обгореть по краям, ее-де искусно обрезали. Едва ли митрополит Гермоген умолчал бы об этом. Напротив, указал бы на это второе подтверждение чуда на казанском пожа-

рище. Если бы Явленная икона хоть в чем-то напоминала Одигитрию Смоленскую или была бы списком с нее, удивляться было бы нечему, да и едва ли тогда Иван Грозный прислал первую для нее золотую ризу. Федор Иоаннович лишь завершил украшение иконы, начатое отцом. Именно эта риза, точнее, ее куски, были найдены изрезанными на мелкие части в печи — не доставало лишь венца с бриллиантами во время обыска там, где квартировал похититель иконы, глава шайки Чайкин (Стоян) в 1904 г.

Работа И.М. Покровского «Печальная годовщина со дня похищения явленной чудотворной иконы Божьей Матери в Казани» была своего рода ответом на статью московского священника М. Романского, бездоказательно утверждавшего, что подлинная явленная икона была в Москве, а в Казани — список. Измышления М. Романского, блестяще изобличенные И. Покровским, внесли немалую путаницу в вопрос о том, какую же икону Казанской Богоматери считать первой? Эта путаница пребывает, к сожалению, в умах некоторых исследователей и по сей день. М. Романский не был оригинален в своих заблуждениях. Например, профессор Киевской Духовной Академии Дмитриевский также отождествлял Московскую с Явленной. Конец в споре положили аргументы, приведенные И.М. Покровским, который знал Казанскую Явленную и в подлиннике и по фотоснимкам, о Московской же судил по изображе-

нию, приложенному в брошюре Г.З. Елисеева о Казанских иконах, издания 1849г., о Петербургской — по описанию ее у А.А. Завьялова и со слов очевидцев. В изданной годом ранее брошюре, посвященной памяти похищенной иконы, И.М. Покровский пишет: «Всматриваясь в изображение Казанской, Московской и С.-Петербургской чудотворных икон, легко убедиться, что ни одну из них нельзя назвать списком с другой. Особенно отлична С.-Петербургская икона, которую даже неопытный глаз художника-иконописца отнесет к XVIII веку. На иконе, похищенной из Казанского женского монастыря, Божия Мать изображена с преклоненной главою к Божественному Младенцу. Изображение Богоматери так называемое грудное, а потому не изображено ни одной руки Ее. Богомладенец представлен стоящим, по одежде препоясанным и с десницею несколько отклоненной в правую сторону, благословляющим с перстосложением древним, близким к двуперстии, причем благословляющая рука пред грудью и нижней частью шеи Богоматери. Глава Богоматери с круглым ликом склонилась почти к самой главе Богомладенца с волосами без пробора. Лик Богоматери обращен к молящимся совершенно прямо. Икона письма древнегреческого (читай: византийского — Г.М.), цвета темного; величина ее в ширину 5 вершков, в длину 6 вершков.

На Московской иконе изображение также грудное. Глава Богоматери с продолговатым лицом

Прости Длани Твоя, имже всех Владыку яко Младенца прияла еси, за множество благодати. Не остави нас всегда надеющихся на Тя...

мало склонена к Богомладенцу и далеко не доходит до его главы. Благословляющая десница уже с совершенно правильным именованным благословением, в стороне от шеи и груди Богоматери. Вообще обе фигуры более выпрямлены и отклонены одна от другой. Волосы на голове Богомладенца имеют пробор справа налево; глава несколько обращена к Богоматери. По всему видно, что письмо Московской иконы новее и даже как будто не греческое; величина иконы в длину 6, в ширину 5 и три восьмых вершка. На Петербургской иконе изображение Божией Матери менее, чем поясное, высокой художественной кисти. Богоматерь на левой руке (руки не видно ни на Казанской, ни на Московской иконах) держит Богомладенца, десница которого со сложенными перстами приподнята для благословения; размер иконы 13 вершков в длину и 12 вершков в ширину. Самое письмо и размер Петербургской иконы говорят за то, что она список не с иконы, находившейся в Казани, а с иконы, вероятно, Московской, взятой за оригинал, быть может, по указанию Прасковьи Федоровны» (14, с. 33).

Перейдем теперь к вопросу о греческом прототипе явленной иконы. Что же лежит в основе Казанской иконы Богоматери? К каким греческим корням восходит образ Явленной и восходит ли? Была ли она своеобразным византийским импортом в пределы Руси, или это создание византийских мастеров на Руси, или это собственно русский список

с греческого оригинала? Известно, что византийские художественные традиции (типы и композиционные схемы) были до известной степени консервативны, но не были постоянны, эволюционируя в разные эпохи от античной символики до образов палеологовской чувственности, приобретаая все более личностный характер. Это касается не в последнюю очередь и иконографии Богоматери. Почитание Богородицы как культа сложилось лишь к V веку. Это было время складывания иконографических типов. В Иерусалиме первое празднование дня памяти Богоматери — 15 августа. Чинопочитание этого дня включало уже многие ветхозаветные чтения, которые позже вошли в другие праздники в честь Марии. С V по VII в. складывались Успение (15 августа), Рождество Богородицы (8 сентября), Благовещение (25 марта), Зачатие Богоматери (9 декабря), Введение Богородицы во храм (21 ноября). Тогда-то и складывалась мариологическая символика, где центральное место уделялось рождению Христа, совершенного благодаря земной Деве (18, с. 14-15). Детально эта символика разрабатывалась сторонниками иконопочитания в иконоборческую эпоху. Скорее всего, одной из причин иконоборчества были несовершенные каноны доиконоборческих икон, близость их к античным изображениям, изжившим себя, их схематизм и разноречивость в разных частях христианского мира. Для почитателей икон образ Богородицы был выражением догмата воп-

лощения, то есть предполагал допущение изображать как Спасителя, так и других святых. Первые сложившиеся иконографические типы Богоматери, как, например, Богоматерь Ноев Ковчег, Богоматерь — Скинния, Богоматерь — Трапеза и другие заявляют о себе в миниатюрах Смирнского фрагмента христианской топографии Косьмы Индикоплова, дошедших до нас в форме фрагментов, подшитых к знаменитой рукописи «Физиолога».

Ряд исследователей, в их числе В.Н. Лазарев, относят этот памятник к IX веку (11, с. 89, 244). Здесь впервые встречаются оформленные образы Богоматери, в числе которых тип Богородицы, сидящей на троне с Богомладенцем пред чревом, Кипрско-Печерский, Мария с Богомладенцем на правой и левой руках — Одигитрия и Дексиократуса. Есть также тип Богоматери Гликофилусы «Ласкающей». Н.П. Кондаков скептически относился к этим миниатюрам, полагая, что «миниатюрист набрал их здесь без всякого разбора и какого-либо соответствия с требуемыми символическими параллелями в манере позднегреческой живописи» (18, с. 44). Но ряд современных исследователей усматривает в них некий отправной стандарт для последующих вариаций основных Богородичных типов. В том числе здесь просматривается подгрудный тип Одигитрии, видимо, уже начавший распространяться в восточных церквах (18, с. 44).

IX век — сложное время в ис-

тории Византии. В 842 году умирает последний недоброжелатель иконопочитания — византийский император Феофил, только на смертном одре узнавший, что домашние его — сторонники иконопочитания. Феодора, жена его, еще тайно, при жизни мужа, ввозит из Сирии, Иерусалима и Египта иконы, в том числе образ Пресвятой Девы. Заметим, что тогда, в IX веке, тип Одигитрии еще только складывался. Не было единой строгой композиции образа. Тогда-то и появляется в Константинополе необычный образ Пресвятой Девы Иерусалимской, ставшей прототипом Казанской. Это мнение возникло в XIX веке. Впервые его высказал Г.З. Елисеев — первый церковный историк Казанской Духовной Академии, автор многих работ по церковной истории, большинство которых, к сожалению, погибло навсегда. Мнение это разделялось и рядом других ученых и даже вошло в известный в XIX в. труд о Казани М. Пинегина, правда, в слегка искаженном виде. «Впоследствии утверждали, что образ Пречистой Девы, обретенный девицей (Матроной), был список с чудотворного образа, вывезенного из Иерусалима в Константинополь Евдокиєю, супругою греческого царя Феофила» (12, с. 371). Здесь явная путаница, ибо женой Феофила в IX веке была Феодора, либо подразумевался другой Феофил, из Антиохии (IV век, Сирия), который, по преданию, получил образ, писанный св. Апостолом Лукой, Евангелие и книгу Деяний

Прости Длани Твоя, имже всех Владыку яко Младенца прияла еси, за множество благодсти. Не остави нас всегда надеющихся на Тя...

Апостольских после того, как принял веру Христову. Вероятно также наложение другого исторического предания, по которому около 450 года императрица Евдокия, жена императора Феодосия Младшего, привезла из Иерусалима древнюю икону Одигитрии. Насколько мы знаем, к V веку иконографический тип Богоматери еще не сложился и уж никак не мог быть чем-то близким к Казанской, манера исполнения которой более поздняя. Иерусалимскую (Казанскую) икону отличает от другого подобного типа особый поворот головы Богородицы и особое положение Богомладенца. Божия Мать на Казанской иконе изображена с головой, преклоненной к Сыну Ее. Богомладенец представлен с благословляющей десницей. Лик Богородицы излучает любовь. В Ее светлых очах отражается задумчивость не суетная, не тревожная, а тихая, материнская, и бесконечное милосердие. Глаза Богомладенца — живые человеческие глаза, смотрящие выше земного, в детском их выражении виден разум взрослого человека, а в детской нежности — сила Божественная, лик Его исполнен Божественной красоты. И.М. Покровский отмечал перстосложение Богомладенца как «близкое к двуперстию, причем благословляющая рука пред грудью и нижней частью шеи Богоматери». Между тем Н.П. Кондаков в числе точных черт типа Одигитрии называет следующий: «Предвечный Младенец обращен лицом (на три четверти) к зрите-

лю или молящемуся и правую, протянутой рукой благословляет, — при этом, начиная с XI столетия, двояким благословением: или именованно, или, что чаще всего, троеперстие...» (10, с. 193). Этот признак указывает, что явленная Казанская икона Богородицы, во всяком случае, ее тип, восходит ко времени до XI века. Не просматривается в Казанской и палеологовская чувственность. В средневизантийском искусстве проявилось новое, сознательное обращение к древним прототипам доиконоборческой эпохи. На иконе из монастыря Св. Екатерины на Синае рубежа XI-XII в, над сценами христологического цикла (чудес и страстей) помещен регистр с изображением знаменитых чудотворных икон Богоматери, святых Константинополя, один из циклов образов Марии этой эпохи. Их здесь пять. По сторонам представлены Богоматерь «Ласкающая» с эпитетом Влахернитисса («икона Влахернской церкви»), Одигитрия (икона церкви монастыря Одигон), Богоматерь Заступница Агисоритисса (икона капеллы Агия Сорос Халкопратийской церкви) и еще один образ Богоматери Заступницы с эпитетом Химеутисса (икона Константина Багрянородного из церкви Св. Димитрия). Последовательность их предполагает, что все они выступали как символы литургического чинопоследования — два первых образа символизировали предназначенность Младенца к жертве, предуготовления к Литургии, а образы справа — хода-

тайственную молитву на литургии, возношение молитв Церкви к Христу и Богу Отцу за спасительное причащение жертве и окончание литургии. Этот цикл интересен для нас тем, что для лика Богородицы уже в XI веке вновь используется схема изображения античной трагической маски из доиконоборческих времен. «Брови Марии под острым углом приподняты и сведены к переносице, глазницы увеличены и затемнены, углы рта опущены, крупный нос словно переломлен в переносице, что усугубляет драматическую экспрессию. Использование театральной маски в качестве прототипа в византийском искусстве отмечено К. Вейцманом в изображении лика Иоанна Предтечи на мозаике базилики Синайского монастыря VI века» (18, с. 112). Античная традиция использования трагической маски в доиконоборческий период — почти повсеместная, будь то мозаика, фреска или иконопись. «Подобные антикизирующие приемы для передачи внешнего выражения эмоций, особенно трагических, присущи искусству конца XI-XII века, когда они проникли в собственно христологическую иконографию. Отражение страстной символики широко распространилось в эту эпоху, что воплотилось именно в образах Богородицы» (18, с. 113). Многие дошедшие до нас образцы византийской иконографии эпохи Комнинов-Ангелов несут на себе отпечаток этой античной традиции. Это обстоятельство заставляет исключить греческий

прототип Казанской Явленной из эпохи средневизантийского искусства. Остается лишь узкий коридор — IX-конец XI века, когда не похожий ни на какие другие образы прототип иконы Пресвятой Девы Иерусалимской попадает в Константинополь, но не получает широкого распространения, а сосуществует с другими на равных, примыкая к типу иконы из храма Одигон. Интересно, что Х. Бельдинг относит все списки, близкие к Одигитрии, к одному десятилетию около 1100 года, усматривая в них близость по выразительному повествованию, да и по характерной психологической трактовке (2, с. 322).

Подытоживая, все вышесказанное можно свести к следующим выводам:

1. Мы не можем атрибутировать явленную Казанскую икону Божией Матери ввиду ее отсутствия, но мы можем судить о ней по усредненному лику списков. На списках с Явленных икон мастера писали: «В меру и подобие чудотворного образа». Лик Явленной не пересекается ни с одним из похожих, он оригинален. Его нельзя отнести ни к средневизантийскому, ни к поздневизантийскому периоду бытования Казанской иконы Божией Матери.

2. Явленная икона Божией Матери Казанской была необычным феноменом для московской Руси XVI века, не случайно с нее заказывали списки, а сам Иван Грозный его дети «дивились ее изрядному начертанию».

3. И.М. Покровский отмечает перстосложение Богомладенца

Проспери Длани Твоя, имже всех Владыку яко Младенца прияла еси, за множество благодати. Не остави нас всегда надеющихся на Тя...

Один из списков «Казанской», созданный в XVIII веке и украшенный драгоценным окладом и камнями, был продан после революции 1917 года за границу, и с 1981 года находился у папы Иоанна Павла II. Летом 2004 года он был возвращен в Россию и 28 августа торжественно передан Патриарху Московскому и Всея Руси Алексию II в Успенском соборе Кремля.

В июле 2005 года Патриарх доставил образ в Казань...

как «близкое к двуперстию», но еще не двуперстное, которое складывается только к XI веку.

4. По свидетельству И. М. Покровского, на явленной иконе «Лик Богоматери обращен к молящемуся совершенно прямо». Поэтому древние списки с иконы, учитывающие этот существенный признак, являются наиболее близкими к оригиналу. Этому, например, отвечает Ватиканский список.

5. Прототипом новоявленной Казанской иконы Божией Матери был храмовый образ, известный в Константинополе. Время его создания — X начало XI века. Близкий к типу Одигитрии, он сложными путями попадает в Московскую Русь и оказывается в мусульманской Казани либо как предмет культа тайных христиан, либо как военный трофей, учитывая то, что в период Казанского ханства Казань была одним из центров международной торговли.

V. Вековая тайна

Прошло сто лет, но вопрос, действительно ли явленный Казанский образ погиб от рук святотатцев в 1904 году, продолжает будоражить умы людей. Давно ушли в небытие и те, кто прямо или косвенно был причастен к похищению святыни, и те, кто по горячим следам пытался разобраться в хитросплетениях этого дела. Остались версии, домыслы, слухи.

Показания грабителей на суде, настаивавших на факте сожжения иконы, были весьма неубедительны. Это обстоятельство

уже тогда, в 1904 году, породило первую версию, что явленный образ, скорее всего, был продан старообрядцам. Она заслуживает внимания. Старообрядческих толков в Казани той поры было множество. Казань была тогда одним из центров старообрядчества, и влияние их на местную светскую власть было велико.

В 1950-1952 году послушница игумении Софии монахиня Агафия рассказала архиепископу Сергию (Королеву) хранившуюся ею тайну о том, что грабители похитили не явленную в 1579 году икону, а один из ее точных списков. Еще задолго до кражи игуменией Маргаритой, напуганной несколькими попытками похищения явленного образа, было введено правило: на ночь заменять подлинную икону списком. Каждый вечер после закрытия храма подлинник вынимался из-под ризы и сопровождался в покои игумении, а наутро возвращался на прежнее место. Этот ритуал был произведен и накануне той злополучной ночи. Утром же, когда плачущие монахини обступили настоятельницу, она необычайно спокойно сказала им; «Не плачьте, сестры, Божия Матерь с нами». При даче свидетельских показаний на суде поведение игумении Софии также было удивительно спокойным. Ее больше заботило, по рассказам присутствующих, возвращение драгоценного оклада, чем самой иконы.

Дело о похищении Казанской продолжалось вплоть до 1914 года. По воспоминаниям монахини Марии (Борисовой), ее дед в

Простри длани Твоя, имже всех Владыку яко Младенца приела еси, за множество благодати. Не остави нас всегда надеющихся на Тя...

послереволюционное время работал на одном из казанских заводов вместе с бывшим участником преступной группы того дела 1904 года. В разговорах он клятвенно утверждал, что после кражи икона ими не была уничтожена, но о том месте, куда ее переправили, помалкивал,

Предание о том, что украден был не явленный образ, а его список, продолжает жить. При закрытии Казанского Богородицкого монастыря в 1932 г. Казанский образ, что заменил собой исчезнувший, похищенный подлинник, был перенесен в кладбищенский храм Ярославских Чудотворцев, где он находится и поныне. Бытует мнение, что это и есть образ древней Явленной. И все же, несмотря на его очевидную древность, искусствоведы относят его к XVIII веку.

Вместо эпилога

Итак, все, что связано с историей Казанского явленного образа, кажется, способно породить больше вопросов, чем ответов. Только время и дополнительные исследования, возможно, помогут разрешению сомнений и вековых тайн.

Почти десять лет ежегодно работала в монастыре Святой Екатерины, что на Синае, экспедиция университетов Принстона и Мичигана (США). Сенсацией в мире искусствоведения вообще и византистики в частности стало открытие нескольких тысяч практически неизвестных икон Византии разных эпох, произведений искусства эпохи кресто-

носцев. Все это составляло реликварий монастыря — дары паломников разных времен, по пути в Иерусалим сворачивавших к Горе Моисея, что над монастырем, — знаменитому месту Неопалимой Купины. Дары в этот монастырь и составили его сокровищницу, до последних лет почти не изученную и описанную. Опубликован пока лишь первый том с описанием этого сокрытого византийского наследия (редактор Курт Вайцман). Публикации последующих томов позволят заново переписать всю историю византийской живописи. И, хочется надеяться, приоткроют завесу и над тайнами «Казанской».

Библиография

1. Бартосик Г. Богородица в богослужении Востока и Запада. - М., 2003.
2. Бельдинг Х. Образ и культ. - М., 2002.
3. Гермоген (митр.) Сказание о явленной чудотворной иконе Пресвятыне Богородицы во граде Казани. - Казань, 1871.
4. Дмитриевский А. В честь какой иконы Казанской Б.М. установлен праздник 22 октября // Труды Киевской Духовной Академии. - 1905.
5. Завьялов А. Чудотворная икона Казанской Божией Матери в Санкт-Петербурге // С.-Петербургский духовный вестник. - 1985. - № 16, 18, 20, 22, 24, 25.
6. Известия по Казанской епархии. - 1892. - № 17. - С. 474,
7. Елисеев Г.З. Казанская чудотворная икона Божьей Матери // Православный Собеседник. Ч. 3. - Казань, 1858.
8. Кондаков Н. Иконография Богоматери. Т. 2.
9. Лазарев В. История византийской живописи. - М., 1986.
10. Пинегин М. Казань в ее про-

шлом и настоящем. - СПб., 1890.

11. Покровский И. М. Печальная годовщина со дня похищения явленной чудотворной иконы Божьей Матери в Казани. - Казань, 1906.

12. Покровский И. М. Явленная Чудотворная Икона Казанской Божьей Матери. - Казань, 1904.

13. Романский М. Где находится подлинная чудотворная явленная икона Казанской Богоматери // Московские церковные ведомости. - 1904. №№50-52; 1905. - №№4-5.

14. Сто великих сокровищ, - М., 2000.

15. Чугреева Н.Н. Дивеевская святыня, или Какая икона находится в Ватикане // Мир Божий. - 2001. №1.

16. Этингоф О. Образ Богоматери. - М., 2000.

17. Weitzmann K. The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai. The Icons. Vol. 1. From the Sixth to the Tenth Century. - Princeton, 1976.

Икона Божией Матери «Седмиезерная»

I. История

Вторая по значимости Святыня Казанской земли — образ Пресвятой Богородицы, называемый Смоленской или Седмиезерной связан с тем, что до 1917 года Святыня находилась в Седмиезерной Богородицкой Пустыни, основанной в XVII веке в 17 верстах от Казани при семи озерах (ныне это одно озеро). Сегодня Чудотворная Святыня временно пребывает в Петропавловском Соборе города Казани и доступна для почитания и поклонения.

Объясняется это тем, что Седмиезерная Пустынь, прошедшая через годы поругания и разрушений советского времени, постепенно восстает из небытия. И возвращение чудотворного образа возрожденному монастырю — дело не столь отдаленного будущего.

Образ этот не случайно называют спасителем Казани.

Как рассказывает история, во время царствования Алексея Михайловича (середина XVII века) пришел гнев Божий: тлетворные ветры принесли из Московской земли смертоносную язву. Эпидемия чумы свирепствовала в царственном граде Москве. Она стремительно охватила город, не щадя ни старого, ни малого: ни вельмож, ни простолюдинов. Число жертв перевалило за сотни тысяч.

«Помраченный воздух покры-

Простри длани Твоя, имже всех Владыку яко Младенца прияла еси, за множество благодати. Не остави нас всегда надеющихся на Тя...

Публикуется впервые

Икона Божией Матери «Седмиезерная».

вал державный город, как темный покров; монастыри и церкви оставались без пения, большие дома опустели, торговля прекратилась, тела умерших валялись на улицах без погребения, пожираемые псами. Царская семья первых Романовых укрывалась от моровой язвы в Калязинском монастыре и проводила там все время в беспрестанных молитвах»¹.

Чума достигла и Казани, захватывая по дороге города и селения. Зараза уже в первую неделю наполовину «выкосила» город. В отчаянии (никакие меры не помогали) жители прибегали даже к помощи колдунов, по совету которых массово резали коз, а кровь спускали в реку Казанка. Отсюда происходит и название слободы «Козья» — (ныне станция казанского метро). Предание рассказывает о видении инокини Марфы, по которому город спасет крестный ход с чудотворным образом Богоматери «Смоленская» из Седмиезерной обители. Игумен Иоанно-Предтеченского монастыря был отправлен в Седмиезерную обитель за чудотворной иконой. Образ этот первоначально был принесен в названную пустынь из Великого Устюга основателем ее иноком Евфимием (1615-1646), благословившим ее святой иконой. Память этого перенесения ознаменована празднованием в честь

Седмиезерной иконы Богоматери 13 октября. Подняв благоговейно чудотворный образ, его донесли до Казани и остановились в двух верстах от города на зеленой поляне сосновой рощи — там, где позже был возведен Введенский Кизический монастырь. Народ и духовенство с умилением встретили святую икону Владычицы и благоговейно внесли ее в город. Спустя сутки образ обнесли кругом всей Казани, и зараза прекратилась.

Спустя неделю святой образ Владычицы отправили назад в обитель, и тут же чума вновь заявила о себе. Так происходило не раз. И власти и народ увидели, что Богоматери не угодно покидать город своей святой иконой. Образ Владычицы оставался в Казани. На следующий год зараза вновь открылась, и снова дважды Седмиезерная икона спасала город от гибели.

В память прекращения моровой язвы при казанском митрополите Лаврентии с 1658 года в память спасения города от чумы было установлено ежегодное празднество — крестный ход 26 июня. Заступлением Богоматери граждане Казани избавились и от нашествия чумы 1711 года. Тогда архиепископ Вениамин упреждающе провел крестный ход, и зараза остановилась на подступах к городу.

¹ Лаврентий архимандрит. Сказание о Седмиезерной Богородицкой Пустыни Казанской епархии и о чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, называемой «Смоленская» - Казань, 1858.

Простри длани Твоя, имже всех Владыку яко Младенца прияла еси, за множество благости. Не остави нас всегда надеющихся на Тя...

Публикуется впервые

II. Иконография

При небольших размерах (71,4 x 61,4), как и в свое время подлинник Казанской, Седмиезерная сегодня из-за потемневшей олифы многих «поновлений» не позволяет детально изучить иконографический вид. Детали изображения практически не читаются, хотя угадываются. Без сомнений — это вариант Одигитрии.

Н.П. Кондаков еще сто лет назад писал, что «...Седмиезерная не выделяется из ряда икон подобного типа. Божия Матерь здесь как бы склоняется к Сыну, ища у Него милости для человечества, и Он, обращаясь к Ней, отвечает Ей и миру благословением...

Подобный тип Одигитрии воспроизводится в нашей Тихвинской иконе Божьей Матери, Седмиезерной и во множестве других икон, начиная с 14 века»².

Как отмечает О.Е. Этингоф, в типах Одигитрии «...проявилась тема взаимосвязи воплощения и страстей Христа. Эта тема, разработанная в византийской гимнографии, отразилась во многих иконографических типах Богоматери с младенцем...»³.

Исследователь сложения иконографического типа Богоматери «Седмиезерная» И.Л. Бусева-Давыдова пишет, что еще «Н.П. Ли-

хачев отметил икону «Седмиезерная» особо: «...из многочисленных разновидностей поясного изображения Божией Матери Одигитрии отметим явление, обычно именуемое Седмиезерной Божией Матери, с особым положением руки Богоматери»⁴. Однако эту особенность еще ранее подметил архиепископ Сергей (Свешников): «...Ладонь правой руки Богоматери обращена к молящемуся, а не к ней самой»⁵.

Образ Богоматери во всех иконах такого извода, как, например: Одигитрия Собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря и ряда других отличается от привычных типов Одигитрий, где Богоматерь наглядно демонстрирует подчиненные значения по сравнению с Богомладенцем. Здесь Мария как бы смиренно указывает на рожденного Ей Сына, давая понять, что Она лишь посредник между грешным миром и небесами, и Ей, Богоматери, можно лишь просить о снисхождении, заступничестве за молящегося.

В «Седмиезерной» взгляд Богородицы устремлен вдаль. Она, как бы на мгновение задумалась над судьбой рода человеческого. Десная рука Богоматери осеняет молящихся почти благословенным жестом.

2 Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т.2 — Петроград, 1915, с.211

3 Этингоф О.Е. Образ Богоматери — М., 2000, с. 48-49

4 Лихачев Н.П. Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображение Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых православных русских икон — СПб., 1911, с. 108-109.

5 Сергей (Спасский) архиепископ. Русская литература об иконах Пресвятой Богородицы в 19 в.

Возникает вопрос: откуда столь необычный иконографический вариант Одигитрии? На этот счет есть разные предположения.

И.Л. Бусева-Давыдова, с ссылкой на ряд исследований, пишет, что «...есть основание утверждать, что требования заказчика играли немаловажную роль в сложении сюжетно-иконографических циклов»⁶.

Исследования И.Л. Бусевой-Давыдовой в иконографии «Седмиезерной» на сегодняшний день остаются наиболее полными и авторитетными. Она возводит осеняющий и благословляющий жест руки Богоматери к итальянскому влиянию, исходящему от времени Дж. Беллини (1430-1516) и его современников — итальянских живописцев Д. Гирландайо, Б. Виварини. В их изображениях Мадонн можно видеть осеняющую ладонь Богоматери. «Весьма вероятно, что некая итальянизирующая икона, завезенная в русские пределы самыми разными путями, могла стать образцом для подражания отечественным иконописцам»⁷. Естественно, не в буквальном смысле, византийские каноны иконописи XI-XII вв. строго соблюдались в Московской Руси. А вот композиционный прием — «осеняющий и благословляющий жест руки Богоматери» вполне мог быть использован отечественными изографами. Далее. Новый

иконографический извод быстро укоренился в русской иконописи XVI века с заметным отходом от цветовых традиций итальянского образца. Прориси иконы «Седмиезерной» не фиксировали традиций цветовых гамм. Лик младенца Христа во многих поздних повторениях все более тяготел к традиционным канонам иконографии Руси. Положение головы младенца Христа, несколько откинутой назад, заменялось прямоличным или даже слегка склоненным.

В ряде повторений иконы даже отличительная особенность — жест руки Богоматери — заменялся на традиционно указующий: мотив покровительственного осенения становился прямым благословением, и, что характерно, не редко двуперстным крестным знаменем. Не случайно, что Богоматерь «Седмиезерная» пользуется особым почитанием в старообрядческой среде. Так возник и укрепился в русской культуре XV-XIX веков уникальный иконографический извод, называемый «Богоматерь «Седмиезерная».

III. Вместо эпилога

Остается сожалеть, что вторая по значимости казанская святая уже скоро как век не имеет своего соборного храма. И Смоленская «Седмиезерная» и Ка-

⁶ Бусева-Давыдова И.Л. Богоматерь Седмиезерная в книге «Чудотворная икона Византии и Древней Руси» - М., 1996, с. 367, 368.

⁷ Бусева-Давыдова И.Л. Богоматерь Седмиезерная в книге «Чудотворная икона Византии и Древней Руси» - М., 1996, с. 367, 368.

Простри длани Твоя, имже всех Владыку яко Младенца прияла еси, за множество благодати. Не остави нас всегда надеющихся на Тя...

Публикуется впервые

занская ждут того дня, когда во славе своей обретут свои постоянные обители. Не менее интересна и другая идея: постройка храма Седмиезерной Богоматери на том месте, где она впервые явилась казанцам. Ныне это пустырь в центре парка ДК Химиков Московского района города Казани. Идея эта давняя. Попытка создания храма предпринималась накануне революции 1917 года. Холодная часовня Седмиезерной, существовавшая в Введенском Кизическом монастыре, уже в дореволюционное время не вмещала всех молящихся. Поэтому и был вынесен вопрос о строительстве нового храма со списком с Чудотворной на том месте, где она явилась горожанам. Хочется надеяться, что эта идея найдет понимание, и история все расставит по своим местам.

Икона Божией Матери «Грузинская»

I. История

Третья чудотворная икона Казанской земли имеет свою собственную историю и сегодня хранящую немало тайн и загадок.

Когда в IX веке в Византии иконоборцы были побеждены, в христианском искусстве начался период, получивший название «македонский ренессанс». Наметился резкий поворот от прежних условных невыразительных, часто статичных, образов в иконописи. Он называется в искусствоведении эпохой ранневизантийского маньеризма. Его расцвет пришелся на конец XII века. Иногда его называют Комниновский маньеризм, т.к. в то время в Византии правила династия Комнинов. Иконы Византии второй половины XII века резко отличались от образов доиконоборческой эпохи. Именно в это время в иконописи впервые вводится прием так называемой «обратной перспективы», когда не молящийся созерцает образ, а наоборот. Для икон этого периода характерна повышенная динамика, эмоциональная выразительность, четкая ритмика изображения.

Новое византийское искусство иконописи широко распространялось за пределы империи. Иконы влахернского Богородичного культа проникали на Русь,

а Западную Европу, Кавказ. На Кавказе: в Грузии и Армении, где утвердился византийский тип православия, они нередко копировались, но немало оседало и византийских образцов. В то неспокойное время Грузия нередко подвергалась набегам турок, персов. Шли столетия. В середине XV века пал под ударами турок-сельджуков последний оплот православия на Востоке — Византия. Грузия, раздираемая местными распрями феодального характера, легко становилась добычей завоевателей. В 1622 году во время очередного набега персидского шаха Аббаса I были в который раз разграблены не только селения страны, но и церкви и монастыри, увезено много добычи.

На восточном персидском базаре бывший в Персии по торговым делам приказчик ярославского купца Егора Лыткина Стефан Лазарев среди многих, разложенных на продажу, награбленных, православных реликвий увидел образ Богоматери. Он выкупил его и по возвращении в Ярославль подарил икону хозяину. Лыткин, увидев икону, вспомнил о бывшем ему таинственном внушении отправить святыню в Черногорский (Красногорский) монастырь на Пинеге, что под Архангельском, которому покровительствовали русские купцы. Икона получила название «Грузинская».

Вскоре по прибытии образа в монастырь начались от нее чудесные исцеления. В 1658 году по указу царя Алексея Михайло-

вича и Патриарха Никона было установлено празднование иконы «ради чудес ее» в день принесения в монастырь. Известно, что она и в Грузии XVII века уже почиталась чудотворной. Патриарх Никон тщательно исследовал все сведения о чудесах, исходящих от образа. Празднование иконы Божией Матери «Грузинская» было установлено 22 августа (4 сентября по н.ст.).

При правлении царя Алексея Михайловича молва о чудесных исцелениях образа «Грузинская» подвигла размножить икону в точных с нее списках. Первый список был сделан в 1654 году. Он находился в храме Животворящей Троицы, что в Никитках близ Варваринских ворот в Москве. Второй известный список принадлежал Алексеевскому женскому монастырю, что стал на месте будущего Храма Христа Спасителя. Известно, что молитвами монахинь этого монастыря перед образом в 1655 году была остановлена в Москве эпидемия чумы.

Третий известный список находился в храме Покрова Божией Матери на Воронцовом поле. Его высоко почитали царственные особы: императрица Анна Иоанновна, царь Александр I и др. Сегодня этот святой образ с благословения Святейшего Патриарха Алексия II находится в храме святителя Мартина Исповедника, что на Большой Алексеевской улице в приделе Грузинской иконы Божией Матери.

Четвертый чтимый список с Грузинского образа был сделан

Простри длани Твоя, имже всех Владыку яко Младенца прияла еси, за множество благодати. Не остави нас всегда надеющихся на Тя...

Публикуется впервые

Икона Божией Матери «Грузинская-Раифская».

для Раифской обители Казанской епархии. В 1670 году митрополит Казанский Лаврентий заказал список одному из лучших казанских иконописцев. Список был так тщательно сделан, что уже во время перенесения иконы из Казани в Раифу стали происходить чудесные исцеления. Есть множество свидетельств того, как этот образ возвращал зрение слепым, очищал беснующихся, исцелял больных.

С возрождением Раифской обители, когда чудотворный образ вернулся в свой соборный храм, построенный по проекту М.П. Коринфского в 1835-1842 гг., со времени возобновления в 90-х годах XX века монастырской жизни, история чудесных исцелений возобновилась и продолжается по сей день для всех, кто приходит к Владычице.

Известно немало и других списков иконы, несущих людям благодать для тех, кто приходит к ней с верою.

II. Иконография образа

Образ Божией Матери «Грузинская» был почитаем задолго до XVII века на своей исторической родине. Среди грузинских иконописных памятников X-XVI вв. встречаются его аналоги, особенно в Кахетии. Образ был знаком и в русской земле. Так, в Вологодском музее-заповеднике в г.Вологда хранится образ Грузинский Божией Матери с предстоящим преподобным Иоанном Лествичником. Икона

датируется концом XV века. Поступила в свое время в музей из церкви Входа Господня в Иерусалим в г. Каргополь Архангельской области.

Все эти древние образы Грузинской Божией Матери принадлежат к иконографическому типу Божией Матери Одигитрия и относятся близко к изводу Перивлепты, или в переводе с греческого, «Прекрасным обликом».

Этот тип Богоматери Одигитрия с младенцем Христом на левой руке более динамичный и живой, менее застывший и фронтальный, чем в типичной Одигитрии. Здесь наблюдается легкий поворот Младенца к Матери. Поднятая рука в молитве Богородицы почти раскрыта, а Спаситель подносит свою благословляющую длань близко к руке Марии, которая как бы собирает в раскрытую ладонь исходящую благодать. Этот тип Перивлепты сформировался в византийской иконописи в XI веке в правлении императора Романа Ликапена и особенно широко стал использоваться в XII веке. В Грузинской иконе Божией Матери Дева Мария изображена со слегка повернутой и наклоненной к сидящему на ее левой руке Богомладенцу Христу. Голова Иисуса как бы несколько откинута, в левой Его руке свиток, а правая сложена в благословляющем жесте. Характерна еще одна особенность изображения Спасителя: правая нога повернута обнаженной подошвой наружу.

Образ Грузинской Божией матери легко узнаваем во всех

Проспери длани Твоя, имже всех Владыку яко Младенца прияла еси, за множество благодати. Не остави нас всегда надеющихся на Тя...

Публикуется впервые

ее древних иконах, благодаря отличающему их характерному построению фигур в виде треугольника одной, более протяженной стороной, которая соответствует наклону Богородицы в сторону Спасителя.

III. Иконы и судьбы образов

Советская эпоха сопоставима разве что с теми иконоборческими гонениями, что развязало в свое время окружение византийского императора Феофила. В нашей стране иконоборческие страсти разжигались и направлялись большевистским руководством, объявившим в 1918 году своими первыми декретами войну всяким религиям, возводя воинствующий атеизм в ранг государственной политики. «Общество воинствующих безбожников» в 20-30 гг. прошлого века планомерно проводило кампании по разрушению храмов и истреблению всех предметов религиозного культа — икон в первую очередь. Запылали костры из икон, сопровождаемые сатанинскими плясками атеистов. В это страшное время, в 1922 году, после закрытия Красногорского монастыря первообраз иконы Божией Матери «Грузинская» исчез из поля зрения, спрятанный в надежном месте, чтобы в 1946 году, после открытия монастыря, вновь появиться в нем. Архангельский епископ Леонтий (Смирнов) в 1946 году сообщал в Московский

Патриархат, что Грузинская икона участвовала в крестном ходе в Архангельске. В дальнейшем след иконы затерялся.

Утрата первообраза иконы Божией Матери «Грузинская» выдвинула четвертый по значимости список из Раифской пустыни близ Казани в число самых значимых и точных. Известно, что Раифский список буквально не различался ни в малейших деталях от первообраза. После закрытия Раифского монастыря в годы советского богоборчества Раифский список был также надежно спрятан стараниями профессоров Казанского университета и Духовной Академии, чтобы вернуться в обитель на исходе XX века.

Заключение

Проходят века. Но нет конца чудесам и благодеяниям, которым Матерь Божия вечно живой источник... И нет предела Ее милосердию. Бесчисленное число людей страдает и призывает на помощь Матерь Божию перед Ее Боговдохновенными образами, о которых всякий православный обязан иметь общие представления. Автор в простой и доступной форме трех очерков попытался это сделать...

На фото стр. 31

*Святенья обители,
хранящаяся в Грузинском храме
Раифского Богородицкого
монастыря.*

*Прости длани Твоя, имже всех Владыку яко Младенца прияла еси,
за множество благодати. Не остави нас всегда надеющихся на Тя...*

Библиография

1. Васильев А. Исторический очерк Красногорского монастыря Архангельской губернии Пинежского уезда – СПб., 1880
2. Гусева Э.К. Из истории почитания на Руси иконы Богородицы Грузинской и ее грузинском прототипе. Древнерусское искусство. Искусство XVIII – 1 половина XIX в. Сообщ. В Г.Т.Г. – М., 1995, с.6-14
3. Снегирева С. Земная жизнь Пресвятой Богородицы. – М., 1898, с. 293,294
4. Шмаков А. Сказание о чудотворной иконе Богородицы Грузинской и бывших чудесах от нея. – СПб., 1886

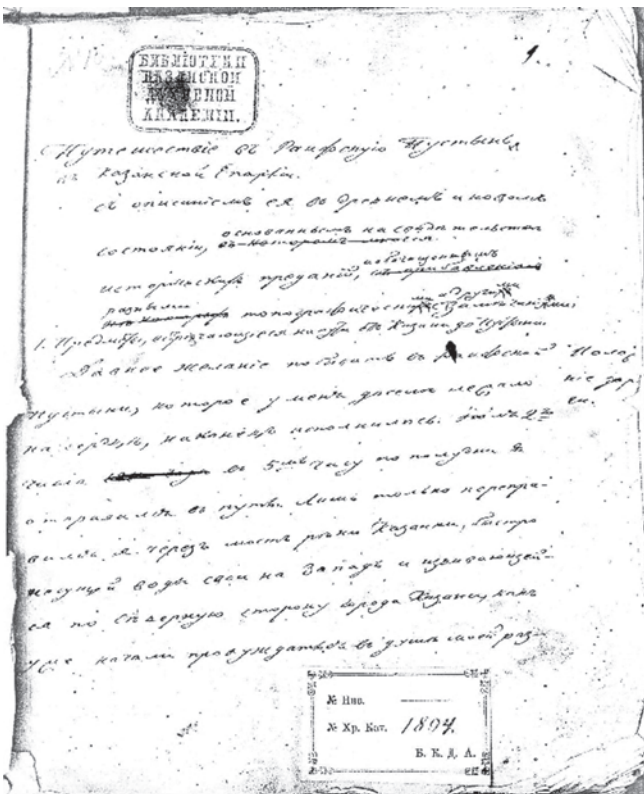
*Паломники у стен Раифской обители. 1879 год.
Фото из архива монастыря.*

Издание
Раифского
Богородицкого
мужского
монастыря

*Воздадим благодарность всем,
кто содействовал своим усердием
к приведению в исполнение
сего благого намерения —
устройства Раифской обители...*

Страницы рукописи «Описание Раифской Пустыни».

Архимандрит Даниил (Сивиллов) 1798-1871

Краткая биография

Настоятель Троицкого Селенгинского монастыря, член Русской Православной миссии в Китае. Из Александро-Невской семинарии, иеромонах, член миссии в Китае (1819-1831), архимандрит, настоятель Московского Златоустовского монастыря (1831), Казанского Предтеченского монастыря и проф. Казанского университета (1837), настоятель Троицкого Селенгинского монастыря. В 50-х годах на покое в Ростовском Борисоглебском монастыре. Скончался архимандрит Даниил в 1871 году.

Всё научно-педагогическое наследие русского синолога осталось в рукописях, хранящихся в архивах Казани и Санкт-Петербурга.

Сочинения:

1. Переводы с русского на китайский: утренних молитв, Зерцала исповедания веры Димитрия Ростовского, молитв, читаемых за литургией, Стоглавника св. Геннадия.
2. Драгоценное зеркало для просвещения ума: Пер. с кит. философской классической книги Сы-Шу.
3. История Китайской империи: В 2-х т.
4. Описание Раифской Пустыни.
5. Историческое описание Троицкого Селенгинского монастыря.

Путешествие в Раифскую Пустынь в Казанской епархии

с описанием ея в древнем и новом состоянии, основанным на свидетельстве исторических преданий, обогащенным разными топографическими и другими замечаниями. 1830 год.

I. Предметы, встречающиеся на пути от Казани до Пустыни. Положение дороги

Данное желание побывать в Раифской Пустыни, которое у меня доселе лежало на сердце, наконец-то исполнилось. Июля 2-го числа в 5-м часу по полудни я отправился в путь. Лишь только переправился я через мост реки Казанки, быстро несущей воды свои на запад и извинаящейся по северную сторону города Казани, как уже начали пробуждаться в душе моей разные приятные чувствования, возникающая из-за обозрения различных красивых видов, окружавших меня со всех сторон.

В правой стороне представлялся взорам моим Кизический монастырь со своей высокой новой колокольней, сосновой рощей, осеняющей его с севера-востока, и часовой с юга; а с

левой — на берегу реки Казанки возвышался в коническом виде с колоннами кругом и церковью внутри великолепный памятник, сооруженный для поминовения православных воинов при взятии Казани за веру и отечество живот свой положивши — памятник приличный христианству, достойный сынов отечества. За ним в расстоянии более одной версты величественно возносился на своем заветном холме Зилантов монастырь, омываемый извинаящейся около его рекою Казанкой и осеняемый развесистыми вязами, растущими в уродливом виде около его ограды. Не менее того занимало мой взор и то полукружие, которое образует собой Адмиралтейская слобода, объемлющая эту обитель с южной стороны, как и напротив ее на другом берегу реки Казанки подгородное село Ягодное, украшенное многими домами богатых с красивыми садами из-за него. Впереди виднелись на одной возвышенности строения знаменитого Казанского порохового завода, поставленного в ряд, лицом на запад, в виде башен, с домом начальника сего заведения. Отселе по скату той же возвышенности начинается уже дорога, собственно пролегающая в Раифскую пустынь.

Вид на Казань из-за порохового завода

Двигаясь вперед, я несколько раз оглянулся на Казань. С разных точек положения дороги она казалась мне как бы некоторым

*Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...
Публикуется впервые*

огромным паникадиллом, висящим под небосклоном, и попеременно то вверх приподнимающимся, то вниз опускающимся, следуя различному положению дороги. День стоял ясный, тихий, дорога шла гладкая и после дождей не пыльная; от этого встречающиеся на пути леса и луга, испещренные различными цветами, еще больше блистали яркостью, а сердце упоилось тем живым чувством радости.

При вступлении в глубину лесов, по сю сторону Волги, равностраняющуюся на север и восток, я наслаждался новыми прелестями видов, открывающихся предо мной с запада. Заволжские горы, подернутые синью, как бы тонким лентием, выказывая из-за леса изгибистые хребты свои, развивали предо мною весьма очаровательную картину; а на северо-востоке расстилалась беспредельная даль, покрытая разнородным мелким, но частым лесом — другое наслаждение для зрения, любящего смотреть на даль, как она постепенно ускользая из вида, преобразуется наконец в облако с ношею своих дальних жителей. Почти на половине пути близ дороги влево тихо колыхалось от слабого ветерка Лебяжье озеро, так прозванное от множества лебедей, слетавших сюда в весеннее время выводить своих птенцов, когда оно здесь представляло им более безопасное для сего убежище место, нежели в настоящее время. Ибо сие иностранные гости, хотя посеща-

ют ныне воды сего озера, но не остаются на них долго, а отлетают выводить новое племя на другие подобные места, более уединенные и спокойные, нежели окрестности Лебяжьего озера, часто возмущаемая человеческой стопою. Позади сего озера рядом влево них забытое другое, которое слывет под названием Карасевого озера, вероятно, потому, что в нем преимущественно ловится сего рода рыба. Сие последнее озеро отличается от первого превосходством своего места положения, хотя уступает ему в пространстве, какое оно занимает в своем объеме отлогия горы, покрытая густым лесом, тянущемся по ту сторону сего водохранилища длинными рядами, составляющего наилучшее его украшение, и своими скатами, упавшими к самым водам его, образующее род набережной, по которой роскошно разрослась пушистая зелень, горящая различными цветами.

Казанские дубравы

С продолжением дороги вглубь деревья начинают приметно увеличиваться. Не доезжая до Пустыни верст 15-ть, воздымаются по обеим сторонам дороги вековые дубы, как некие исполины, в разных положениях и видах, напоминающие собой древние, темные Казанские леса — жилище диких зверей и народов. Ныне же среди сих, некогда страшных и непроходимых лесов, пролегают

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

в разных местах обширные равнины, покрытыя лугами или засеянный хлебом; а от того густота их гораздо веселее, уже не носит на себе того страшного вида дикости, которым она омрачалась в древности. При том частые села и деревни сообщали сему краю больше жизни и улучшение в земледовческом отношении, хотя, с другой стороны, нельзя не пожалеть, что он много лишился своего богатства от ощутительного потребления своих лесов.

На правой стороне от дороги, неподалеку от монастырских лесных дач, поднимаюсь по крутому косоугору деревни Осинава. При начале слева виднеется широкое озеро, отделяемое от дороги длинным и глухим оврагом. Отселе проехать вперед несколько верст, уже начинается принадлежать монастырю. Сосны и ели, как господствующие деревья в этом лесу, особенно привлекли на себя внимание. Первые услаждали зрение своею кудрявостью, а вторые — своим пирамидальным видом, а вместе то и другое, проливая повсюду свой бальзамический запах, очищали воздух от вредных испарений и сообщали ему свою целебную силу. Дорога чем дальше, тем приметнее становилась ее покатысть вперед. Солнце уже склонялось к закату, как я вступил на этот остаток дороги, и яркими лучами проникая сквозь чащу дерев, рисовало среди их различные узоры теней, а птицы вдали и вблизи, резво порхая с ветви на ветвь или весело качаясь на них, громко пели благодарствен-

ную песнь в честь сему великому светлomu дню, сопровождая его в разверстые врата небесного запада. Так богато одетый зеленью лес делал приятную свободу зрению, наслаждаясь его красотою; так щедро источающееся из обилия жизни сего природой, проливало чувству обоняния свое животворное благоухание; столь стройное пение пернатых, в разных звуках напевов, отрадно ударяло в орган слуха своим благозвучием; словом, божественное оживленное торжество летней природы своим цветущим великолепием заставляло охотно забыть все минувшее и наслаждаться одним настоящим, и вместе с нею возносить песнь благодарения ко Всеблагому Творцу, что Он так премудро и великолепно устроил обитаемый нами мир, и что кроме того, Он столь же дивно образовал его такими органами и чувствами, посредством которых человек всегда может быть способен воспринимать в себя все образы видимого творения и обращать земные блага к своему наслаждению.

Вид Раифской Пустыни при подходе к ней

Между тем, как я был занят такими размышлениями, вдруг предо мной открылась обширная поляна, окруженная со всех сторон лесом. Раифский монастырь, занимающий средину на этой поляне, представился моим взорам, как некий уединенный замок. Красивые храмы, воздымая из-

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...

Публикуется впервые

*У стен обители.
Фото Александра Бренинга,
1912 год.*

Раифская Пустынь. Конец XIX века

за стен ограды его и куполы и главы с блистающими на них крестами, извлекали из глубины сердца благоговейное удивление; высокие башни, расставленные по углам и другим частям монастырской ограды, придавали ему какое-то необыкновенное величие и вместе скромное приятное благолепие. С южной же стороны ограды переливалось в пурпурных струях монастырское озеро, в водах которого еще играли в златистых отливах блестящие лучи заходящего солнца. Длинные тени в разных видах и с разных сторон падали с окружающих предметов и слались длинными грядами. Когда я начал перебираться через мостик речки Сербулака, вытекающей с северо-восточной стороны леса на поляну и впадающей на южной в озеро, настала такая всепоющая тишина, что, казалось, вся природа, прекратив вечное действие дневное, предалась повсеместному покою наступающей ночи. Среди такого глубокого безмолвия спокойно проезжая вдоль протока, выпадающего из того же озера с западной его части, я благополучно совершил путь свой до монастыря и въехал во двор с северной стороны ограды с двойными проездными воротами, которые тогда стояли еще открытыми. Здесь я встретил настоятеля монастыря, который принял меня со всеми знаками услужливого страннолюбия, тотчас велел отвести для моего пристанища особый покой в одной башне, стоящей на южной стороне монастырской ограды. Я и остано-

вился в намерении провести в сей обители несколько дней и принять некоторую отраду для духа, а на досуге заняться и обозрением зданий Пустыни и вообще описанием ее основания и возобновления с разными историческими и топографическими замечаниями, какие буду находить приличными и нужными к помещению в состав сего сочинения.

II. Обзорение монастырских зданий, внутри ограды находящихся

Троицкая церковь. Икона Грузинской Божией Матери

На другой день, вставши по утру, пошел я в церковь, в которой отправлялась божественная служба. По окончании оной и поклонений иконе Божией Матери, именуемой Грузинской, я остановился перед нею, дабы осмотреть святой ее лик и убранство ризы. Тусклость красок и старинное иконописанное художество, хотя показывали ее древность, однако ж не уменьшали, но тем полнее увеличивали ее достоинство и важность. Рассыпанная жемчугом и разными драгоценными камнями, подобно как и венец, вызолоченный и убранный такими же камнями, убранство довольно богатое и красивое. Она занимала первое в иконостасе место с левой стороны царских

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...

Публикуется впервые

врат, вставлена в раме за стеклом, перед ней горела серебряная вызолоченная спускная лампадка с елеем. Размеры ее можно примерно определить в 6 или 7 дюймов в длину и около 5-ти в ширину.

По оценке ювелиров, стоит около 10 000 рублей, которая в 1830 году тщаниями нынешнего настоятеля архимандрита Амвросия и трудами Казанского женского монастыря игумении Евпраксии вновь перенизана с большим против прежнего искусством и прочностью.

Алтарь

Здесь стены расписаны разными священными изображениями, равно как и своды потолка, для взгляда не противно. Свежесть красок и качество живописи доказывали новизну сего расписания. Главный престол освящен во имя Святой Троицы. За сим оставалась предметом моего обозрения настоящая церковь. Остановившись в ней, я первое внимание обратил на иконостас. Устроенный в новом виде и простирающийся до самых сводов потолка, притом отличающийся хорошею живописью святых икон в новейшем вкусе и вызолоченный резьбой на полименте. Этот великолепный Алтарь по истине придавал сей части церкви и нарочитое украшение. Здесь стены, так же как и в Алтаре, расписаны разными Евангельскими притчами, на масляной краске. Из центра свода све-

шено медное высеребряное паникадило средней величины. За правым и левом клиросами поставлены удивительной работы и величины киоты с разными Богородичными и другими иконами святых, украшенные в различных местах резьбой и позолотой.

Далее следовала рассмотрению Трапеза. В этом отдаленном месте церкви главное украшение составлял Святитель Димитрий, Митрополит Ростовский, Чудотворец, устроенный с левой стороны, а на правой стояла киота с разными иконами святых. Придельный иконостас новой работы, вызолоченный по резьбе, украшался сверх того святыми иконами довольно красивой живописи. Но стены здесь выкрашены просто зеленой краской под мрамор на клею.

Наконец, в заключение обозрения внутренности сей церкви взглянул на паперть, пристроенную к ней со входа довольно значительной возвышенности от нижних ступеней крыльца и покрытым железом овально. Наружный вид этой церкви представлялся обыкновенным четырехугольником, если выключить из того отделения Алтарь и Трапезы с папертью, на котором верх без купола, на кругообразном пьедестале и покрыта, в отличие, зеленой черепицей, между тем как на всей церкви кровля по железу выкрашена зеленой краской.

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

Теплая церковь

Рядом с холодной Троицкой церковью на расстоянии сажен до 10-ти стоит теплая церковь, здание также каменное. В ней главный престол освящен во имя Преподобных Отцев в Синае и Раифе избиенных; от чего и самый монастырь получил название Раифского. Наружный вид этой церкви полуготический, довольно красивый, хорошо поддерживаемый, по всему должен бы обещать и внутреннее благолепие, соответствующее внешнему украшению. Напротив того, внутренность далее уступает внешности; так что из внимательного обозрения внутренности оказывается, что вся эта церковь находится почти в совершенно развалившемся состоянии, и надобно дивиться, как еще и доселе есть доблесть духа продолжать в ней служение в зимнее время! В Алтаре, кроме низких сводов такой же арки в Царских дверях, стены снизу и доверху изъязвлены столь глубокими трещинами, что впоследствии по необходимости принуждены были подпереть своды Алтаря двумя деревянными столбами, поставленными по обеим сторонам Царских дверей. Эта часть церкви, несмотря на свою особенную важность, оставлена без всякого почти внешнего украшения, кроме необходимых для служения предметов. Настоящая же церковь, хотя менее других частей потерпела от повреждения трещин и более прочих, представляла красоты в первоначальном своем расположении; однако ж и она ли-

шена потребного убранства. Стены не раскрашены и покрыты копотью. Но трапеза, кроме подобной обнаженности внешнего благолепия, — в ней своды слишком пологи и широки; ибо с левой стороны пристроенный придел и освященный во имя Святителя Евфимия, Архиепископа Новгородского Чудотворца, соединив с общою трапезою, совокуплен вместе с сводом трапезы; чтобы у нее было несколько должное благообразие, — всегда может угрожать падением. Стены поражены во многих местах значительными трещинами. К приведению сей церкви в столь жалостное положение немало содействовало устройство над настоящей и Алтарем другого этажа, в котором некогда освящена была церковь; но как увидели, что нижняя церковь оседает и распадается, то и упразднили ее. Главнейшая же причина такого повреждения сей церкви, как и других многих зданий монастырских, заключается в слабом грунте земли, на котором основаны все монастырское строение, а отселе становится теперь ясным, почему эта церковь во внутреннем своем положении оставлена без особенного украшения; ибо тщетны были бы труды, напрасны издержки, если бы и стали заботиться о проведении ее в приличное благолепие.

Колокольня

В связи с теплой церковью и одинаковой с ней архитектуры сооружена колокольня. Ход на нее проведен из паперти со вхо-

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...

Публикуется впервые

да левой стороны, а на правой продолжают коридоры для хода в келии. В них помещаются преимущественно такие послушники, коим поручается пономарская должность. Колокольня, такая же, как и теплая церковь, покрыта листовым железом и выкрашена одинаковой в ней зеленой краской. В обычае у русских определять достоинство колоколен высотой, но у Раифской колокольни высота умеренная. Любопытство завлекло меня совершить путешествие наверх, где бьют колокола. В числе семи колоколов разной величины и звона, развешенных по окнам, самый большой, занимающий середину и место родоначальника, весит 150 пудов, слитый, впрочем, недавно. Вообразите, сколь приятно здесь слышать звон колоколов, разливающийся по окрестностям Пустыни, где некогда раздавался страшный рев диких зверей и царствовала мрачная глушь в дебрях ее; сколь также пленительными отсюда представлялись и самые виды, устремляющиеся сюда со всех сторон, как радиусы к своему центру, со всем разнообразием дали! Чтоб видеть эту картину, стоит того, чтобы потрудиться преодолеть трудности узкого пути, ведущего наверх колокольни! Не знаю, надобно ли здесь вспомнить и о другом узком пути? По крайней мере, мне, кстати, вспомнилось здесь о нем, когда стал спускаться на низ по крутым спускам среди густой темноты и

узкости хода. После того, как я сошел с колокольни и вышел на двор, обратил на себя мое внимание один столбик, одиноко стоящий посреди двора неподалеку от колокольни и огороженный кругом оградкой из баясин. Это солнечные часы, довольно чистой тульской работы, утвержденные наверху столбиком и накрытые стеклянным чехлом для защиты их от сырой ненастной погоды. Они, как известно, постоянно измеряют течение времени в солнечные ясные дни и никогда не изменяют верности своего долга. Но лишь только солнце закроет лицо свое, тотчас пропадает на них тень, и они тогда прекращают свое действие.

Ризница

Обозрение ризницы монастырской отложил я до другого времени, предполагая, что она снабжена довольно значительным количеством вещей; а потому и требует продолжительного занятия при обозрении. Но опыт далеко не соответствовал моему ожиданию. Несколько служебных облачений, не слишком, впрочем, богатых, униженных жемчугом, и напоминающих жертвы усердной древности к благолепию церковному; далее немного перемен риз, подризников и стихарей со своими приборами новейшего устройства и материй, составляли полное собрание священных одеяний. Наконец, две или три перемены церковных сосудов с некоторою

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

другую утварью разного достоинства и величины довершали остальное богатство ризницы. В числе прочих вещей ризницы показывали мне две Архимандричьи шапки, одну — шитую серебром и золотом, а другую — шитую золотом по фиолетовому бархату.

Кроме сосудов и другой металлической церковной утвари, хранимой в Алтаре холодной церкви в особом ящике, все прочие вещи, принадлежащие к разным одеяниям, уложены в шкаф и хранятся в старой теплой церкви; ибо прежнее ризохранилище в ней разобрано, которое потом устроено в новом храме.

Церковь во имя иконы Грузинской Богоматери

Напереди двух старых церквей, холодной и теплой, неподалеку от Восточной монастырской ограды, воздвигнут новый теплый храм в италийском зодчестве, довольно великопелный. Западным фасадом он упирается прямо против того промежутка, который лежит посредине оных двух церквей. Обращенный фасадами на три стороны и Алтарем на четвертую, он таким видом представляет образ креста с фронтами, что также составляет в своем роде немалую красоту. Для облегчения тяжести, купол выстроен деревянный, который украшается полукруглыми окнами, обращенными на все четыре стороны, из которых однако свет не проходит в церковь, потому что деревянный потолок, простер-

тый во всю длину настоящей церкви, закрывает все пространство купола. Это сделано с тем намерением, что потолок предположен украситься иконным рисованием.

Внутренность церкви двухэтажная. Алтарь огибается высокой аркой. Приделы на правой и левой сторонах отделяются от настоящей церкви рядами четырехугольных колонн. Здесь уже по законам новой архитектуры исключены из внутреннего пространства церкви те стенные преграды с тяжелыми арками, которыми в старинных церквях обыкновенно любили отделять трапезу настоящую и Алтарь. Отчего эта церковь теперь представляет внутри себя более простора и красоты, простираясь на пролете во всю длину до самого Алтаря и давая всем видеть все происходящее в ней священнослужение. Главный престол освящен в честь Пресвятой Девы Богородицы Грузинская; а приделы, один — во имя Святителя Иоанна Златоуста, другой же — во имя святителя Иануария Папы Римского, ангела одного благодетеля Томского купца Ливерия Колычева.

Архиерейские келлии

Западный фасад сего храма в верхнем этаже над папертью занимают келлии, построенные на случай приезда Епархиальных Архиереев. В обыкновенное время помещается в них настоятель монастыря. В этих келлиях уст-

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...

Публикуется впервые

роена молельня, из которой можно слышать Богослужение, во всех сих храмах совершаемое.

Под ними по обеим сторонам паперти устроены две келлии для некоторых из братии. Сооружение этого храма было предпринято из-за ветхости старой теплой церкви. Повреждение ее от глубоких развалин, угрожающих неминуемым падением, по необходимости заставляло прямо обратиться к замене ее другим подобным зданием. Сколь ни многочисленны представлялись затруднения со стороны пособий, потребных к достижению сей цели, однако ж все оне преодолены трудолюбием нынешнего настоятеля. Построение этого храма со всем внутренним украшением стоит около 50 000 рублей. Этот храм надолго останется украшением обители и памятником усердия граждан Казани **и нынешнего Митрополита Киевского, как особенного любителя сей Пустыни, в которую он любил уединяться для отдыха и первый родил мысль к сооружению сего храма. Похвала ему у Бога....**

(Вся выделенная фраза архимандритом Даниилом (Сивилловым) перечеркнута — ред.)

Старые Настоятельские келлии

Напротив вышеописанных двух старых церквей вблизи за-

падной монастырской ограды расположен каменный двухэтажный корпус Настоятельских келлий на пространстве около 15-ти сажен длины и сажен до 6-ти ширины. Сей корпус разделен на две половины, южную и северную. Первую половину занимали настоятели, а во второй — комнаты убираются и доселе для принятия знатных лиц из посетителей. Комнаты, как в той, так и в другой половине, убраны надлежащим приличием и содержатся в возможной чистоте. Ход в них, открытый с восточной стороны, также разгорожен стеной на две половины. Одни идут к настоятельским келлиям, а другой ведет на половину приемных комнат. Из сей последней сзади протянута деревянная крытая галерея на монастырскую ограду, утвержденная на столбах.

Когда приезжают некоторые из посетителей и поселяются в сих покоях, то они всегда имеют возможность выходить прямо из своей половины на ограду и прогуливаться по ней с приятным наслаждением видами, которые с сей стороны в особенности многочисленны, разнообразны и великолепны. В нижнем этаже под обеими сими половинами устроены другие келлии, из коих одне на южной половине занимаются казначеем; а на северной — помещается братия. Кровля на сем корпусе покрыта тесом и выкрашена красной масляной краской.

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

Софийская церковь

После настоятельских келлий, по следованию расположения зданий, следовало бы предложить некоторое описание братских келлий. Но Софийская церковь входит с ними в нераздельную связь; то и надлежит прежде обратить на нее внимание, дабы представить в кратких чертах внешнее и внутренне убранство. Церковь трехэтажная, сооружена во имя Св. Мученицы Софии и трех ее дочерей: Веры, Надежды и Любви. По левую сторону с проезда в монастырь близ проезжих ворот вид ее полуготический, довольно красивый, внутренность опрятна и освещена окнами достаточно. Алтарь небольшой, стены и свод выкрашены белой клеевой краской. И вообще в ней менее, нежели в других церквях, приметна ветхость, конечно, не отчего другого, как она занимает местоположение гораздо тверже того, какое занимают все прочие здания, приближенные к берегам озера. На иконостасе хотя видны некоторые признаки ветхости из поблекших на иконах красок и полинявшей на резьбе позолоты, похоже, он в самом составе своем прочен; а потому может еще долго противостоять разрушительной силе времени. Служба в ней отправляется однажды в год в храмовый праздник, 17-го числа сентября. Одно в ней неудобство, ход довольно затруднен теми пристройками, которые к ней примыкают; в особенности те покои, которые устроены с южной стороны с разными службами на слу-

чай помещения богомольцев, беспорядочным своим расположением составляют главнейшую невыгоду хода. Ограничившись таким кратким взглядом, все постороннее оставляю без замечания, кроме одного случая, о котором мне довелось узнать на месте. Для любопытства я его помещаю здесь.

В недавние годы над сей церковью разразился громовый удар. Пролетевши извивающимися полосами по иконостасу, он произвел было в ней пожар. Однако ж действие пламени успели остановить. Признаки же огня и доселе остаются свидетелями случившегося с ней такого искушения, и вместе чудного ее спасения от разрушения пожаром.

Братские келлии

За сею церковью следует каменный двухэтажный корпус братских келлий. Он идет на восток вдоль той же монастырской ограды длиной сажен до 30-ти и около 6-ти сажен в ширину. Кроме ограды, которой степень меры основана на предварительном измерении монастырском, впрочем здании мера определяема была по глазомеру.

Эти покои недавно возобновлены усердием помещика Киселева; однако ж ход остался в прежнем затруднительном положении.

Между монастырской оградой и сим корпусом во все продолжение задней его стены протянут крытый коридор, на который ход поднимается с западного конца, в смежности с Софийской

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...

Публикуется впервые

церковью. В некоторых частях коридора навешены двери, из коих одними можно выходить на монастырскую ограду, а за другими сделаны места для стока нечистот, с отверстиями для очищения воздуха. Внутреннее расположение 12-ти братских келлий устроено довольно выгодно и сообразно с иноческим бытом. Две комнаты, передняя и внутренняя составляют для одного старца свой особый кров, в котором он может находить все потребное для жизни и покоя. Верхний этаж весь занят размещением келлий для братства, а в нижнем этаже, разгороженном на четыре отделения, устроены разные службы, и, между прочим, помещен ледник.

Колодец

На восточном конце братских келлий спущен сруб для колодца. Сверху он накрывается шатром. Вода выкачивается колесом, но к питью мало способна по своей жесткости. Вид имеет желтоватый и отзывается несколько гнилью. Впрочем, она имеет свое достоинство и употребление. Ее черпают при монастырских постройках, а для лошадей она составляет наилучший водопой. Но и при всем том, он вырыт напрасно, потому что — вода в озере подле самой ограды монастырской.

(Весь абзац перечеркнут — от редакции).

Братская трапеза, кухня

Подобное здание, как и на северной стороне, также двухэтажное, продолжается и вдоль южной ограды. Вероятно, этот корпус первоначально был выстроен для братских келлий, но при возобновлении сего монастыря после произошедшего в нем пожара; по причине повреждения его от трещин и опасности падения, был оставлен; а в месте его на другой стороне вновь выстроен подобный корпус для братского помещения, который выше был описан. Впрочем, здесь теперь в верхнем этаже помещается братская трапеза; а по обеим сторонам ее в оставшихся келлиях живут некоторые из старцев братства. Ход в них, равно как и в трапезу, открыт с монастыря. В нижнем же этаже под трапезой и сими келлиями устроена братская кухня с погребом и кладовой. В связи с сим корпусом на Западном его конце существовала некогда церковь. Она была выстроена в параллель стоящую и поныне на северной ограде Софийскою церковью. Но теперь эта церковь за ветхостию, а больше по предупреждению, упразднена. А чтобы облегчить тяжесть ее и тем предотвратить преждевременное ее разрушение, нашли полезным снять с нее верх и перекрыть по образцу обыкновенных жилых покоев. Теперь во внутренности сего здания помещена монастырская библиотека.

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

Монастырская библиотека

При обозрении сего книгохранилища я не нашел в нем такого собрания книг, которое многочисленностью своей требовало продолжительного времени на обозрение, ни таких изданий, которые своею древностью обращали бы на себя особенное любопытство. Несколько экземпляров богослужебных книг с некоторым небольшим числом писаний Святых Отцев ограничивали почти богатство библиотеки. Посему, как прежде в ризнице, небогатой своим достоянием, я недолго медлил теперь и в библиотеке над разбором книг, бросив несколько беглый взгляд на полки, уставленные книгами, чтоб составить себе приблизительное понятие о богатстве оных, я вскоре после того оставил и самое здание, в котором заключалось сие духовное сокровище. Впрочем, это здание хотя внутренним своим богатством не завидно; но зато своим местоположением превосходит многие другие здания, ибо будучи выстроено близ берега, против самой расширенной середины озера, окруженного со всех сторон высоким лесом, оно сводит под один взгляд все красоты видов, какими имущественно гордится эта сторона пред прочими. Но таким удовольствием можно наслаждаться не из библиотеки, а по выходу из нее, стоя на крыльце, сделанном с хода монастырской ограды к библиотеке. Можно себе представить, сколько бы внутренность библиотеки в этом

отношении могла приобрести себе выгода, когда бы ход в нее был с другой стороны, а настоящий снят, и были бы при том пробиты окна на западную сторону! Но как сего не сделано, то все сии выгоды исчезают, даже внутреннее пространство не имеет достаточного света. Узкие отверстия, открытые с северной стены ее, слабо удовлетворяют потребность хорошего освещения.

Пещеры затворнические

Внизу под сим зданием показывали мне одну пещеру отшельнического затворничества. Теснота внутреннего объема, слабое, едва мерцающее сияние света, проникающее внутрь пещеры из узенького оконца, низменность потолка и сырость пола, стесненность воздуха и жесткое ложе; все это облекало пещеру видом строгаго, пустынного затворничества, все знаменовало трудность подвижничества в самоотвержении. «Пустынным непрестанное божественное желание бывает, мира сущим суетного кроется». Я слышал от одного пустытника, не скажу как назывался и к какому веку принадлежал, что затворнику, сидящему посреди тесной пещеры, чрезвычайно полезно с толком напевать те стихи, певаемые на воскресных утренних, и таким образом отражать наветы древняго врага человекоубийцы. В эту пещеру помещался по временам один безмолвник, который около 20 лет вел жизнь безмолвную.

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители... Публикуется впервые

Библиотека. Начало XX века

Софийская церковь. Начало XX века

Оставив пещеру со всеми знаменьями духовного ее любомудрия, пошел я мимо трапезы к той башне, которая занимала середину на южной стороне ограды. Между сею башнею и корпусом трапезы с прочия принадлежностями, другое стоит здание, каменное. Об одном этаже и несколькими аршинами уже прочим соседнего с ним корпуса. Оно разделено на три части келлий. Среднюю часть занимает просвирник, а в двух боковых помещаются двое иноков. Сказывают, что это здание первоначально выстроено было с двумя этажами, верхним деревянным, где существовали келлии для помещения Преосв. Митрополита Тихона и при них церковь каменная во имя Тихона Амафунтского. Но когда этот верхний деревянный этаж стал приходить в ветхость, то и был сломан; а нижний каменный, который занимаем был разными покоем, необходимыми для службы, перекрыт и обращен потом в братские келлии.

Упразднение келлий Митрополита Тихона III

Все это строение воздвигнуто на сем месте, довольно выгодном по занимаемому им положению, обращенному с южной стороны на озеро и близкому к церквам и другим жизненным потребностям. В нем часто уединялся прежде бывший Преосвященный Тихон III, Митрополит Казанский. Любя уединение, он нередко посещал Раифскую обитель и осо-

бенно в летнее время.

Здесь он на всей свободе пользовался приятным отдыхом после трудов Епархиальных; а в часы досуга для развлечения позволял себе некоторые и другие невинные забавы. Памятником такого странствия и действия сего Преосвященного в преданиях Раифской Пустыни и доселе остался на озере один деревянный сруб, сокрытый под водою, на котором некогда была оснащена беседка. Сюда он часто хаживал освящаться прохладю воздуха в летние душливые жары и наслаждаться всеми прелестями видов, какие отселе открываются во все стороны окрестностей, а для забавы брал с собой и уду для ловли в озере рыбы. При всем этом, к сему преосвященному и доселе сохраняется в обители особенное уважение, и без сомнения, не без основания почитается в оной. Портрет сего Пастыря, как единственный памятник признательности, какую посемя и до ныне в монастыре питают, занимает одно из почетнейших мест в настоятельских келлиях.

Теперь остается сказать несколько слов об церкви, которая в смежности с сим зданием занимает средину южной монастырской ограды. В верхнем этаже устроена была церковь, она почиталась домовою или временно-крестовою Архиерейскою церковью. Ныне эта церковь упразднена. В среднем этаже переделана в жилые покои, в коих и мне довелось провести несколько дней во время настоя-

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...

Публикуется впервые

шаго моего путешествия. Небольшой залец, спальня с кладовой в стороне и прихожая составляют хорошее пристанище для временного пребывания, но такие покои могут служить с выгодой и для постоянной жизни. Ход в них с монастыря ведет по крутой лестнице наверх в небольшой крытый коридорец, протянутый во всю длину южной стороны сей башни, с окнами на озеро и с боковыми дверьми на монастырскую ограду.

Внизу под сими комнатами внутреннее пространство оставлено без надлежащего убранства с заколоченными окнами. Внешнее обличие этой башни очерчено своим особенным характером. Снизу она четырехугольная, с середины, начиная с среднего этажа, в котором помещены жилые покои, она имеет вид округлой, которая окончена старообразной главою без креста, покрыта тесом. Эта башня, при всей своей грузности и близости к берегам озера, менее других зданий пострадала от рыхлого песчаного основания. На ней почти не видно никаких трещин ни внутри, ни вне. Из коридора ее можно любоваться красотами на озеро.

Кладбище

От сей башни и Алтаря старой теплой церкви вдоль нового храма простирается на восток до самой ограды довольно значительное пространство земли, занимаемое монастырским кладби-

щем. Одна маститая зеленая пихта, два развесистых сибирских кедра и две высокие лиственницы приветливо осеняют своими ветвями несколько скромных памятников, складенных из кирпича над прахом некоторых из усопших прежних настоятелей сего монастыря и других лиц, служивших в числе братии. Прочие деревья, как служащие более украшением садов из числа нескольких яблонь, посаженные по кладбищу; незаметно было ни одной, которая хорошо принялась в корне и разрасталась в большое дерево. (Низменный, сырой грунт земли всегда уничтожает все усилия развести здесь сад с разными деревьями). Посаженные по разным местам кладбища несколько занимают воображение среди сего жилища смерти своим меланхолическим всегда зеленеющим видом, как знамением безсмертия, невольно поселяют в душе какое-то смешанное чувство, поражающее трепетом мысль при воспоминании о тленности человеческого естества, и вместе отрадное сердце по уверенности в воскресении мертвых. Судя по местоположению, нельзя было избрать другого участка земли в монастыре, лучшего для покоения в недрах земли усопших, как настоящее, на котором теперь основано сие кладбище. На столь ближайшем расстоянии пространства земли, занимаемого им между двумя церквами, нельзя не

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

заметить пролегающего резкою чертой рубежа смерти и жизни, и в то же время не пробудиться мыслью, известной из следующего изречения: «помни последнее твоя, и во веки не согрешишь». Посему это место двояко может быть полезно для живых и для мертвых. В отношении к первым оно может быть полезно потому, что заставляет их смиряться памятию о смерти, а в отношении к последним оно полезно тем, что подает им отраду от живых, которые здесь ежедневно оглашают священными песнями бранные их останки, отраду их душам по закону веры... По заповеди Творца природы: «Земля еси и в землю отыдеши».

III. Описание монастырской ограды с башнями и видами с них

Кладбищем, как общим пределом жизни, окончиваю обозрение зданий, находящихся внутри монастырской ограды. Теперь останавлиюсь на другом, частном пределе, которым ограничивается окружность монастыря и начинается новое зрелище, на котором взор, свободно перебегая от одного предмета на другой, тщательно собирает в свою сокровищницу все разнообразие видов. Я разумею чрез эту монастырскую ограду, с которой хочу начать описание видов, представляющих с ее башен, с присовокуплением к тому краткого очерка, взятого и с самих башен. Не приступая вдруг

к сему делу, сначала нужным почитаю дать краткое предварительное понятие о внешнем устройстве самой ограды.

Наружный вид этой ограды представляет неправильный четырехугольник, с глухой аркадой, обращенной во двор монастыря. Во все протяжение ее простирается крытый ход с амбразурами верху и с отверстиями внизу для пушечных выстрелов.

Причина же такого ее устройства будет сказана на своем месте. На верх хода ведут чрез отверстия по каменным ступеням, сделанные в разных пунктах ограды лестницы. Кроме сего и в самих башнях есть такие же отверстия, в которых утверждены лестницы для восхода на верх ограды. Следуя глазомеру, высоту ее можно положить сажень 5-ть, толщину в аркаде до 2-х аршин, в промежутках ее до половины тоньше, окружность же ее, по предварительному монастырскому измерению, содержит в себе 230 квадратных сажен.

На таком протяжении и устройстве монастырской ограды все четыре ее угла и другие части венчаются огромной величины башнями. Из внутреннего устройства некоторых из них видеть можно, что некогда в них существовали церкви, но с течением времени, по разным обстоятельствам, упразднены. Из сих одна только осталась неприкосновенною в башне, стоящей над Святыми воротами. Замечательно, что каждой из этих башен дан свой особый вид архитектуры,

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...

Публикуется впервые

*Икона
Божией
Матери
«Грузинская»*

*Братия монастыря с иконой
Божией Матери «Грузинская»*

потому ли, что создателю хотелось сим обозначить различие стран света, или потому, чтоб чрез это ощутительнее выразить разнообразие видов, представляющих с каждой из сих твердынь ограда в своей особой физиономии, или, может быть, чтоб показать тем разность народонаселенности в сем крае, — совокупность русских жителей с племенами Азии. То ли или другое имел в виду создатель сих башен, определить теперь с точностью настоящую его мысль, представляется немалая трудность. По крайней мере, всего вероятнее можно предположить, разнообразие се внушило ему мысль представить устройство башен в разных лицах, и он подал этому внушению, может быть, и тою целью, дабы чрез соединение различных видов с разнообразным устройством башен представить в целом объеме одну картину, и в то же время обратить внимание зрителей, как живо рукою природы образуются на ней пред глазами их отличительные черты различных видов, попеременно смешивающиеся с искусством человеческой изобретательности! Согласно с сим последним предположением я начинаю обозрение башен и видов, как я уже недавно пред сим и положил тому начало, дав краткий очерк той башни, которая сооружена посреди южной монастырской ограды.

Башня над Святыми вратами с церковью в ней Святителя Николая

Теперь же начатое снова возстановляю, но уже с другой башни, которая поставлена на самой середине восточной монастырской ограды. Эта башня сооружена в виде четырехугольника конического устройства, с самого основания постепенно суживаясь кверху, она потом сокращается тупым остроконечием, на котором возведен крест во знамение того, что внутри ея освящена церковь. Бока ея, идущие вверх квадратно, покрыты тесом и выкрашены. Она имеет вокруг себя ход с навесом, поддерживающимся столбами. Ход же на площадку устроен с монастырского двора чрез отверстие в башне; отселе с северной стороны отверзается дверь в церковь. Как главный престол сей церкви освящен в честь Святителя Николая Чудотворца, то она и носит на себе имя сего святого. Внутренность ея кругообразна и в объеме и не слишком обширна; посему почти одним взглядом окидывается все ея внутреннее пространство.

Впереди видишь иконостас; по правую и левую руку представляются зрению полукруглые на стенах окна, далее и потом со сводом заключают весь обзор настоящей церкви. Алтарь также небольшой и не слишком разнообразный, из главнейших здесь их принадлежностей, какия мо-

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...

Публикуется впервые

гут идти настоящего замечания, представляется только то, что он чист и светел. Служба в сей церкви отправляется только по праздникам Святителя 9 мая.

С площадки, устроенной под навесом хода около сей башни, первый предмет любопытства, который с восточной стороны представляется взору и поражает воображение красотой своего вида, преимущественно составляет лес, который, разходясь здесь в обе стороны, на север и юг, образует правильное полукружие и идет прямо на запад. Перед ним извиается речка Сербулак, осененная по берегам тальником и другим кустарником. Выбегая из восточного полукружия леса, и протекая поперек поляны, она отселе впадает в озеро там, где оно оканчивается. За ней на южном конце того же полукружия, образованного лесом, скромно стоит под тенью густых сосновых деревьев монастырская каменная часовня, которая построена в 1831 году на большом московском тракте, идущем мимо Пустыни чрез Вязовской перевоз в весеннее время, когда снимается Васильевский перевоз чрез Волгу.

Цель постройки часовни

Каждый год июля 31 дня выносятся из сей пустыни в город Свяжск икона Божией Матери, нарицаемая Грузинскою. Такой вынос, по чиноположению церковному, отправляется с сопро-

вождением крестного хода, в продолжение которого на известном каком-либо месте положено также совершать служение или молебн. Но чтоб непросто под открытым небом совершать пение молебна, а показать благолепия церковного служения и выстроена здесь часовня, в которой и исправляется это чиноположение. Между тем она служит еще и некоторым предметом, которым оканчивается здесь присутствие монастырских священнослужителей за иконой и отделяется с другой, сопровождающее ее до города. А еще в сей часовню от проезжающих по большему тракту собираются небольшие вклады; но крестный ход, учрежденный по случаю сего выноса иконы, заключает в себя особый предмет любопытства, о котором здесь слегка упомянуто, почитаю также приличным.

Причина выноса Иконы Грузинской Божией Матери в Свяжск

Некогда в городе Свяжск свирепствовала моровая язва. Жители, утраченные множеством жертв, похищаемых смертью, обратились с просьбою к управляющему тогда Казанской паствою Преосвященному митрополиту Лаврентию о дозволении им поднять вышеозначенную Св. Икону из Раифской Пустыни и перенести в свой город для из-

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

лияния пред святым Ея ликом своих молитвенных прошений о избавлении их от необычной напасти. Святитель в уважении сего несчастного приключения охотно согласился на просьбу и желание. Дозволил им взять Святую Икону и перенести к себе с приличною гостию. Так по благотворному действию сей Св. Иконы прекратилось моровое поветрие; жители Свияжска в благодарность за такое благодеяние, оказанное им ходатайством Божией Матери, и положили с тех пор и далее постоянно следовать сему благочестивому обыкновению, которое и доселе продолжается. Сия Икона берется не только в город Свияжск, но и в другие многие села и деревни, встречающиеся на пути, при перенесении ея из пустыни, принимается в дома с должным благоговением сельских обывателей, источая на них обильно свои благодатные дарования.

Юго-Восточная башня

На сей же стороне по обоим углам ограды возвышаются две другие башни, которые не менее отличаются одна от другой. И высотой, и толщиной, и устройством, как и качеством видов. Стоящая на юго-восточном углу башня своим убранством походит больше на Египетскую пирамиду, нежели на обыкновенную монастырскую башню. Объем ея, с самого основания округлый наподобие столпа, составляет главное отличие от прочих, в какое она

облечена рукою художника. Самый верхний край ее оканчивается острым шпилем, сверху которого на несколько аршин вниз сброшена в виде колпака кровля. Кругом ее, так же как и у всех других, крытый ход сделан ровень с ходом ограды. В ней с потолка на довольно длинном протяжении до пола спущены на веревках гири боевых часов, если только можно назвать гириями те вещи, которые привешены к веревкам; ибо на одной из них висит чугунная пушка, на другой — куски дикого камня.

Эта пустота внутренним своим устройством могла бы достичь такую же выгоду, как и другие подобные ей вместилища в прочих башнях, если бы не затемнена была закладкой некоторых окон, и равнялась с ними в убранстве, которого она теперь лишена совершенно. С внешней стороны в боку извивается лестница наверх чердака, где поставлены боевые часы. По ней всходят заводить их, а некоторые и просто для одного любопытства туда путешествуют.

Нельзя не одобрить того, что сей башне поставлены боевые часы. Это место для них самое приличное; ибо обращенные со стрелкой и кругом с часовыми знаками прямо на ту сторону, на которой пролегает главный путь к монастырю и в другие околные места, они каждому из проезжающих удобно показывают степень времени, по которому он может соразмерить продолжение своей дороги. Кроме сей выгоды для проезжающих, подобные

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители... Публикуется впервые

часы еще приносят пользу для монастыря; потому что каждый из живущих в нем удобно может извещаться о продолжении времени; и, сообразно с сим, располагать своими действиями. Штатные же служители, слыша бой часов, всегда могут держать себя в готовности на определения им службы, в особенности же с верностью они могут отправлять должность звонарей.

Вид с Юго-Восточной башни

Вид с этой башни столько величественный, как и красивый преимущественно открывается с южной стороны, где почти при самом подножии сего находится монастырское озеро, и представляет глазам столь же приятную картину, сколько приятны для обзора и самые составные ее части, украшающие берега его по ту и по другую сторону. Здесь густая осока волнуется от веяния ветра, когда на ней, как на некоей арфе, своей волшебной силой извлекает какие-то заунывные, но вместе и трогательные звуки, к которым внутреннее чувство слуха, прислушиваясь, повергается в неизмеримую глубину тайн природы, стремясь за последними их отголосками, и не постигая их, истощается в одних услышительных мечтаниях; а на другой стороне озера широкие листья лапушника с своими блистающими желтизной цветами стелются поверх воды и плава-

ют по глади ее, как звезды по тверди небесной. Сверх сего, тот берег представляет зрению еще другую очаровательную картину. Высокий лес, спущенный частым березняком, идущий вдоль берега на запад густыми рядами и в разных местах пересекающийся проталинами сенных покосов, открывает такое прекрасное зрелище, на котором глаза с удовольствием проследуют ряды деревьев, подвигающиеся вперед сонм за сонмом в той очаровательной, преемственной последовательности, что не хочешь принудить себя думать, чтобы это один и тот же совершал сие великопешное шествие, но напротив, то лучше соглашаешься вторить, что это другой подобный первому беспрерывно сопровождает предшествующий. С восточной же стороны представляющийся отселе вид, как во всем есть подобный тому, какой был описан с башни над Св. вратами; то и не присоединяю в состав настоящего вида.

Северо-Восточная башня

Но с Северо-Восточной башни свой особый вид открывается прямо с северной стороны, подобно как и на противоположной ей — с южной. Посему мне теперь предлагает труд снять с себя некоторые черты для сего вида полуночная страна, которая также богата своими видами, хотя иногда угрюмыми и задумчивыми, как и полуденная светлыми и игривыми, хотя

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

и не везде одинаково раскрывающимися. Но такая противоположность в природе отнюдь не производит в ней безобразия, а представляет только прелести в различных их видах, начертывая на каждом из них свою особенную физиономию, ибо в ней все приведено в такую гармоническую стройность, что вещи, поставленные на своем определенном месте, везде составляют свой особенный вид. Таким образом, вид с сей башни, представляющейся с Северной стороны, не чужд своей приятности. Здесь лес тянется на запад такими же рядами, как и на южной стороне за озером, только гораздо того гуще и без проталин. Вдоль его протекает из озера монастырского проток, по берегам которого растущий кустарник, смешанный с высокой травой, скромно сопровождает его до самой речки Сербулака, где и соединяется с ней у мостика; а из сего происходит другое украшение, которым самый монастырь всегда может красоваться, и наипаче во время весеннее, ибо в это время года от различия весь сей проток наполняется водой и вместе с речкой обтекает монастырь и соединяют один край озера с другим так, что из такого соединения вод образуется род острова, на котором монастырь, возвышаясь, издали представляется как бы другим Ноевым Ковчегом, плавающим посреди вод, окружающих его со всех сторон, иногда заливающих его стены. В другое время года этот проток от истока своего пересыхает. Если бы прочистить его несколько сажен вниз; тогда б мона-

стырь навсегда мог окружаться такой красотой. На эту возможность указывает сама природа.

Устройство Северо-Восточной башни

Устройство сей башни также приличествует своему положению и соответствует тому виду, который она представляет взору с северной стороны, его олицетворяющей; ибо будучи устроена на образец обыкновенных башен, строящихся при монастырских оградах, она более, нежели другие ее соседнии, отличается скромностью и простотой, чуждой излишней искусственности. Ход вокруг ее, начинаясь с общаго по монастырской оградою хода, накрывается сверху навесом, поддерживающимся на столбиках; и, открытый со всех сторон, он даст возможность проникать отсюда на многия красивыя монастырские окрестности. Внутреннее пространство имеет такое же расположение, какое можно видеть и в прочих башнях.

В нижнем ярусе помещается монастырская кузница, куда иногда заходит монастырский Вулкан ковать железо, обращаемое, впрочем, не на стрелы для поражения исполинов, но просто употребляемое то на подковы лошади или на другие какие изделия монастырских. Когда я стоял на верхнем ярусе этой кузнечной фабрики, тогда стук молота не дребезжал в ушах моих и наковальня не стонала под ударами железа. Праздник давал тогда отдых и рукам Вулкана и

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...

Публикуется впервые

орудием его; посею и не имел я случая видеть сего фабриканта со всем производством его работы, слышать стук молота, который и мне не дал бы покоя стоять и внимать своему делу.

Равным образом стоящая на северо-западном углу монастырской ограды башня своим внешним и внутренним устройством много походит на предшествующую ей с северо-восточной стороны башню, отличаясь от сей только не важной переменной в верхнем конце. В этом отношении сии обе башни, стоящие по северную сторону ограды, составляют как бы некую параллель в своем зодчестве, из коих каждая изрядно гармонирует своей стороне и видам, подобно как и на южной части ограды устроенных башен зодчества, хорошо выдерживает достоинство параллельности своим полуазиатским вкусом, остроумно приравненным к той стране Света, на которой природа роскошно разсыпает пред глазами зрителей живописное разнообразие своих видов. Внутреннее же расположение комнаты, устроенной в середине сей башни, своею убранностью и просторством превосходит все прочие подобные помещения, какие в других башнях сделаны. Главную же выгоду в ней составляют окна, которые широтою своих отверстий дают глазам полную свободу любоваться видами, открывающимися отсюда с трех сторон. К этому немало способствует сзади ее в углу ограды монастырс-

кой примкнутая другая в собственном смысле гостиница, деревянная и обращенная окнами на двор монастыря и предоставленная для успокоения странников из простого народа, приходящих в праздники на богомолье.

Итак, из окон ли внутренней башенной комнаты остановишься смотреть на вид, окружающий эту башню, равно он отсюда представляется полным, настолько смешанным по разнообразию своих предметов; ибо созерцая весь объем сего вида, начинающийся с самых берегов озера и граничащий лесом, который тянется на северной стороне монастыря и изгибается полукругом на западной у озера, зритель не иначе достиг бы своей цели, чтобы составить себе об этом виде некоторое понятие, или изобразить другим отличительное его качество, как раскрасив из различных цветов один чертеж, представил бы в нем совокупление различных предметов, в одном месте столкнувшихся, один на другой не похожих. Таким образом он представил бы вам при самом почти подножии сей башни каменный одноэтажный флигель, выстроенный для отдельной гостиницы с принадлежащим к ней двором, протянутым почти до самого озера, но не оконченной еще внутренним устройством. В смежности с нею на западе указал бы вам на огородные усадьбы, засаженные разными овощами для продовольствия монастырского; потом неподалеку от них

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

вправо обратив взор ваш на целый ряд штатнослужительских домиков, расположенных в линию вдоль восточной монастырской ограды, тут же, между прочим, заметив вам и о их огородах позади сих зданий, простирающихся к лесу в разных участках. Впереди ж тех и других огородных угодий не упустил бы предложить вам взглянуть и на мостик, огражденный с обеих сторон перильцами, как он на горбатом своем помосте легко переносит проходящих по нем через проток. Далее напомнил бы вам окинуть глазами и скотный двор со всеми принадлежащими к нему постройками, стоящий одиноко на западе при самом начале леса. Наконец объявил бы вам, что на северной стороне близи леса длинные, низменные, едва широкими своими крышами не касающиеся земли, строения суть не другие какие важные заведения, а просто так называемые кирпичные сараи, заведенные на время в монастыре постройки, посему судьба их часто меняется. Несмотря на всю такую подробную смесь описания сего вида, снимщик еще не кончил для вас своей работы, но присовокупил бы еще к наполнению сего вида одно не неважное замечание, состоящее в том, что этот вид очень много теряет блеска в своем колорите от того, что деревянный сарай довольно длинный и высокий, выстроенный позади западной ограды монастырской близ гостиницы, много препятствует снять с озера некоторые черты, которые отселе представляются не во всей полноте и яс-

ности; а потому и оставляются до следующей башни.

Юго-Западная башня

Проходя отсюда по ограде мимо настоятельских келий к следующей за ними башне, сооруженной на юго-западном углу ограды, к изумлению моему, я увидел эту башню в таком странном костюме, который внешним своим убором представлял в себе вид рыцаря средних веков. Она возрастом своих против других башен гораздо ниже, но в объеме тоньше, но игривее всех их своим видом. Кверху идет уступами, поднимая на туловище своем тяжелую одежду, увитую разными выпуклыми закромами; и, постепенно суживая свою вершину, наконец дает возможность надеть на себя шапку, которую она на главе своей и доселе носит. Кроме сего, она отличается от прочих башен и другою особенностью. Вокруг сей башни нет крытого хода, но она оставлена со всех сторон открытою, как бы напоказ зрителям своего убранства, которым она так пышно разряжена. Сзади сей башни так как и при северо-западной угольной стене ограды, пристроен особый деревянный покой для богомольцев.

Итак, не имея возможности наслаждаться зрением великолепных видов, открывающихся с сей стороны на озеро, стоя на площадке хода, как таким удобством мне довелось пользоваться при других башнях, я хотел было удовлетворить своему желанию в этом случае зрением

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...

Публикуется впервые

через окна, сделанные внутри башенной комнаты; но как окна были очень узки, так что нельзя из них смотреть, я и оставил свое любопытство, как неудовлетворяемое местным неудобством, при том поспешнее, что другой недостаток, которым с давних лет страдает сам корпус башни, грозил мне опасностью падения и тем приводил меня в не совсем обыкновенный страх; ибо она и действительно погнулась на западную сторону с рыхлого грунта земли столь ощутительно, что надобно опасаться, дабы она, подобно башне Силоамской, не опрокинулась на кого-нибудь из проходящих и не подавила некоторых из них своими развалинами за непокаяние. По сей причине, вышедши вон из комнаты башенной, я немедленно спустился через отверстие под ходом ограды на двор монастыря и прошел калиткой на озеро. Эта калитка сделана неподалеку от сей башни на конце южной монастырской ограды. Здесь стояла также одна церковь с тремя престолами, за ветхостью недавно разобрана. Вместо ее теперь чуть выделено целое звено ограды, на образец прежнего ее устройства.

Иордан над озером

Против этой же башни с берега озера спущен в воду деревянный сруб, который настлан сверху досками и огорожен перильцами. Насредине его открыто четвероугольное отверстие для водоосвящения, положенного от-

правлять в известные дни года по указанию церковного устава: посему этот сруб и носит на себе общее и приличное своему назначению наименование Иордан. В обыкновенное же время сюда ходят за водой для монастырского употребления, а большею частью собираются для наслаждения живописным зрелищем местоположения; как и я это теперь сделал. В самом деле, вид с этой Иордани на озеро красотой и разнообразием своих предметов превосходит все другие, какие представляются взорам с прочих башен. Отселе озеро развивается во всем своем величии и со всеми прелестями береговых украшений. Частый и высокий лес, огибая его с трех сторон, составляет на западе самую очаровательную панораму, и издали кажется, как будто б здесь берега озера, сомкнувшись вместе, полагают тем предел ему; между тем, как оно делает один только изгиб в роде глухаго пролива, за которым еще простирается на запад версты на две, и тем образует чистый, натуральный фокус. Равным образом на правом и левом берегу озера природа рассыпает пред глазами зрителя такое разнообразие красоты, что, кажется, каждый предмет как бы оспаривает у другого свое преимущество в красоте и старается на перерыв показать свою лепоту. Много потребовалось бы времени, что б даже некоторыя из сих красот, не говоря уже многих, можно было представить

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

хотя бы чертеж описания; по-сему не распространяясь в изображении прочих предметов, покушусь только провести на сем виде беглый очерк речки Сумки.

Сумка

Эта труженица уединенная и безмолвная, как сама пустыня, тихо влечет струи свои, едва пробираясь сквозь частый лапушник, сплошь почти застилающий светлые, как стекло, ее воды, и сносит избыток их из озера в лоно матери русских рек Волгу без шума и ропотливости на трудности пути своего, которой она совершает, довольствуясь тусклым уделом своего русла и низменных берегов, на которых дремлют пирамидальные ели и кудрявые липы, глядя в зеркале вод ея. И бдительно охраняя, как несменные стражи, тишину ея от всякого возмущенного ветра, сия речка на расстоянии 12 верст от истока своего впадает в Волгу выше деревни Васильевское, вершина ея истока перегораживается тыном для того, чтобы остановить набег рыбы из озера. Она выгодна бы из озера на другой его стороне прямо против Иордани.

Окончим сим последним очерком вида весь обзор монастырских зданий, ограды и башен с их видами и другими принадлежностями, невыразимым чувством умиления, произведенным в душе моей разными впечатлениями красот природы и искусства человеческого; а потому с удовольствием преподал себе основателя сей обители на столь

прекрасном месте и внутренно воздавал благодарность всем, которые содействовали своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения. Это чувство признательности пробудило во мне мысль, и я ей охотно последовал, извлечь имена некоторых, по крайней мере, главнейших лиц из-под спуда забвения, который тем или другим путем усердия стремились к основанию ея в сем отшельническом уединении, отдавая каждому из них должную дань благодарности и справедливости за оказанные ими услуги.

IV. Начало основания Раифской Пустыни

Преподобный Филарет

В начале XVII столетия (1613 года) в царствование благочестивейшаго и Великаго князя Михаила Федоровича некто из числа братства Московскаго Чудова Монастыря предпринял намерение посетит Низовые страны; то был преподобный Филарет. Он был уроженец московский и принадлежал до монашества к купеческому сословию. По смерти родителей, сделавшись наследником довольно значительнаго имения. Он, по внушению Божию, призывающего в лице богатаго юноши к высшему совершенству жизни: «если хочешь быть совершен, поди, продай имение твое и раздай нищим; и получишь сокровище на небеси; и приди,

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...

Публикуется впервые

следуй за Мною» (Матф. Гл. XIX) употребил все земное достояние на раздавание нищим; и, оставив дом и всю житейскую суету, пошел искать сокровище небесное на поприще иноческого смирения и вольной нищеты, в недрах своей отчизны он избрал поприщем христианского любомудрия Чудов монастырь.

Постригшись в монашество с нареченным именем Филарета, он проходил разные монастырские послушания, на него возлагаемые, с должною рачительностью, и выполняя их с желанным успехом, стараясь при том вести жизнь сообразную с данными им вступлении в иночество обетами; тем и обратил на себя особенное внимание монастырского начальства, которое не умедлило его назначить к представлению на степень священноиночества. В скором времени после сего Филарет был посвящен во иеродиакона, а потом произведен и иеромонахом.

Переселение в Казань

По какому случаю, неизвестно, только сему благочестивому иноку впоследствии времени пришла мысль сойти с избранного им поприща благочестия и перейти на другое. Он переселился из Москвы в Казань. По прибытии в сей город вступил он в Казанский Спасо-Преображенский монастырь, где и принят был в число братства. Недолго здесь скрывался в неизвестности этот

новый пресельник. Об нем узнали многие и при чем из почтеннейших граждан казанских, и желали с ним свести ближайшую связь. В короткое время он приобрел обширное знакомство. Особенное же расположение оказывал ему некто из тогдашних граждан купец именем Сергей, который, кроме знатности по богатству и значительности по торговым оборотам, славился тогда еще и страннoлюбием. К сему-то гражданину преподобный Филарет часто хаживал в дом, разделяя с ним утешение во взаимных беседах о благочестии и вере. Сергей ценил дружбу с преподобным столь дорого, что выстроил даже в дому своем особую для него келию, дабы тем свободные наедине наслаждения общими духовными беседами. Кроме сего дома отверсты были для Филарета и другие у многих граждан Казани. Всякий, кто только вступал с ним в знакомство, хотел видеть его у себя в доме, и преподобный удовлетворял желание многих со всею простотою сердца.

Юродство преподобного Филарета

По прошествии же некоторого времени пребывания своего в Казани, он переменял образ жизни и стал обращаться с другими совсем иначе, нежели как обыкновенно видели его недавно. Он принял на себя образ юродства потому ли, что наску-

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

чил таким обширным знакомством и, опасаясь рассеяния, в которое он увлечен был столь далеко, и тем хотел пресечь излишняя связи с миром, или потому, что имел другую сокровенную мысль, которая таилась в душе его, как искра в пещле, и влекла его к другому назначению; как бы то ни было, только вскоре после сего старец начал нередко отлучаться из монастыря, и уже не в дома прежних своих знакомых, но в леса, окружающие казанские предместья. Правда, он и прежде, по особенной склонности к уединению, иногда предпринимал подобные странствия; но теперь под покровом юродства, гораздо чаще стал посещать мрачные пустыни лесов, и в уединении искать безопасного для себя убежища.

Однажды он отправился за город и направил путь свой в лежащие вдоль берегов Волги от Казани на северо-запад покрытые дремучим лесом места; и, проходя сквозь дебри и овраги, посреди чащи широковетвистых деревьев, пробираясь узкими излучистыми тропинками, случайно попал на то место, где теперь Раифское озеро разливает свои светло-зеленые воды посреди отлогих берегов, осененных крупным и частым лесом. Красивое местоположение, изобилие животных земных, изобилие рыбы, целыми стаями гуляющей в глубине озера, чистый воздух, благоухающий ароматическим запахом цветов, а наипаче ничем не возмущаемое уединение, пленили душу пустыннолюбиваго Филарета так, что он

с сего времени положил решительное намерение водвориться здесь навсегда. Что потом и исполнил. Водрузив себе хижину на берегу озера, он остался в ней жить навсегда.

Свободен будучи от шума городского и сообщения с людьми, ведущими жизнь светскую, преподобный не был однако ж совершенно свободен и среди глуши леса, по-видимому, никем не проходимою, от беспокойства в другом виде и в других лицах людей, или, лучше сказать, дикарей, живущих в сих неизмеримых пустынях.

Жертвоприношения черемис

Эти дикари, известные теперь у нас под именем черемис, приходя на берега озера для заклания животных в жертву своим богам и совершения своих идолопоклоннических празднеств среди лесистой пустыни, и тогда возмущали тишину его уединения. Впрочем, он всегда с иноческим великодушием переносил такое сумазбродное изуверство шаманства, перешедшее к нам с переселением сего народа из стран Средней Азии, как древней колыбели язычества и идолопоклонства, хотя в то же время не можно чувствовать отвращение от сего язычества идолослужения и не сознавать сердцем о таком жалком заблуждении людей, в скачках и плясках и разных кривляниях, с диким воплем выражавших свою веру, вблизи мирного его приюта, и они

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители... Публикуется впервые

не могли так же со своей стороны не удивляться такому новому пришельцу, поселившемуся в соседстве. Но, не проникая цели поселения сего новаго жителя, а также не видя, чтобы он употреблял какое-либо пререкание, противное содержанию их обрядов, но равнодушно смотрел на все происходящее с ними неистовство, сии варвары не хотели, а может быть, не смогли наносить ему каких-либо важных обид, но оставляли его жить спокойно: по сему он и продолжал здесь жизнь постоянно, хотя и не по всей полноте желанного им безмолвия.

Впоследствии времени сей отшельник не мог укрыться и от русских. Его нашли и здесь в глуши дремучего леса. Лишь только узнали о новом месте его жительства, тотчас начали собираться к нему сюда с разных сторон и разного сословия люди: светские и монахи, купцы и бояре. Преподобный каждого из приходящих принимал ласково, угощал плодами — произведением своей пустыни, утешая их притом душеспасительными беседами. Из числа посещавших его удивление по временам открывались и такие, которые охотно изъявляли желание разделять с ним труды пустынной жизни с одной стороны потому, что предвидели в нем доброго для себя наставника в благочестии, а с другой — находили, что и самое место, которое преподобный избрал для отшельнической жизни.

Таким образом, с продолже-

нием времени, преподобный Филарет увидев вокруг своей пещи значительное число и других хижин с немалым количеством отшельников, и радовался такому благочестивому собранию, предвидя зачатки выполняющегося своего предположения, какое он некогда предначертал — основания на сем месте иноческой обители. К особенному же своему утешению преподобный увидел в числе поселившихся с ним новых пустынников и давнего своего приятеля казанского гражданина Сергия, но уже под другим именем и в другой одежде. Его звали тогда Серапионом и видели в черной рясе и клобуке.

Кто такой монах Серапион

Оставив свои торговые дела в Казани и всю мирскую молву, сей некогда знаменитый гражданин, удалился в Седмиозерную Пустынь, вновь тогда возникающую, и здесь постригся в монашество, подобно как и Филарет отлекаясь в образ иноческого смирения в Чудов монастырь. Узнав же, что прежний его наставник поселился на берегах Рифского озера, Серапион поспешил к нему в Пустыню, и при первом случае свидания изъявил желание остаться жить с ним в одном месте. Таким образом, преподобный Серапион навсегда соединился со старцем Филаретом душой и телом, поселившись близ него в скудной хижине отшельника.

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

Преподобный Филарет радовался своему бодрому соседу, как первенцу своего возрождающегося братства; а сей был в восторге, что нашел случай опять соединиться со своим наставником и идти с ним вместе по одной стезе к высшему званию наследия, в небесном отечестве уготованного.

Между тем как разные странники продолжали посещать место уединения, где преподобный Филарет с прочими пустынноиками основал себе жилище, и число общников в пустынноической жизни время без времени возраста Божие; но посреди сего отшельнического скита, которого круг расселения распространился уже столь широко, недоставало молитвенного дома, куда бы сии пустынножители могли собираться ежедневно на общую молитву. Преподобный заметил этот недостаток, обратил на том большое внимание, чем яснее постигал нужду и пользу построения такого здания; ибо неоднократно случалось ему видеть такие опыты, из которых очевидно открывалось сама собою важность и почетность общего молитвенного собрания.

Некоторые из поселившихся с ним в пустыне собратий, часто и без всякой почти уважительной причины бродили по окрестностям озера, из одного пустого любопытства и рассеяния; а другие, собираясь в ту или другую хижину к кому-либо из своих товарищей, истощали время в праздностях. Преподобный, чтобы отратить такое зло от своей бра-

тии, тем тщательнее занялся мыслью о постройки сего дома и изыскиванию к выполнению своего намерения разные средства.

Но не преступая к начатию дела, он нужным почел наперед предложить на общее рассуждение всего братства и узнать от них собственное предположение, как кто из них об этом думает. Лишь только предложено было им такое намерение касательно сего дела, тотчас все единодушно приняли его с искренним удовлетворением, видя всю важность столь полезного времени вперед, они тотчас принялись за работу. Нарубив бревен из ближайшего леса и навозив на определенное место, они в скором времени построили часовню, куда, под руководством своего наставника преподобного Филарета, стали собираться на общую молитву поутру, в полдень и вечером, и исправлять ежедневное молитвословие с обыкновенным разделением его на утреннюю, часы и вечерню. По окончании же службы Божией каждый старец с душевным назиданием отходил в свою келью или хижину, где остальное время дня проводил то в занятии рукоделием, то в приготовлении себе пищи, или в чтении житий святых отец. С сих пор прекратились в братстве рассеянность и празднословие.

Равным образом общей трапезы еще не было заведено преподобным, но каждый из братии приобретал себе хлеб, частью покупкою одного в Казани, сбывая там свое рукоделие, а частью посредством собрания в лесу зем-

*Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...
Публикуется впервые*

ных произведений запасал себе на целую зиму продовольствие в жизни. Преподобный Филарет имел в виду со временем учредить в своем братстве и сей полезный порядок общежития; но за разными недосугами, а более по недостатку в способах, не мог при своей жизни привести своего намерения в исполнение.

Между тем как преподобный с братиею занимался построением часовни и приведением в лучшее расположение своих келлий, то переноса их с одного места на другое, некоторые из них перестроив вновь, произошло посреди сего пустынного жилища довольно замечательное явление.

Однажды некто из пустынножителей, вышедши на открытый воздух, взглянул на небо, как вдруг увидел простершуюся из светлого облака руку, благославлявшую то место, на котором созидалась часовня и возобновлялись кругом ее разные пустынные кущи. Обрадованный и вместе удивленный таким необычайным видением, отшельник спешил поведать оное и просил из своих товарищей, и сии не умедлили сообщить о том и преподобному Филарету, который из сего видения заключил, что их собрание во имя Христово на сем месте, без сомнения, благоугодно Богу, и что они занимаются делом приличным их знанию и сообразным с духом веры и благочестия. Прочие же из собравшихся к нему старцев, слыша от него такое свидетельство о зна-

чении сего явления, ободрившись духом и все вознесли ко Господу совокупные молитвы в искренних и живейших чувствованиях благодарности, и спрашивая у него святой помощи и на дальнейшие подвиги на избранном им месте жительства. Сие и следующие события почерпнуты из одной монастырской рукописи.

Чудный знак колокольный

Около того же времени подобное сему происшествие открылось в ином не менее того необыкновенном событии. Многим из живущих на сем месте отшельничества слышался по временам какой-то странный гул, подобный колокольному звону, который неоднократно повторялся в том или другом углу их жилищ, с большею или меньшею выразительностью для слуха, и о котором они также рассказывали преподобному с сладостным предчувствием будущего возсуществования и предвещения на сем месте иноческой обители, как то же самое и наставник их подтверждал, а впоследствии и самый опыт оправдали действительность его уверения.

Но преподобный Филарет, видя в будущем столь светлые предзнаменования, не имел, однако ж, утешения видеть их совершенного исполнения в настоящем, а видел только некоторые малыя начатки, некоторые сла-

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

бые образы. Его главнейшее предназначение о создании обители на избранном им месте отшельничества требовало большого пространства времени. Большого избытка в способах, нежели какими он тогда обладал при всей своей ревности к достижению предположенной им цели. По крайней мере, он первый бросил семена такого предприятия на ниве им начатой и к возделыванию заготовленной, а другим оставил случай продолжать удобрение оной и собирать на ней плоды трудов своих. Несмотря однако ж, на то, он так же первый заслуживает славу считаться и быть основателем Раифской Пустыни, даже и тогда, как он, по неисповедимым судьбам Промысла Божия, не получил себе в удел ни самого скудного участка земли на месте своего отшельнического подвижничества для сокрытия в недрах ея бранных своих останков.

Он кончил дни своей жизни в том самом монастыре, который первоначально избрал себе в убежище, по прибытии своем в Казань, и здесь сложил в мрак гроба обветшавшую ризу плоти своей. Таким образом, конец жизни сего благочестиваго подвижника соответствовал началу ея в одном и том же месте Казанского края и переселил его за пределы сей жизни, преходящей в сторону вечности, где начинается другая, лучшая жизнь для праведников и продолжается только, но уже никогда не оканчивается.

Монахи отправляются к Митрополиту Лаврентию

Собранное покойным Филаретом славенское стадо не оставило мирной своей ограды и после смерти своего пастыря пребывало и питалось во внутренней и внешней жизни под непосредственным покровительством Божественного промысла.

Однако ж в сем положении оставалось оно не слишком долго. Из него вывело его, с одной стороны, требование самой природы человеческой, почувствовавшей нужду в посторонней помощи руководства; а с другой — долговременное пребывание без священнослужения, установленного для приношения безкровной жертвы Богу. Для этой потребности у них не доставало еще и священнослужителя, облеченнаго духовною властью священнодействия при содержании Божественной тайны Евхаристии; потому что не было у них даже до селе ни одного освященного храма, в котором бы можно было отправлять служение, положенное для приношения сей великой жертвы мира и спасения за грехи человеков. Посему они, избрав из среды своей старейшего некогда инока Фаддея, присоединив к нему и других старцев, отличавшихся пред прочими опытностью, как и сединою долголетней старости, отправив их в Казань в качестве депутатов от лица всего своего брат-

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...

Публикуется впервые

ства к Преосвященному Лаврентию Митрополиту Казанскому, который прибыл тогда на казанскую паству в царствование благочестивейшего Царя Алексея Михайловича, еще до принятия им такой старческой депутации, за четыре года прежде. По выслушиванию от них просьбы, Святитель не прежде однако ж согласился исполнить просимое, обещавшись сам осмотреть место прожительства и видеть на самом опыте потребность предложенного ему дела.

Прибытие в Пустынь Митрополита

В следующее лето Архипастырь действительно отправился для сей цели в Раифскую Пустынь. И как нашел все справедливым, что в предшествовавшем году изъясняли ему в своей просьбе доверенные старцы, то и объявил им тут же свое согласие: во-первых, дать им строителя в качестве настоятеля над ними, который бы имел обязанность вводить между ними порядок общежития; а во-вторых, разрешил им и строение храма, согласно с их прошением, с возложением такого труда на будущего их настоятеля, которого он и не умедлит им прислать вскоре по приезду своем в Казань в лице некоего иеромонаха Савватия, человека известного тогда по своей опытности в делах монастырского управления.

Иеромонах Савватий

Сей старец, приняв от своего Владыки благословение, отправился в назначенное ему место, и тотчас принялся за труд. Прежде всего особенное внимание обратил он на сооружение церкви; поему и положил первое основание обители с устройства храма Божия, как некоего краеугольного камня, на котором или около которого, должны потом создаться и прочия монастырские здания, каждое следуя своему порядку и нуждам обители. Таким образом, первая церковь начала строиться во имя Грузинской Божией Матери. Вслед за нею приступлено к построению настоятельских и братских келий со всеми нужными службами; потом застроена была вокруг всего монастыря деревянная ограда с двумя в ней воротами, из коих одни так называемые Святые выстроены были с церковью во имя происхождения честных древ; а над другими также создана была другая — во имя преподобных отец в Синае и Раифе избивенных; наконец, четвертая, она же самая первая, была построена посреди монастырской ограды, и впоследствии была освящена, по воле самого преосвященного Лаврентия, во имя святителя Евфимия, Новгородского Чудотворца. Сии церкви, как и прочия здания монастырские, были выстроены из дерева и существовали до того времени, когда произошел пожар, который истребил весь монастырь до основания.

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

Чудотворная икона Божией Матери

Между тем как время проходило в строении сих церквей и прочих монастырских зданий, преосвященный Лаврентий, дабы дать Раифской обители наилучшее украшение и житейшее прибежище в нуждах, послал нарочного художника в землю Зырян (ныне Архангельскую губернию) на место, которое слывет там под именем Черной Горы, с поручением, чтобы он снял копию с подлинной чудотворной иконы Божией Матери, называемой Грузинскою. Название же такое сия святая икона получила от своего происхождения из Персии или Грузии, как гласит о сем одно из давних преданий, потому что привезена была оттуда приказчиком Лазаревым, а хозяин, по извещению свыше, поставил ее в Черниговской вновь созидавшейся тогда обители. По этому случаю положено и праздновать в честь сей святой иконы в 22 день августа (4 сентября по н.ст. — **от редакции**).

Но сей список, снятый с тамошней иконы, прежде, однако ж, был доставлен в Казань к Преосвященному Митрополиту; как уже строение церквей и прочих в монастыре зданий приходило к окончанию. Когда же сему святителю дано было знать, что в обители все было готово к освящению церквей; то он, со своей стороны, послал известить о сем и граждан казанских чрез посредство градоначальников, на-

значив вместе с тем и день освящения и Крестный ход из Казани до Раифской пустыни.

Сдесь, во время его сопровождения Крестного хода, по уверению одного из монастырских преданий, многим из недужных, при воззрении на икону Божией Матери, или лучше сказать, при обращении ока милосердия Самой Пресвятой Девы Богородицы, невидимо благодатью своею присутствовавшей, также подавались различные дары исцелений: слепым прозрение, беснующим очищение, глухим слышание, хромым исправление и т.п. Такая чудотворная сила продолжалась и во время освящения церквей, а над некоторыми, притягивающими с теплыми мольбами и живою верою к сей святой иконе не прекращается благодать Божия донныне.

Первое открытие Раифской обители

Казанские граждане, благодарные к Виновику спасения Человеческого Иисусу, и благоговейные к сей святой и чудотворной иконе Божией Матери Грузинской, с течением времени ознаменовали свое усердие к Ней украшением святого лика Ея богатой ризою, убранной жемчугом и осыпанной драгоценными камнями, а церкви снабдили приличной ризницей и разной церковной утварью. Таким образом происходило первоначальное основание, устройство и открытие Раифской пустыни.

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители... Публикуется впервые

V. Возобновление Раифской Пустыни после пожара

По прошествии 24 лет после строения Раифской Пустыни, произведенного при митрополите Лаврентии, суждено ей было претерпеть важное искушение. В 1685, а по другим знакам в 1689 году, в царствование благочестивейшего царя и Великого князя Алексея Михайловича, при Митрополите Адриане, управляющем тогда Казанской папствой, случившийся по неизвестной какой причине пожар превратил Обитель в пепел. Церкви, келлии настоятельская и братская со всеми службами и оградой сделались добычей пламени. *Чудотворную икону Грузинской Божией Матери, без всякого сомнения, успели вынести из церкви и сохранить в целости от пожара. Это доказывает древность письма на Ея Лике*. Иноки, лишившиеся своего пристанища, иные разошлись по другим монастырям, но некоторые остались жить на пепелище. Лучше соглашались переносить всякаго рода лишения, нежели расстаться с прежним своим жилищем. Ни холод, ни голод, словом, ничто не могло переменить их мыслей. Они строили себе хижины на месте сгоревшей обители и привитали в них, как птицы небесныя в гнездах, не вдаваясь в лишние попечения о пище и покое; но с

полным упованием ожидали себе всего нужного от всемогущей десницы Промысла Божия. Они в своей надежде не обманулись. Посылающий пищу взывающим к Нему и дающий тварям своим дыхание и жизнь, и все, благий Промысел Божий не оставил пение и сих планов долго исполнения в ожиданиях относительно перемен своей участи на лучшее положение жизни.

Митрополит Адриан

В самом деле, Господь внушил тогда мысль Превысшему Казанской епархией преосвященному Митрополиту Адриану восстановить сию пострадавшую от пожара обитель и дать лучшее убежище иконам. Святитель принял в этом деле живейшее участие, решился возобновить ее в гораздо великолепнейшем, против прежнего, устройстве. Вместо деревянного строения, в некоем она до пожара была воздвигнута, сей преосвященный возмерился создать ее в каменном устройстве и расположить ее гораздо обширнее, нежели как она была устроена прежде, в тесном и беспорядочном размещении своих зданий; словом, он предпринял в Пустыне Раифской соорудить такую обитель, которая бы, если не уступала, по крайней мере, близко подходила бы под образец некоторых из знаменитейших Великих Российских монастырей, известных величеством своего зодчества и хорошим порядком расположения. Для достиже-

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

ния сей цели преосвященный Адриан вызвал из московского Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря, некоторого иеромонаха Германа, который до вступления своего в означенный монастырь проходил послушание в большом Тихвинском, что в Новгородской Епархии, монастыре, и которого, вероятно, преосвященный знал лично.

Преподобный Герман

По прибытии своем в Казань преподобный Герман узнал о своем предназначении, а, может быть, он знал об этом уже и в Москве. Как бы то ни было, только он, вскоре после своего приезда, был назначен преосвященным митрополитом Адрианом в Раифскую Пустынь строителем с возложением на него обязанности возобновлять сию обитель, находящуюся тогда в запустении после пожара. Между тем, преосвященный не упустил сообщить ему и свое намерение, какое он имел относительно восстановления оной, дав ему наставления, которых он должен был держаться, преимущественно сообразуясь в устройении Раифской обители с расположением тех монастырей, в которых он доселе жил. Новый строитель оправдал ожидание своего пастыря на самом опыте столь удачно, как нельзя было лучше того ожидать, осуществить идею преосвященного в том самом виде, в каком он желал видеть сгоревшую обитель.

В самом деле, смотря на нынешнее устройство Раифской

Пустыни, в каком она теперь представляется в своем возобновлении, нельзя не приметить довольно близкого в устройстве и расположении ее зданий с теми, какия можно видеть в московском Новоиерусалимском монастыре, разумеется, кроме одного храма Воскресения Христова, который есть единственное здание по великолепию своего зодчества во всей России, и не имеет нигде себе подобного. Кроме сего, говорю, храма, многое другое в зданиях сей пустыни запечатлено характером обители Святейшего Патриарха Никона, и это выражено частью на ограде Раифской, частью на устройстве настоятельских и братских келлий, не менее как и на расположении монастырского кладбища, внутри ограды помещений. Даже естественное месторасположение Раифской Пустыни представляет некоторые следы, похожие на месте Воскресенского монастыря, с тою только разнообразию, что там окружают монастырь горы, а здесь лес. Природа, так как и искусство, следует иногда законам подражения в своих созданиях; посему она набросала несколько оттенков и на окрестностях Раифской Пустыни, похожих на предместия Нового Иерусалима, подобно как и для сего образвала местность не совсем разновидную с местностью древней столицы царя Давида.

*Некоторые из путешественников, видя в них Старый и Новый Иерусалим, уверяют, что и тот и другой в некоторый чертах

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители... Публикуется впервые

местности между собой схожи; по сей-то причине, как догадываются другие, и Патриарх Нихон избрал это место для построения в России Нового Иерусалима.*

Другое обстоятельство, не менее сего замечательное, дает повод находить подобное сходство в устройстве самой Раифской огады вообще рассматриваемой, с устройством огады Новгородского Тихвинского монастыря, по крайней мере как это известно из его описания. Вероятно, преподобный Герман, проведя по несколько лет жизни в этих упомянутых монастырях и заметив их расположение и устройство, хотел с того и другого из них снять по несколько черт и перенести их на устройство и расположение некоторых из монастырских зданий в Раифской Пустыне. Этому предположению ничто так не благоприятствует, как устройство огады сей последней; ибо и в самом деле сей строитель какую имел цель воздвигать в пустынной обители столь огромную огаду с бойницами и снабженную чугунными прутками разного старинного калибра, которая в сем отношении более походит на крепостную стену, нежели на монастырскую огаду? Разным образом значат и самыя пушки. Завезенные сюды и некоторые из них оставленные в монастыре и доселе? В Тихвинском монастыре на это право имеет историческая причина. Но и в Раифской

Пустыни, говорят, ссылаясь на одно темное предание произошло устройство огады в таком виде и с таким вооружением пушек, также не по пустому случаю: ибо и здесь, как и в Тихвине, открывались неприязненные нападения на обитель со стороны окружавших ее диких народов — черемисов, потому что сии пришельцы Азии, видя устроенную посреди их жилищ иноческую, благочестивую обитель, естественно, не могли смотреть на нее без негодования, как на такое его строение, в котором они явно усматривали неминуемое разрушение своей идолопоклоннической веры со всеми ее безобразными, шаманскими причудами: а потому иногда и открывали злонамеренные на нее покушения. Впрочем, в этом отношении скорее можно согласиться, что к устройству Раифской монастырской огады в таком виде не иное что служило главным поводом, как одни, может быть, предположительные предосторожности против могущих произойти неприятностей со стороны соседних обителей, нежели допустить, чтобы действительность таких враждебных действий черемис была следствием сооружения сей огады в таком огромном оборонительном устройстве. А что значат пушки? К чему бойницы? Не верны ли это свидетельства не ложности предания? Некоторые видимые признаки, так же как и некоторые предположения и догадки не все-

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

гда могут быть верными свидетелями истины. Можно видеть, можно предполагать это или другое, на самом деле иногда следует совсем не по законам видимости, не по расчетам предположения. Так, на примере можно себе предполагать, что не черемисы ли произвели и пожар в Раифской обители для достижения своей ненавистной цели? Это предположение, сколь, впрочем, ни благовидно само по себе, однако ж, окажется несбыточным, как скоро мы удостоверимся в несбыточности и самых непризнанных их попущений прочим обители, по каким бы то ни было побуждениям предпринимаемым. Во-первых, в этой не совсем точно нам удостоверить то, что черемисы, как народ дикий и невежественный, едва ли могли столь глубоко проникать в цель устройства обители среди их жилищ, а потому едва ли они когда-нибудь и покушались вытеснить ее из среды своей насильственными мерами; во-вторых, нельзя легко принять за достоверное и то мнение, чтобы они нападали на нее для грабежей и обогащения, когда, по тогдашнему состоянию, не видно было ничего, что бы могло подстрекать страсть корыстолюбия хищническим предприятиям: а из сих заключений, естественно, становится невозможным, или неосновательным предположение о сим странным жителям Казанского края вины происшедшего в обители пожара, подобно как и всякое другое предположение не всегда должно заслуживать наше вероятие,

или внешний какой-либо признак не всегда еще может быть неоспоримым доказательством истины. Впрочем, я и не выдаю настоящего моего мнения относительно сего предмета за непреложное какое-нибудь открытие истины; а напротив охотно согласен даже и верить монастырскому преданию о набегах черемис, как по тому сказанию, от которого не предвижу, чтобы достоинство истины чрез сие верование могло потерпеть какой-либо значительный вред; напротив того, оно еще больше возвышалось бы, когда б не встречало для себя никаких преград, колеблющих его основание. Но как я не имел других доказательств, подтверждающих достоверность этого события, то и сделал такое замечание, которое не совсем противоречит монастырскому преданию, а дает ему только правильное направление, поясняя оное, что устройство ограды в Раифской обители произведено не по другим каким причинам, как вследствие благоразумных описаний, возникающих из предположения о черемисских набегах, едва ли до того времени обитель сию беспоконивших, подобно как и сооружение Тихвинской монастырской ограды произошло из действия неприятельских покушений.

Впрочем, память преподобного не столько по сооружению ограды в Раифской пустыни в таком великолепном виде достойна похвалы и удивления, сколько прославляет его тот труд, который он понес на украшение обители святыми церквами и дру-

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...

Публикуется впервые

гими монастырскими зданиями. Кроме настоятельских и братских келий с их службами, которые и доселе стоят на первоначальном месте основания своего, хотя с некоторым последующим изменением их в наружном виде, но в главнейших частях оставленных в прежнем порядке устройства, он внутри монастырской ограды построил несколько довольно красивых и поместительных церквей, из коих некоторые уцелели и до ныне, только существуют под другими именами, и с некоторою переменою в наружном и внутреннем их виде, происшедшего, как думать надобно, от возобновления их и других разных починок, *См. обозрение сего монастыря в нынешнем его положении, изложенное в стат. II и III.*, как видеть можно из одних древних рукописей, где оне перечисляются в следующем порядке: первая на месте прежней сгоревшей церкви Синае и Раифских преподобных отец была им выстроена новая каменная и освящена во имя святителя Николая Чудотворца; (это, вероятно, нынешняя Троицкая холодная церковь). Другая сооружена была над Св. вратами и освящена во имя преподобных отец в Синае и Раифе избиенных (ныне Никольская). Третья, которую он, по благословению святителя Адриана, начал тогда строить, но не успел кончить в бытность сего пастыря на казанской пастве, была освящена его преемником Казанским Митрополи-

том Маркеллом в честь имени Пресвятой Девы Богородицы Грузинской. (Эта должна быть нынешняя теплая церковь или другая какая из числа сломанных за ветхостью.) Прочия же церкви и другия монастырские здания были сооружаемы в разные времена и под разными наименованиями. Они все перечисляются в одном описании сего монастыря, но я считаю ненужным повторять здесь исчисление их, как уж многих из них не существуют, а других, хотя и уцелевших; а вместо сего нахожу здесь приличным сделать замечание для раскрытия цели сооружения сего монастыря вообще, рассматриваемого по отношению его к столь огромному и величественному виду. *Мне кажется, что преосвященный Адриан и другие его преемники при построении сего монастыря и украшении его разными столь великолепными церквами и другими значительными зданиями, простирали цель свою по сему делу гораздо далее, нежели где обыкновенно может оканчиваться она, имея пределом своим одно только выгодное благолепие. Такая цель не сообразна и недостаточна для умов возвышенных; по сему и следует судить согласно с достоинством тех лиц, кои полагают ее в основании своих предприятий. Итак. Зная из опыта, сколь иногда благотворно может действовать на воображение простых людей наружное великолепие предметов, преосвященный Адриан, а после

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

и другие, следуя его мысли, и предположили устроить сей монастырь в великолепном виде, а со временем и действительно придаст его в то благолепие, которым он и доселе удивляет взоры богомольцев и других посетителей, дабы чрез это в особенности привлечь дикий черемисский народ в святой христианской вере. В достижении сей цели они большею частью и успели; ибо если нынешнее обращение черемис к благочестию христианскому и не совсем можно отнести к сему одному средству: однако ж в числе прочих и это средство всегда служило и теперь служит наилучшим побуждением к обращению их от заблуждений к истине Евангельской. Теперь сии народы, некогда враги Раифской обители, мнимые ли, или действительные, целыми толпами, разного пола и возраста, стекаются в ограду ее в праздничные, а иногда и в простые дни, но уже не с оружием вражды и убийства, не с сердцем, дышащим мыслию грабежей и изуверством (если только это правда), но с знаменем мира и жизни, и с душою кроткою, ищущею спасения только чрез Христа Спасителя и в ходатайствах Пречистой Его Матери, Преподобной Девы Марии, — с знаменем, говорю, Креста Господня, посредством которого и им сидящим во тьме смертной возсиял свет велий.

Митрополит Адриан заслуживает бессмертную славу за возобновление Раифской обители.

Но, положив столь прочное основание Раифской обители по ее цели, как и устройству, Преподобный Митрополит Адриан, желая, однако ж, утешения дожидаться окончательного возобновления, ибо он в это время был воззван в первопрестольный град Москву для занятия патриаршего престола после кончины блаженного патриарха Российской Церкви Иоакима. Несмотря на то, он, однако ж, прославил свое святительство в Казани в отношении к устройству сей обители более, нежели кто другой из его предшественников, как потому, что он первый взял деятельнейшее участие в ее восстановлении: так и по начертанию плана, которым должно было руководствоваться при ее сооружении. Этим началом, столь прозорливо им обдуманном и потом так удачно увенчавшимся вождельным успехом, он спел себе такой венец бессмертия, светлый и неувядаемый, который будет сиять, доколе будет на земли стоять Раифская Пустынь, не умолчно возвещать будущим родам, как некий священный памятник благодарности, славу своего благодетеля, а вместе с тем и просветитель языческого мрака, в сем углу Казанского края носившегося.

Не менее этого заслуживает право на признательность сей обители и достойный преемник сего Архипастыря, преподобный Митрополит Маркелл, вызванный повелением благочестивейших царей и великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей из Пскова на Казанскую паству.

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...

Публикуется впервые

VIII. Казанский Митрополит Маркелл, продолжатель строения Раифской Пустыни после Адриана

С высокою душою, с твердым характером, с глубоким просвещением сей святитель, подобно как и его предшественник, соединил в себе редкое усердие к распространению христианского благочестия в наружных памятниках. По приезде своем в Казань, узнав, что в Раифской пустыни остается неоконченною начатая строителем церковь по недостатку потребных к тому средств, сей святитель, во-первых, сам уделил значительную часть из своего достояния в пособие на окончание строения церкви, приказав по-прежнему продолжать работу; а во-вторых, пригласил к посильной помощи на сей же предмет и жителей Казани. Любители благолепия церковного, по гласу своего нового пастыря, охотно тогда снесли свои жертвы, как благоприятную Богу дань. В скором после сего времени церковь приведена была к окончанию и освящена потом сим Архипастырем во имя Св. Живоначальных Троицы. Таким образом, он положил конец возобновлению сей обители и начало новому ея бытию!

Уважая труды, какие преподобный Герман понес при возоб-

новлении Раифской Пустыни после постигшаго ея пожара, я отнюдь не имею намерения оскорбить память сего трудолюбивого и умного строителя, вполне заслуживающего от сей обители похвалу и благодарность за свои труды тем, что хочу здесь обнаружить причину, которую преподобный Герман упустил из виду, основав Раифский монастырь очень на близком расстоянии от озера, где грунт земли песчаный и рыхлый и доселе наносит великое зло для монастырских зданий, сопровождающийся многими расселинами; отчего этот монастырь подвергся лишению многих знатнейших своих строений. Конечно, это зло не могло бы иметь такого вредного влияния на монастырь, если бы он был подвинут далее на восток, где грунт земли глиняный, составлял бы главную причину прочности. Тогда бы сей строитель восхитил совершенную и блистательную пальму трудов своих.

Преподобный Герман вызывается в Москву, где производится архимандритом Ново-Воскресенского монастыря.

В возмездие же за понесенные труды по устроению обители, строитель Герман был произведен преосвященным Лаврентием в игумна. Но он не долго оставался в сей Пустыни в новом своем сане, но в скором времени был вызван в Москву. По прибытии туда он поступил в Ново-Иерусалимский монастырь. А по прожитии не многих лет жизни

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

в сем монастыре, по высочайшей воле Императора Петра I, состоявшейся вследствие представления Московского Патриарха Адриана, он был возведен на степень Архимандрита, с назначением его настоятелем Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря. Сим последним обстоятельством оканчивается все сказание, из которого я почерпал сведения, касающиеся до возобновления сей обители после пожара, по крайней мере, так я заключаю, что не имею других источников, из которых бы я мог заимствовать нужные материалы для изложения полнейшего по сему случаю описания. Этот недостаток заменяю я другого рода сказанием, которое с одной стороны может служить некоторым пополнением всего вышеизложенного мною, а с другой, по занимательности описываемых в нем предметов, я надеюсь, что оно не будет лишено благосклонного принятия читателей. С сею целью оно в особенности здесь и помещается.

Прогулка по озеру и окрестностям монастырским

Прежде, нежели предложено будет описание некоторых занимательных случаев. Встречавшихся со мной во время прогулки по окрестностям монастырским, я нужным счел сделать краткое, предварительное понятие о величине монастырского озера, как первого предмета, с которого началось это приятное препровождение

остального времени в Пустыни. Озеро, получившее от одной и той же причины, как и сам монастырь, название Раифского, в длину от запада на восток простирается на 3 ? версты. На середине содержит ширины от 50 и более сажен, а на обоих концах, Восточном и Западном, с половину того уже. Самое большое пространство по ширине заключает середина, простирающаяся пред самой западной монастырской оградой. Задний же конец тянется вдоль южной стороны той же ограды и прекращается на востоке далее от монастыря сажен на 40. А передний конец его начинается близ деревни Белой чрез соединение с другим озером, принадлежащим обывателям оной, и отстоит от монастыря версты на 3. Глубина в нем неодинакова. По предварительному измерению известно, что самая высокая глубина состоит на середине и восходит от 15 до 6 сажен, а в других местах от 6 до 3 и менее. Грунт дна также не везде одинаков: где песчаный, а где иловый и тинистый. Берега отлоги и поросли тальником, ситником и другими травами, а далее оттенены разным крупным лесом. Вода в нем мягкая и пресная. Для питья очень приятна и здорова. Только в летнее время проникается какой-то зеленью; отчего всегда несколько тогда отзывается гнилью. Течение имеет от запада на восток к монастырю, но не обратно, как оно представляется при первом на него взгляде. В нем водится великое множество разной рыбы.

*Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...
Публикуется впервые*

Кроме красной и белой большой рыбы, какой в нем нет, в нем ловят яззей, сороч, линей, окуней, щук, карасей и т.п. Только лов рыбы не совсем и не везде удобен; ибо коряжник и прорость много препятствуют доставать рыбу из озера с хорошим успехом. Впрочем, в некоторых известных местах сетями и другими рыболовными снастями добывают рыбы не малое количество, так что монастырь, в весеннее время довольствуется своею рыбой, не имея надобности запасаться ею покупкой.

Зная, что Раифская Пустынь владеет таким озером, я, при отъезде моем из Казани, запасся парой удочек, предполагая там на досуге напомнить себе прежнюю мою охоту ловить рыбу обыкновенным родом рыболовной забавы удой. Такое предположение я не оставил без исполнения. На другой день, поутру, сев в лодку, отправился я с некоторыми из послушников на другую сторону берега, следуя уверению их, что там рыба идет на уду гораздо успешнее, нежели по сю сторону монастыря. Приплыв на известное место, мы остановились от берега в расстоянии сажень на пять. Закинув свою уду, я тотчас увидел на самом опыте справедливость уверения моих соседей, ибо рыба и действительно подергивала поплавками почти беспрестанно, и каждый из нас вытаскивал свою уду из воды почти поминутно, иногда с добычей, а иногда голую с сорванной

или полуобъеденной приманкой.

При всем успешном ходе рыбы на уду, я однако ж выделил на свою только четыре сорочи, да и то две из них перекинул через лодку в лодку. Когда ж число пойманной рыбы казалось нам достаточным на нашу потребность; то мы прекратили рыбный лов. Гребцы взялись за весла, и мы опять переправились на тот берег, на котором сели в лодку. Рыбе дано в тот день свое употребление, а подобное занятие продолжалось и в следующие дни с переменным счастьем.

В полдни того же дня поплыли мы на лодке по озеру для обозрения всего его пространства с лежащими по берегам его местами, особенное внимание заслуживающими. День был довольно жаркий; но на воде мы освежились приятной прохладой от веяния легкого ветерка. Мы остановились на том месте, где озеро среди полукружия леса принимает другой изворот, и здесь как бы прерывается на две половины, одною прерывается к монастырю на восток. А другою тянется на запад в прямом направлении версты на две до самой деревни Белой. С сей черты озера открывается самая очаровательная для взора картина по своей противоположности видов, какие представляются на том и на другом конце озера. На запад око скользит по длинной перспективе озера, простирающейся до самой деревни Белой, которая, будучи расположена по крутиз-

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

не одной горы, носится над озером во всей приятной простоте сельского быта, а на восточной стороне открывается вид монастыря во всем его величии, за которым на другом конце озера красиво мелькает в глазах под тенью развесистых сосен монастырская часовня, и издали представляется как бы некоторым скинтом древних Египетских отшельников. На их противоположных два вида в особенности поражают зрение выразительным сходством своих предметов. На одном конце озера на горе возвышается простота; а на другом под сению густых деревьев смиренно укрывается скромность.

Возвратившись к берегу, мы слезли с лодки на площадку, иначе называемую Иордань, и отсюда пошли вдаль берега на запад к лесу. Кругом всего озера и монастыря царствовала глубокая тишина. Даже не слышно было и кваканья лягушек, хотя настоящее время не полагало еще предела для сих водяных животных торжествовать цветущее великолепие летней природы. У них, как известно, не отнимает силу выражать свое веселье обыкновенным их распевом и самое продолжение ночи. Это обстоятельство заставило меня спросить: водятся ли здесь лягушки? Водятся, сказали мне. Да почему же они не кричат? По крайней мере, их кваканьем несколько оживлялась бы столь томная тишина. На них наложено запрещение. Как? Некто из подвизавшихся в нашей обители благочестивых старцев, слышу я рассказ, предлагаемый

из одного предания, скучая непрерывным криком сей твари, молил Бога, чтобы прекратилось досадное кваканье лягушек, которое развлекало его внимать при совершении им обычных молитв, и Господь по вере старца исполнил его желание. С тех пор и доселе уже никогда лягушечий крик не возмущает слуха смиренных отшельников.

Проходя лесом по тропинке вдоль берега, мы нечаянно спугнули с гнезда дикую утку с утятами. Ожидая, что она поднимется на воздух и оставит своих птенцов, напротив того, к удивлению нашему, мы увидели другое. Утка не только не поднялась, но спокойно плыла позади кучки своих малюток. От пренебрежения ли опасностью произошло такое равнодушие, подумаете вы? Совсем нет! Это в высшей степени естественное действие любви животных к своим детям, которая в случае опасности жертвуют иногда своими выгодами собственной своей жизни, дабы обеспечить жизнь своих исчадий. Утка эту мысль подтвердила опытом. Лишь только утята доплыли до половины озера, мать тотчас закричала и подала им голос искать спасения в обыкновенных им средствах. После сего одни из них поныряли в воду, а другие попрятались вместе с матерью по разным кучам камыша. Кроме разительной сметливости и смысла, внушенным птицам нежностию природного чувства, этот пример показал нам еще, что птицы имеют и свой язык, который они сами у себя понимают.

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители... Публикуется впервые

А при этом случае нельзя также не подивиться и тому, какое должно быть превосходство любви и премудрости в Том, от которого пролилось такое обилие чувств в природу самых даже словесных животных!

На следующий день после обеда мы отправились на монастырские сенные покосы, отстоящие от монастыря версты на три. Миновав часовню, вступили мы в густой и высокий лес, и шли дорогой более версты, как вдруг открывается пред нами обширнейшая поляна, распространяющаяся по разным возвышенностям и раскатам земной поверхности. Здесь между рассеянно стоящими разными деревьями в большем или меньшем числе товарищества, распространялись монастырские луга.

Послушник из отставных солдат

Приблизившись к сенокосцам, которые состояли частью из штатных монастырских служителей, частью и из послушников сего же монастыря, мы остановились и занимались с любопытством их работою. Между тем, пришла мне мысль спросить одного из них: кто он и откуда поступил в монастырь? Я, отвечал он, родом из черемис казанских, доселе находился в военной службе и состоял в Гренадерском Графа Аракчеева полку в новгородских военных поселениях. По выслужании же срочных лет по-

лучил чистую отставку, и теперь нахожусь в сем монастыре уже несколько лет в числе послушников. Когда ты крещен? В бытность мою на службе. При крещении моем сам Граф сделал мне честь быть мне восприемным отцем. Почему ж ты не остался на своей родине после отставки? Лета моей жизни уже напоминали мне искать более тихого пристанища в ограде монастыря, где б я мог свободно посвящать остаток дней моих на служение Богу и на спасение души моей, нежели изнурить их в кругу моих единоплеменников, посреди сельской, хлопотливой жизни, и, может быть, ... да, может быть, всеу и понапрасну. Умно ты судил, что воздав Кесарева Кесарю, теперь пришел сюда воздать Божие Богови!

Пчельник

Кончив разговор, пошли мы вместе с настоятелем монастыря (при сопровождении которого, по большей части, я имел приятный случай ознакомиться с местными окрестностями сей обители и быть свидетелем того, что теперь передаю на бумагу) на пчельник, который принадлежал монастырю и расположен был на самом рубеже монастырского леса посреди густых липовых деревьев. Громкое жужжание пчел возвещало большую деятельность сих трудолюбивых насекомых. Мы взошли калиткой на двор, где кругом деревянной ограды рас-

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

ставлены были по разным местам пчелиные ульи; а на правой стороне со входа стояла изба для зрителей за пчельником. Здесь я нашел другого ветерана, состоявшего в числе монастырских послушников, подобного тому, с которым я недавно имел разговор на сенных покосах.

Послушник — матрос из чуваш

Только этот ветеран принадлежал к другому племени людей, населяющий край казанский, и к другому разряду прежней военной его службы. Он был родом из чуваш. Некогда также был отдан на военную службу и служил матросом при Балтийском флоте; странствовал в разных морских походах. И когда Русская морская эскадра стояла в водах Греческого архипелага, он тогда нашел случай предпринять путешествие в Палестину и другие святые места. В это время он имел счастье посетить святой град Иерусалим. В доказательство сего он представлял нам разные святые вещи, принесенные им от Гроба Господня. Благоговей к сей святыни с искренним расположением благочестиваго христианина, он хранит их на пчельнике при себе, как редкую драгоценность. Конечно, здесь еще находятся и другие подобные послушники, спросил я настоятеля? Да, есть еще один, отвечал он, который смотрит за огородом, и я охотно принимаю сего рода людей в монастырь; ибо из опыта знаю, что подобные сим по-

слушники не только не служат в обременение монастырям, но своею опытностью всегда могут приносить им пользу. Это можно доказать тем, что многие из них вступили в монастырь, не предполагая другой цели, кроме душевного спасения; а потому и в отношениях благочестия они ведут себя без всякого лицемерия. С другой же стороны, испытать разные нужды во время военной службы, они уже многими примерами хорошо научены дисциплине; следовательно от них более можно ожидать готовности к послушаниям, нежели от кого либо другого, который еще не прошел искус послушания и постоянства!

Медница

Вышедши из пчельника, мы обратились на другую сторону лугов и сели близ дороги, идущей из монастыря, под тенью развесистых елей, с намерением здесь несколько отдохнуть. Но комары и мошки не дали нам покоя и принудили нас немедленно оставить луга; а сверх того и солнце недалеко уж текло от западного небосклона, и побуждало нас заранее возвратиться в монастырь. Идучи дорогой, встретили мы медницу, которая, переползвая поперек дороги, остановилась и нас остановила. Из страха к ней, и более из предубеждения от поверья, будто бы сия пресмыкающаяся гадина, когда озлиться и хочеть уязвить человека, скачет на него, подобно крылатым животным,

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...

Публикуется впервые

мы держались на одном месте не малое время. Однакож ничего подобного с нами не случилось; гадина боялась нас, а мы ее понапрасну. Так и всякий предрассудок силен только во мнении, а не на деле!

Купина в Раифе

По возвращении в монастырь, я не зашел в свой гостеприимный приют, но прошел калиткой на озеро, и остановился на площадке или Иордани, дабы насладиться приятностями теплого летнего вечера. Уже дневное светило погружалось в неизмеримые пучины запада. Вечерняя заря ярким румяным своим цветом высоко отражалась из-за леса и распространялась широкой полосой по всему западному небосклону. Озеро сверкало багрянцем, лес горел, и я видел здесь некое подобие купины пылающей, но не сторающей, и слышал глас природы громко вопиющий внутреннему слуху чрез псалмопевца о Творце вселенной. При созерцании столь великолепного зрелища природы, с сладостным упоением умиления погружался я мыслию в отдаленные пределы минувших веков и там представлял себе то дивное ведение, в котором великий Моисей удостоился узреть присно-Сущаго в оригинальной, горящей купине и слышать глаголы живого Бога. Это видение чрезвычайно и с тех пор не повторялось ни однажды; между тем как настоящее виде-

ние природа раскрывает не однократно и пред глазами многих. Стоит только смотреть на него не одними очами, и тогда можно также увидеть Бога и здесь — в делах Его творения.

Чрез день после сего явления также под вечер повторилось в природе другое видение, хотя в начале с грозным открытием действующих своих сил, но под конец разрешившиеся в таких же приятных чертах, как и первое. Вдруг пролился сильный дождь, сопровождаемый порывистым ветром. Лес страшно шумел. Озеро кипело и от всхлипа волн поднимался какой-то смешанный томный звук. Молнии сверкали поминутно, и предметы, находившиеся на земной поверхности попеременно, то являлись в ярком свете, то опять вдруг пропадали во мраке ночи. Глас грома Твоего в колеси, осветила молния Твоя вселенную...

Облачные картины

Впрочем, такое смятение в природе недолго происходило. Ветер начал мало по малу утихать, дождь уменьшаться. Тучи, разрываясь в мелкие облака, разоблачали небо со всех сторон. Луна, царица ночи, величественно востекала на высоту тверди небесной среди быстро мчащихся мимо ея снеговидных облаков, которые от возмущения ветра носились по своду неба в беспорядке. От такого их брожения открылось то прекрасное явление, ко-

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

торое привело меня в большое изумление. Облака, бродя туда и сюда пред моими глазами, беспрестанно сменяли одни картины на другие в разных видах и с новым великолепием. Одни их них поражали взор видом развалившейся скалы, другие представлялись в образе полуразрушенных башен, а некоторые вдали казались рядами густого, дремучего леса, или образовали виды раскинутых шатров со множеством толпящегося вокруг их воинства. Созерцая такие великолепные картины во время лунной ночи среди пустыни, окруженной дремучем лесом, не напрасно, сказал я с восторгом, ветер разносит их по своду неба, но он, как некоей волшебной рукой, строит из них пред лицом нас, земных странников, дивные свои создания и тем прославляет общего всем Создателя, давшего ему такую силу, которая не менее, как и самая небеса, поведает славу Божию, и так же ясно возвещает, что все творение, видимое в природе, есть дело всемогущей силы невидимого Бога.

На следующий день после обедни зашел я к настоятелю в келлии. Между разными разговорами он предложил мне поход с ним вместе для прогулки в черемисское селение Параты, отстоящее от монастыря верст на восемь. Я тем охотнее согласился на его предложение, что мне никогда не случалось видеть черемис в домашнем их быту, и я желал взглянуть на образ их жизни на самом опыте. В третьем часу по полудню сев в повозку,

мы отправились в путь.

День стоял ясный, тихий, облака там и сям спокойно после дождя гуляли по голубой тверди небесной и тем более усугубляли прелести области и наши радости. Проезжая лесом по южную сторону озера, сначала дорога пролегла не совсем спокойная. Рывины и ямы, наполненные дождевой водой, составляли главнейшую ее невыгоду. Но по ту сторону реки Сумки, которая здесь течет поперек леса, дорога совершенно переменялась в своем положении. Отселе и далее мы ехали спокойно, постепенно поворачиваясь на север. Нас уже не тревожили более ни кочки, ни ямы. Версты через четыре лес стал приметно редеть. Я однакож не терял надежды, что он и должен будет увеселять взор наш своею яркой зеленью и тенью; но, к изумлению моему, вдруг пред нами открывается обширнейшее поле, засеянное рожью и ярко освещенное лучами полуденного солнца. Вдали по разным взгорьям и удолам круговинами стояли высокие деревья. Между ними издали виднелись, по всем направлениям поля, разбросанные в беспорядке дома черемисов. «Увы! — воскликнул я, — мы приехали в Азию». Ибо обители ей части света в средней ее полосе, по большей части ведут кочевую жизнь в своих кущах также рассеянно, как у нас ведут и казанские черемисы. «Это те самые варвары, — прибавил я, — которые некогда своими набегами опустошали Раифскую Пустынь?» «Да, они самые,

*Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...
Публикуется впервые*

— отвечал настоятель, — их предки...»

Не доезжая до Парат, нам предложен еще путь мимо одной черемисской деревни Пюзюр-Куп. Глубокий овраг, лежащий между ею и Паратами, разделяя их на два противоположные околка. Воль этого взгорья положена была деревня Пюзюр-Куп, так называются у черемис несколько домов, отдельно отстоявших от главной деревни.

Переехав чрез ручей, извивавшийся по песчаному дну ручья по мостику, мы поднялись на возвышенность того взгорья, по скату которого растягивалось набережное селение Пюзюр-Куп. В полуверстном расстоянии от него представлялось взору нашему одиноко стоявшая деревянная церковь. За нею волновались поля, засеянные яровым хлебом и окружаемая с трех сторон высоким и частым лесом. Местоположение Парат с сей стороны представлялось самое прелестное по своим видам, открывавшихся отселе во все стороны. Въехав на двор к священнику, который находился от церкви не в дальнем расстоянии, и застав его дома, мы однакож скоро проводили его в церковь венчать свадьбу. *По старинному обычаю, черемисы постоянно совершают свои браки во время сенных покосов перед жатвой.*

В отсутствие священника, мы с особенным удовольствием наслаждались радушным приемом хозяйки дома. Она угощала нас с

сельскою простотою свежими ягодами, соединяя однакож с сею добродетельностью и прекрасные черты умной и вежливой горожанки. Добродетель везде увлекает к себе доброе расположение и получает достойную себе дань благодарности.

В продолжение сего угощения одна черемиска, женщина пожилых лет, взошла в горницу, разряженная своим узорчатым костюмом, униженным сплошь рядами серебряных монет и других металлических побрякушек. Это была распорядительница свадебного пира. Мы занимались с нею с полчаса времени распросами о значении ея наряда. Она рассказывала нам о происхождении и намерении своих привесок с приметным самодовольствием, а мы слушали ее рассказы с особенным любопытством и остались довольны ея искренними ответами. Поблагодарив хозяйку за гостеприимство, мы съехали со двора в намерении предпринять обратный путь до монастыря.

Свадьба

Прожая улицу, мы увидели на одном дворе, под открытым сараем, толпу пляшущих черемис. Из них иные играли на волынке, другие пели песни при сопровождении барабанного боя, а некоторые подчивали друг друга пивом. «Что это за собрание» — спросил я. «Это так черемисы играют свои свадьбы», — услышал я себе в ответ. «Подлинно они иг-

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

рают их, — промолвил я, — в прямом смысле сего слова». Мы однако ж на несколько минут остановились посмотреть на сию черемисскую свадебную церемонию и послушать их музыку. Но они, завидев нас, прекратили свой оркестр, а некоторые, подбежав к нам, просили на к себе на пир. Мы поблагодарили их за гостеприимный привет, отговариваясь от посещения их торжества, склоняющимся к вечеру днем.

Между тем, как они продолжали нас уговаривать зайти к ним на двор, я уловил несколько минут видеть их черты, лица и запомнить, что многие из них и доселе удержали на себе значительные признаки физиономий монгольских. Итак, напрасно наши учение истощаются в разных тонких исследованиях на счет происхождения народов, обитающих у нас на протяжении всей Северной полосы, начиная от берегов Каспийского моря и до самого Восточного океана. Это суть, потомки той части света, которая теперь лежит у нас за рубежом Восточной и Западной Сибири. Они все, по моему мнению, должны быть монгольского происхождения. В пользу сего предположения говорят не одне черты лиц черемисов, но и самый их образ жизни с некоторыми поверьями и обычаями, как и самое устройство их домов свидетельствуют их родство с монголами, типы которых и доселе остались неизгладимо на их лицах и отпечатались на многих из употребляемых ими вещах и зданиях.

Черемисская Куда

В доказательство своего предположения, я представляю один случай, встречавшийся со мной при выезде из селения Парат, который привел меня к такому заключению. На конце улицы у ворот одного зажиточного черемисянина остановили нас, приглашая заехать к ним в дом. Мы согласились. Слезли с повозки и взошли на двор. Первый предмет, который обратил на себя мое внимание, это была Черемисская Куда — род деревенской русской избышки снаружи, а внутри совершенное подобие монгольской степной юрты со всеми снарядами и принадлежностями кочевого быта. Здесь вы увидите такой же очаг, как и у монголов в юртах, расположенный на земле. Над ним отверстие для прохода дыма, из которого свешен на железном крючке котел для приготовления пищи. Впереди чулан, отгороженный для хранения в нем съестных припасов и разной поваренной посуды. По сторонам левой и правой такие же на земле седалища, как и в монгольских юртах, а стоя перед курящимися головнями, вы невольно вспомните тот же смрад, какой всегда наполняет и жилища монголов. Вообще, можно сказать, что Куды есть ни что иное, как переиначенный монгольский юрта на образец русских сельских хат.

Летом черемисы почти постоянно живут в своих Кудях, как израильтяне в своих кущах, и в них же готовят и пищу,

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...

Публикуется впервые

обедают и ужинают, для воспоминания своей прежней жизни и подражания своим предкам. В степях Азии и юрта имеет свою цель и составляют одну из главных принадлежностей кочевой жизни. У нас же на Руси она должна бы была потерять свое употребление и оказаться лишнею, как безнуждая, напротив того, она занимает у черемис на дворе самое почетное место и по преимуществу носит на себе имя дома; потому что слово Куда (подобно как урто или юрта на монгольском значит стан — дом), на черемисском языке означает дом. Черемисы сей хате оказывают большое уважение. Они и доселе не могли с нею расстаться и удовольствоваться одними русскими избами, но воздвигают ее нареди своих дворов, как некое святилище. Вот, между прочим, живой пример силы привычки, которая так же, как и вторая природа, оказывает непреложное сопротивление самым упорным усилиям искоренить ее!

Другое замечание достойно такое внимание любознательных. У черемисов, как и вообще у всех степных народов, домашний скот не пасется под надзором пастуха, но бродит на воле по полям и лесам рассеянно. Хотя часто случается, что из сего скота значительная часть достается в добычу хищным зверям. Черемисы, однако ж, не отстают от своего обыкновения, но содержат свой скот по примеру степного, азиатского быта,

жертвуя им в пользу закоренелой своей привычки.

Еще явление не менее того замечательного во нравах черемис заставляет признать их за часть Средней Азии. У них женский пол в рабстве. Это отличительный признак характера азиатских народов, у которых мужья полномочные господа своих жен. Это подтвердилось для нас на самом опыте. В приезд наш из Парат мы видели черемисок, пашущих на полях и едущих с дровами, между тем как мужчины с важностью разгуливают по улицам. Очевидно, что черемисы и другие им подобные народы, известные у нас под разными именами, и находящиеся зарубежные страны вдоль пределов Средней Азии, их настоящие потомки.

Русская изба черемисов

Но когда мы взойшли в большую избу, в которой черемисы ведут обыкновенную жизнь, как старожилы, поданные Русской державы, то увидели здесь совсем другой свет. Здесь мы нашли то же расположение, как и в русских сельских избах, такие же лавки и палаты, на том же месте печку, где она кладется и в русских избах, только с трубой, чего редко можно встретить в обыкновенных русских избах. Черемисы зимою постоянно живут в сих избах и в них приготавливают пищу, а когда наступит лето, то они перебираются для сего в свои Куды,

Для удобства чтения дореволюционная орфография сохранена лишь частично

где и вступают во все права монгольского своенравия. Несмотря на некоторые неважные отсутствия, я у черемис в русской жилой избе нашел немалое сходство с устройством сих зданий у наших деревенских крестьян так, что при входе в одну их них, я невольно принужден был воскликнуть: «Вот здесь русским духом пахнет!».

Впрочем, у нас черемисы и не совсем остались без всякой перемены в отношении нравственно-религиозного образования. Хотя некоторых из своих обычаев они и доселе придерживаются, как выше сего было показано, однако ж, нельзя не заметить благотворного влияния на них христианской веры. Прежняя дикость с них приметно спадает, на месте ея кротость, свойственная христианской жизни, управляет всеми движениями их сердца. Они строго соблюдают постановления, предписанные Православною Церковью, и особенно те из них, которые строятся для наружного благочестия. А сего для них и довольно. Такому обращению своему из язычества в христианскую веру многие из них обязаны благотворному на них действию нашей духовной миссии, высочайше учрежденной в Казанской Епархии в 1830 году.

Недолго посидев в черемисской русской избе, мы заранее поспешили возвратиться в монастырь. Проезжая тою же дорогой, мы во всей полноте удовольствия наслаждались приятностями самого наилучшего летнего вечера и дышали самым чистым

воздухом, растворяемым животворным веянием легкого зефира, несущаго к нам обилие разных ароматных запахов с лесов и полей. Лес дремал в глубокой тиши и стоял как будто бы погруженный в какие-то мрачные думы и не хотел пробуждаться из своей дремоты ни освещением его златистыми лучами западного солнца, ни шумным жужжанием насекомых, которые в глубине его они сливали в один смешанный гул. Уже начинало смеркаться, как мы прибыли в монастырь, довольные сей прогулкой, доставившей нам приятный случай видеть чад Востока, благословляющих судьбу свою у нас на Руси под мудрым и человеколюбным правлением Российских благочестивейших монархов.

Обратный путь в Казань

На другой день я стал собираться в обратный путь в Казань и в тот же день оставить Раифскую Пустынь. Выехал после Вечерни, и уже доканчивал остальной путь ночью, которая меня застигла у Лебяжьего озера. Отсюда Казань представлялась мне в сумраке ночи белеющею горой. Сзади меня догорали последние лучи вечерней зари, а сверху ярко сверкали светлые звезды, рассеянные по всему пространству неба, и я в половине 10 часа ночи благополучно опять прибыл в свое местожительство, соединив в своей поездке в Пустынь полезное с приятным.

Д.Ар.

*Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...
Публикуется впервые*

Похвала иноческой жизни

Гласъ вопиющаго въ пустыни; приготовьте путь Господу.

Матф. 3, 3.

Возлюбленная о Христе Братия моя, давно я горел желанием в назидание души и сердца вашего восхвалить пользу жития иноческаго; ныне же потщусь, сколько возможно, изобразить в кратких начертаниях превосходство монашеской жизни, основанной на Духе Евангельския истины. Внемлите, Братия!

Жизнь иноческая не что иное есть, как духовное училище, в котором преподается небесная Божественная наука, а обитель есть училище благочестия Христианскаго; где единый предмет всех и каждого есть Бог, где проявляется делами и словами Един Бог, где все обретают истинный путь к вечной жизни, где достигается совершенное познание небесной истины. Обитель есть не что иное, как рай духовных сладостей, где представляются разнообразные виды живописных картин, где прохладные долины смирения испещряются благоуханными цветами духовнаго преуспяния и послушания, где добродетели, яко кринь сельные, насажденные при исходящих вод, издают приятное благоухание, где все стремятся к любви совершенной, и она, какъ шипок, издает по всему

«Настоятелю Раифского монастыря.

Просматривая тома книг в своей библиотеке, я обнаружил книжицу «Похвала иноческой жизни», изданной в 1880 году.

Как она попала в нашу библиотеку — определить трудно: с 1931 по 1933 год мой отец работал садовником Дендрологического сада, принадлежащего Казанскому лесотехническому институту... Отец любил собирать книги. Мы, мальчишки, часто ходили смотреть и играть в футбол в Раифу...

С книжицы «Похвала иноческой жизни» я снял ксерокопию, а оригинал посылаю вам. Недостающих в книжице двух листов объяснить не могу.

*С уважением,
Александр Тимофеевич*

АНДРЕЕВ,

25 октября 2004 года».

духовному вертограду приятнейшее благовоние, где чистота духовная красуется яко снеговидная лилия среда безчисленных ароматических произрастений, где совершенное умерщвление плоти, отсечение своей воли, растут яко мирты благовонные, где непрестанная молитва горит, яко фимиам благоуханный, огнем любви Божественныя, одним словом — обитель есть разсадник всех присноцветущих добродетелей, есть прекрасный сад, всеми цветами благочестия преиспещренный, где царствует вечная духовная весна. О, обитель святая! *Прильпни язык мой гортани моему, аще не помяту тебе, яко в начале веселия моего* (Пс. 136, 6.)! Словами Царя-пророка Давида я буду ублажать жизнь уединенную: *сей покой мой во век века, zde вселюся яко изволих и* (Ис. 131, 14.) Добра еси ближняя моя. О, обитель, тебя по справедливости можно назвать таким садом, в котором произрастают злаки ароматические, в котором источники кристальных вод утоляют жажду утружденного путника. Правда, житие иноческое в начале бывает сопряжено со многою скукою и унынием; по видимости оно не обещает никакой приятности, но плоды иноческого жития бывают приятны и душе-спасительны: ибо где лучшее и благонадежнейшее пристанище можно обрести от гонения мира, как не в обители, как не в святой кельи? Где дряхлая старость...

(Повествование в этом месте обрывается — от редакции)

...ные тленные сокровища продаются, и покупается сокровище небесное и нетленное. О, как возжеленна та купля, где покупается жизнь вечная, где самое сребролюбие за ни что вменяется, где за одно умерщвление плоти покупается небесное, вечное, наслаждение духовное, за малая капли слез временных приобретает вечная радость. Иноческая келлия есть такое место, где теряются блага земли и приобретаются сокровища неба. Иноческая келлия есть место духовного упражнения, где душа человеческая, потерявшая образ и подобие Творца своего, паки находит оный в себе самой, восприимлет первобытную чистоту, где заглушенные чувства оживляются, где вся грехом обезображенная натура обновляется. О, святая келлия! В тебе исправляется сердце развратное, в тебе душа обогащается дарами благодати Божией, в тебе единой человек, ходивший во тьме и сени смертной, вне Бога, может созерцать Его, может просветиться светом истины; ты человека, с пути правого совратившагося и блуждающаго, наставляешь на стезю правды и жизни, возводишь его в первобытное достоинство. В келлии христианин, входя в самого себя, в круг своих понятий, удобно может зреть ничтожество всего скоро преходящаго, может ясно видеть самого себя, свое ничтожество, свое кратковременное пребывание в чине творения. Обитель, далее, есть ни что иное, как поле рат-

Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...

Монастырское хранилище древних книг

АРХИВ, РУКОПИСЬ

ное, где собирается все духовное ополчение на врага невидимаго; есть место, где готовится духовное оружие, где воин Иисуса Христа, облекшись во оружие Божие, исходит на супостата, где все духовное здание укрепляется духовными советами, и есть такое поле, на котором дух с плотью ведут между собою вечную и упорнейшую брань и часто сильный от бессильнаго преодолевается. Келлия служит от стремительнаго нападения сатанинскаго щитом и кровом, она стрелы лукаваго разжённаго угашает, под ея мирным кровом и самые бессильные воины Иисус — Христовы, будучи облечены в броню веры и укрепляющей их благодати, делаются непобедимыми. Иноческая келлия есть как бы некое твердое орудие, коим драгоценные камни полируются, или есть такой пробный оселок, на котором узнается доброта золота и серебра. Иноческую келлию уподобить можно даже гробу, в коем полагаются грехами умерщвленные человеки, но будучи оживляемы Духом Святым, воскресают духом Богу. Все те, кои среди сего моря житейских попечений претерпели кораблекрушение, в келлии же обретают тихое пристанище. Иноческая келлия есть такая врачевница, в которой всякий духовный воин, после брани со врагами, уврачевать может нанесенныя ему язвы; ибо нигде с такою удобностию, с такою скоростию не врачуются недуги грешников, как во св. обители, под руководством опытных и искусных духовных врачей.

Житель пустынный, возносясь из сферы земных удовольствий, отнесясь умом и сердцем и волею от мирской суеты и вперив свой ум в самыя непостижимыя небесныя таинства, в самаго Бога, отвергает, презирает и даже гнушается всем, что не составляет вечности, что не относится к Богоугождению, он делается земным ангелом и небесным человеком. О, св. келлия! Достоинно и праведно тебя назвать можно духовным горнилом. Ты из гордых претворяешь смиренными, из пьяниц трезвыми, из жестоких — мягкосердыми, из сердитых — кроткими, — одним словом, всякою страстию напитанное сердце в тебе воспаляется жаром любви к Богу и ближнему. Ты обуздываешь язык веле-речивый, ты воздерживаешь сластолюбивое чрево в границах умеренности, украшаешь душу ангелоподобною чистотою и целомудрием, ты легкомысленных делаешь важными, шутивых и дерзких — смиренномудрыми, ты внушаешь пустослову душеспасительное внимание; в тебе рождается пост и бдение; в тебе царствует терпение и спокойствие душевное; в тебе вечно обитает незлобивая простота, к тебе приблизиться не смеют лукавство и хитрость: ты укрощаешь буйство страстей, истребляешь дурныя привычки и наклонности. В тебе зиждется на краеугольном камени душевный Иерусалим, и разрушается беззаконный Вавилон. Честна еси и добра но словам мудраго, якоже селении кидарски, и якоже завесы Соломо-

ни. (Пес. 1, 4.) Иноческая келлия есть чистое зеркало, в котором малейшее пятно какой-либо страсти усматривается удобно, и недостатки восполняются, ошибки исправляются и слабости искореняются. Келлия есть брачный чертог, в коем душа обручается небесному жениху своему. О, келлия! Благодетельные тебя любят, и в тебе ищут духовного просвещения; а злочестивые напротив удаляются от тебя, боясь твоей тишины, при свете коей не изобличались бы злыя их дела и страсти.

О, вместилище и украшение богомудрых иноков — пустыня блаженная и тихая келлия! Вы бич на все пороки человеческия. В вас родилось, возрасло, процвело и принесло плод во святыню благочестие Христианское; в вас воспитывались, совершенствовались и преуспевали мудрые законники, в вас образовались Богодухновенные Пророки, в вас умудрялись Великие Светильники Церкви. Какое ученое общество произвело истинных поборников веры? Где образовались духовные и Богопросвещенные Павлы, смиренномудрые Антонины, Богодухновенные Макарии, прозорливые Евфимии, Богомудрые Василии, Духоносные Иоанны? Где, в какой земле, или в какой стране, в каких училищах умудрялись сии Великие мужи по сердцу Божию? Где сии светила вселенныя паче просияли, где говорю, как не в блаженной пустыне, не в удалении от шума мирскаго? Где Моисей получил от Бога десятословие, как не в пустыни? Где Илия чудесным обра-

зом принимал пищу от рук Ангельских? В пустыне... Где пророкъ Елисей удостоился принять благодатную силу своего учителя, как не в пустыне? Но почто нам многословить более? Сам Спаситель Мира, Господь Иисус Христос, исходя на дело искупления рода человеческого, в пустыне положил начало онаго искупления и одержал победу над кознями искушителя своего. Пустыня есть лествица Ияковля, возводящая человека от земли к небеси, и по которой Ангели нисходят на землю в помощь человеку. Пустыня есть прямой путь, ведущий человека, после многого странствования, в отечество его; она есть такое поприще, на котором благодетельные венчаются венцем славы от руки Господни. Пустыня есть баня паки бытия, где души омываются от грехов, где совесть очищается от тайных пороков; она есть чистилище душевных недугов, в коем душа доводится до Ангельской чистоты. Пустыня есть такое место, где обитает сам Бог с человеками, где Ангелы с человеками и телесные с безплотными жительствоуют вместе, где небесные жители открывали и ныне открывают волю Божию человекам, беседуют с ними о спасении души, где сам Бог открывает предвечные свои советы человеку. И какое умиленное зрелище! В часы полунощные, когда вся природа погружается в глубокое усыпление, когда среди пустыни царствует священная тишина, тогда подвижник веры, воин Иисус Христов един, облек-

*Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...
Монастырское хранилище древних книг*

АРХИВ, РУКОПИСЬ

Оригинал издания

Раифская Богородицкая Пустынь с северо-западной стороны. Конец XIX века

шись во оружие Божие, стоит на Божественной стражи, и воспевая Богодухновенныя Псалмы, весь ум и сердце вперивъ в Бога, ратует с полчищем духов злобы поднебесных: Божественныя Псалмы, во устах его непрестанно вторимые, образуют меч обоюдо острый, коим он поражает сие душехищное полчище. Пустыня есть такое место, где в сердце удобно возгарается пламень любви Божественныя, ум человеческий ни чем не разсеянный возвышается к Богу и удобно просвещается светом Божественныя благодати, где грешник свои беззакония скоро омывает потоками слез сердечнаго сокрушения. Сам Царь Давид, видя суету сего мира и чувствуя в сердце своем ко всему отвращение, возопил: *се удалихся бегая, и водворихся в пустыни* (Пс. 54, 8). Но что я говорю о Давиде? Сам Спаситель мира, во дни явления человеку, пустыню удостоил Своего пребывания, ибо в скором времени носле крещения Своего в струях Иорданских Он, по свидетельсгоу Евангелиста Матфея, возведен был духом в пустыню искуситися от диавола, где пробыл сорок дней и сорок ночей (Матф. 4, Мар. 1. 13)...

(Повествование в этом месте обрывается — от редакции)

...и братия! живя во избранной и избранной нами св. обители, будем жить не по увлечению сердец наших, не по страстям, которыя увлекают нас к жительству противному св. вере

Христовой, а по нашим обетам, которые мы обещались исполнять не по принужденно, а по свободной своей воле, о чем и постараемся всемерно и со всяким тщанием без лени, о Христе Иисусе Господе нашем, о Котором и можем только жить и подвизаться. Ему же честь и слава ныне и во веки. Аминь.

*Цензурой дозволено
5 февраля 1880 года.
Цензор Э. Профессор
Казанской
Духовной
Академии*
В. МИРОТВОРЦЕВ

*Воздадим благодарность всем, кто содействовал своим усердием к приведению в исполнение сего благого намерения — устройства Раифской обители...
Монастырское хранилище древних книг*

АРХИВ, РУКОПИСЬ

Издание
Раифского
Богородицкого
мужского
монастыря

*Кто говорит, что он во свете,
а ненавидит брата своего,
тот еще во тьме.*

1 Иоан. 2,9

Андрей Владимирович Рощектаев

Родился в Казани в 1976 году в семье известного казанского поэта Владимира Рощектаева. Окончил исторический факультет и аспирантуру Казанского университета. Кандидат исторических наук, член Союза российских писателей. Работает историком и экскурсоводом при Казанской епархии.

Автор ряда монографий и статей по истории православных монастырей и храмов, а также нескольких художественных произведений, лучшим из которых сам считает повесть «Рай и ад». Все опубликованные книги изданы в Казани: «Последняя зима» (2000), «Рай и ад» (2001, второе издание — 2004), «История Свято-Успенского Зилантова монастыря Казани» (2004), «Путеводитель по святым обителям Казанской епархии» (2006), «По святым местам Поволжья» (2007), «Великие церкви малых городов» (2008), «В гости к святым» (2008).

Его книги можно найти также в Интернете, в проекте «Самиздат»

Любимое чтение — Достоевский, Шмелев, Толкиен, Сент-Экзюпери, православная духовная литература.

Незлюбивое мужество

Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме.
1 Иоан. 2,9

Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеешь части со Мною.
Ин. 13,8

1.

Один староста храма рассказывал:

— Это было со мной давно, еще в начале 90-х. Тогда гигантское влияние на меня оказали книги и проповеди о Святой Руси и ее врагах, о заговоре против России... Загоревшись, много я стал читать подобной литературы. Был я тогда, как говорится, молод и горяч — воцерковлен совсем недавно, духовного образования, конечно, не имел — вот и восполнял его, как мог сам, руководствуясь сердцем. Сердце влекло на подвиг, на борьбу. На «мученичество»... в меру того, как я тогда понимал мученичество.

Друзья были того же духа: подобное притягивает подобное.

Едва успела прийти в 91-м новая власть, как я уже уверенно, со знанием дела заговорил об «антинародном режиме и геноциде русского народа». Душа рвалась бороться за спасение России. Все я знал, во всем разбирался!

Паства (точнее, интересующаяся ее часть) слышала от меня, вместо батюшки, самые настоящие проповеди — как мне тогда казалось, в духе св. патриарха Гермогена, поднявшего всех на борьбу во время Смуты.

«Сталина надо! — поговаривали некоторые. — Он бы навел порядок. Он бы всех этих Ельциных-Гайдаров к стенке-то поставил».

«Православного Сталина, — уточнял я, искренне веруя, что это возможно. — Такого как Сталин, по жесткости, но при этом — человека святой веры...»

«Значит — Ивана Грозного», — делали вывод люди: в истории, как и в медицине, у нас ведь каждый — высший специалист.

Значит, Ивана Грозного...

«Жидов и капиталистов всех на костре сожгут, будут на все товары цены низкие, и Святая Русь воскреснет», — как сказала, помню, одна женщина про этого еще не пришедшего Общего (Сталина — Ивана Грозного).

Конечно, не только эти «исторические» примеры меня вдохновляли и возжигали. Много я читал о безвинных младенцах, похищенных и умученных изуверами-жидами — и конечно, особо

Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме.
1 Иоан. 2,9

чтил св. Гавриила Белостокского. Ну кто о нем не слышал: самый знаменитый святой Белоруссии и православной Польши, шестилетний мальчик, похищенный на Пасху 1690 года. Его распяли на кресте, искололи все тело и через множество ран выточили всю кровь...

«Когда-нибудь они за все ответят!»

«Будет мести опричная метла и всех их выметет в ад», — сказала та же женщина, которая говорила про воскресение Руси.

И так устроил Господь, что попал я на великий крестный ход с мощами младенца Гавриила — из Гродно в Белосток. Это было в сентябре 92-го, в самое Рождество Богородицы — и на следующий день: 22-го.

Мощи святого младенца вообще совершили за века столько путешествий, сколько никогда не выпадало при жизни этому крестьянскому мальчику из деревни Зверки под Белым Стоком. Почивали мощи поначалу в родной Зверковской церкви — чудесно уцелели во время пожара, когда вся церковь сгорела дотла. Перенесли их в XVIII веке в Троицкий монастырь в Слуцке — спасали от униатов. В Слуцке они оставались дольше всего — и до революции были главным притяжением паломничества со всей Западной Руси. Перед самой революцией частичку его мощей вместе со старой ракой перевезли в собор Василия Блаженного в Москве. В 18-м году за хранение этих мощей и молебны пред

ними настоятель собора о. Иоанн Восторгов был расстрелян, а сама святыня конфискована и пропала — та, что в Москве. Основные его мощи — те, что в Слуцке, — попали в музей атеизма в Минске. При немцах, в оккупации, они были возвращены Церкви, находились в соборе в Минске. Потом, в 44-м, когда немцы отступали, верующие тайно вывезли их в Гродно — и там на много десятков лет спрятали в подвале собора... Там они и лежали до того самого крестного хода, о котором я говорю. Подвал был очень сырой, вообще страшный... но мощи — тут уж я сам видел, — сохранились совершенно нетленными: чудо есть чудо!

Вот тогда-то, в 92-м, мощи, по ходатайствам православных жителей Белостока, по просьбам Польской Православной церкви, и решили вернуть в Белосток, на место его мученичества.

Лето в том году, как сейчас помню, стояло до октября. Сентябрь выдался жарче августа — не только в Польше и Белоруссии, но и в наших краях.

Мы шли, и вся природа будто молилась вместе с нами. Деревья стояли, как огромные свечи. Это было как сказка, как сон: идешь — и сам своим глазам не веришь, что бывает такая красота.

Пасхой веяло от красно-золотых листьев под ногами, как от яичной скорлупы. А маленькие карточки-иконки с изображением распятого на кресте мальчика — у многих такие были в руках, — все время напоминали

Страстную Пятницу: «Радуйся, тобою бо посети Господь землю нашу»¹. «Посетил...» Именно что посетил.

И вот, Христос как-то медленно-медленно входил в душу, и я чувствовал, что все меньше остается в ней какого-то немирного чувства. Сначала я сам удивился. Оно куда-то выветривается по дороге...

Мы же не злобимся в Страстную неделю, слыша о Страстях Христовых.

Наверное, опыт этого в сущности Страстного крестного хода был очень важен... Да и любой крестный ход хоть как-то преображает человека. Помню, кто-то сказал: выйти из крестного хода ровно таким же, как вошел в него, невозможно.

Вот и для меня это был важнейший этап в жизни, как-то уместившийся в пару дней.

Пересекая границу Польши и Белоруссии, св. Гавриил как бы зримо стирал все границы. Культ его по обе стороны установленных людских рубежей, и удивляет, и умиляет, и... на ум наставляет — таких, как я.

Здесь я впервые увидел поразительные примеры, как его почитают без всякого выведения обличающих теорий... народ просто идет и идет к нему, тысячами: русские, поляки, белорусы. Он им — просто заступник: родной, любимый, свой. Люди из этих мест настолько навидались горя во время голодомора 30-х, войны и послевоенной разрухи,

и настолько эта память сильна во всех поколениях, что, по-моему, им было все равно, кто и когда его замучил: «жиды» или фашисты, в XVII веке или в XX-м. Здесь он был — просто мученик, без всяких «кто виноват». Здесь его культ был... как будто бы совсем другой, чем «у нас»... точнее, совсем другой, чем я думал. И проще, и глубже.

Я тогда впервые задумался... что-то начало новое созревать в сердце — я тогда еще не понял, что.

Приходят к его мощам студенты и старшеклассники — говорят, «помогает сдавать экзамены» (Может, когда-нибудь поможет сдать пред Богом самый главный экзамен в жизни, которого мы все боимся). Приходят родители с ребятишками. Ребятишки деловито крестятся и прикладываются к раке. О чем они там молятся про себя, я не знаю, но о чем-то молятся. Может, о том, чтобы «маму-папу слушаться...»

Продаются в здешних краях даже книжки-раскраски для детей «Житие и чудеса св. Гавриила Белостокского»... разумеется, сами мучения не обозначены соответствующим рисунком — есть только обретение нетленного тела в поле, охраняемого три дня «премудрыми» собаками от наглых ворон. Видел я такие книжки — на русском, на польском, на белорусском.

Люди из разных городов много рассказывали друг другу — в основном, об исцелениях, очень

Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. 1 Иоан. 2,9

¹ Из акафиста св. Гавриилу Белостокскому

много — об исцелениях детей. К помощи его прибегают даже католики — сплошь и рядом.

«Младенцев верховниче и хранителю», — поется о св. Гаврииле в акафисте. Верховниче младенцев — очень уж умирительно: словно «полководец младенцев». Множество больных детей во все времена исцелялось по молитвам к нему: он, мученик, единожды взял на себя страдания — и потому многие избавляются от страданий, призывая его. Это и есть "верховенство" в Христовом понимании: вместить в себя всю боль всех...

Что творилось в Белостоке, не описать никакими словами! Такое ощущение, что весь город высыпал на улицы, никого в домах не осталось. И из окрестностей много народа съехалось. Я потом слышал, что по подсчетам полиции, крестный ход встречали 50-60 тысяч человек... по неофициальным данным — вообще чуть ли не 100 тысяч. И знаете, вполне верится. Море, море людей! Даже не думал, что где-либо когда-либо может собраться столько народа на православный праздник! Тем более, в Польше. Белосток на несколько часов показался похож на Дивеево в день перенесения мощей Серафима Саровского, за год до того. И ликование на душе было такое же. «Пасха посреди лета». Или посреди осени.

А потом... после хода, случилось со мной то чудо, какие изредка, в великой любви ниспосылает нам Господь — для на-

шего спасения. Видимо, когда никакой другой возможности спасти-вытащить нас уже нет!

Я уснул на полу в какой-то подсобке при храме, в которой нам постелили — и во сне увидел святого Гавриила Белостокского.

До сих пор не могу говорить об этом без слез... в горле ком. Он ведь спас меня.

Сейчас отдышусь...

Он был очень похож на Христа — и в то же время был самим собой, 6-летним, невероятно узнаваемым... и это необъяснимо земными словами.

Он спросил: «Скажи, если бы меня убили не евреи, ты не любил бы меня?»

В этом детском вопросе было — все. Я ничего не мог ему ответить.

Перед такой любовью, как у него... да молчит всякая лукавая плоть.

Это разве что такой же чистый мальчик, будущий преп. Симеон Столпник, в 7-летнем возрасте, когда ему явился Христос, не смолчал, а смог сам спросить: «А как Тебя распяли?» (и в его детском вопросе тоже было — все! и Христос ему ответил...)

А я молчал. Его святой вопрос — все-все, что в нем, превыше сказанных слов, вмещалось, — пронзил меня до глубин души.

И тогда св. Гавриил сам ответил:

«...Но ведь ты их ненавидишь, а я люблю всех. Я не хочу, чтоб ты их ненавидел. Я молюсь за них!»

Ему, чистому, было невероятно больно, как от мучений, ви-

деть меня таким. Он очень любил меня... всех.

И еще он добавил: «Если будешь ненавидеть, то не спасешься».

Я проснулся... кажется, от собственных всхлипов. Все лицо у меня было мокрое, и даже тюфяк, подложенный вместо подушки — мокрый.

Я проснулся... от многих лет бредовой, непутевой жизни.

Ах, Гавриил — «крепость Божия»!

Жертва всегда таинственна и всегда остается непонятой или недопонятой.

Живое прикосновение к мученичеству всегда обесценивает то наносное, внешнее, что занимало тебя прежде. Чужого мученичества не бывает. Все мы — одно Тело Христово.

«Радуйся, мятущихся помыслами умиротворителю».

Как иудеи, веками ожидавшие Мессию, не в силах были принять такого Мессию — пришедшего в немощи и на Распятие, а не на земное царство... так и мы, «патриоты», веками говорящие о подвиге св. младенца Гавриила, не додумываемся принять такого св. Гавриила: прощающего, а не вдохновляющего на месть, молящегося за мучителей, а не призывающего кары на их головы.

Он, носящий имя в честь Архангела Гавриила, по-своему несет Благую весть. А Благая весть — всегда одна и та же: Бог ждет нас... чтобы простить. Чтобы мы разрешили Ему нас простить.

Я понял, что я и не любил его прежде... и в своем тогдашнем состоянии не способен был любить. Он нужен был мне как повод, чтобы обвинить евреев. Как живого я его не воспринимал. Ну... следователь же не обязан любить убитого, дело которого он расследует. Но я-то был таким фарисеем, что сам себя убеждал, что «я его очень почитаю». А все-то почитание сводилось... к «улике против жидов». И больше ничего в этом не было.

Это скверно, что некоторые культы как-то удалось превратить в «политические». Это одна из самых больших побед сатаны. Какая может быть политика, если — святой ребенок! Какая политика в жертве Христовой! Я ни одно воскресение не пропускал Литургию — и как-то не доходило, что Жертва всегда выше всего земного. Кто ничего не понимает в Жертве, тот ничего не понимает в Христианстве.

По-настоящему я полюбил св. Гавриила... да что уж там говорить — и Христа!... лишь тогда... Я упал в слезах перед открывшимся вдруг неземным величием «незлобивого мужества», о котором поется в акафисте. «Поем страсти твоя, Гаврииле, славим твое в младенчестве телеси незлобивое мужество». Знаете, как потрясен бывает человек, когда перед ним вдруг открывается тайна — и оказывается, что она настолько простая... что даже тайны-то нет. Как долго не можешь опомниться, когда узнаешь, насколько слепым был прежде.

Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме.
1 Иоан. 2,9

«Незлобивое мужество» для злобного — пустые слова. Красивая фраза. Я читал их десятки раз и хорошо знал... как фарисеи знали Писание.

То, что ангел-младенец — молитвенник за всех тех, с кем я воюю... это до меня не доходило и никогда бы не дошло, если б не он сам!

Снам я не верю вообще. Но здесь — не в снах дело.

Здесь сон был лишь завершением той перемены, которая произошла со мной во всем крестном ходе: я словно вышел из одной жизни и вошел в другую. Во всем пребывании у мощей св. младенца я медленно и невидимо приобщался его подлинной любви — и от нее моя прежняя ненависть рассеялась, перегорела...

«Прежний, ветхий человек должен перегореть в огне Божией Любви», — учат Святые Отцы. Без этого нет пути ко Христу — может быть только пародия, сладкий самообман.

Младенец все понял, а я прежде ничего не понимал. Я — был фарисеем, я был книжником. «...И преуспевал [я] в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий», как написал о своем прошлом апостол Павел (Гал. 1, 14). Вот и я, горячо веря, что я «истинно православный русский патриот», был истинным иудеем по духу своей непримиримости и фанатизма. Иудеи — это мы! «Бойтесь закваски фарисейской и саддукейской» — это сказано про нас. Нас бойтесь! И мы бы

люто возненавидели Сына Человеческого, если б Он пришел, Какой Он есть — к нам таким, какие мы есть. Так и вижу себя прежнего, раздирающего одежду, как Каиафа, в порыве искреннего негодования. Самое главное, что — искреннего.

«Иудейского нечестия обличителю», — поется про св. Гавриила. Вот он и обличил меня. Страшно мне стало, в какой губительной пропасти я находился и чему учил людей.

«Если будешь ненавидеть, то не спасешься».

Если люди, которых я так научил, будут ненавидеть, то не спасутся.

Любовь Христа — требовательна и безапелляционна.

Приходилось начинать жизнь сначала... Это был праздник расставания с бредом! Я чувствовал себя... знаете, алкоголиком, вышедшим из запоя. Я шарахался от прежних собутыльников, ужасаясь, что только что сам был такой... и со слезами думал, как же их спасти. Я видел мир, каким не видел его с самого детства — Божий мир, а не сатанинский. Мир, где победа — это прощение.

Помню из тех первых дней одного собеседника, который очень возмущался, что в акафисте «иудеи» заменены на «злых людей». «Почему тогда не всякий, убитый «злыми людьми», становится святым!» — риторически возглашал он.

Я ответил, что все ровно наоборот: именно что всякий безвинный, убитый «злыми людьми»

(а добрые — не убивают!), становится безусловно святым... только вот мы, по нашей ограниченности, часто бываем «разборчивы» в почитании — смотрим не на самого мученика, а на то, какую и против кого улику можно из его примера извлечь.

Это был спор меня нового с самим собой прежним. А впрочем, и не спор — потому что, познав истину, о ней уже даже и не спорят. Просто «имеющий уши да слышит».

— Так все-таки евреи его убили или не евреи!? — с заметным раздражением воскликнул мой собеседник.

Тут в наш спор вмешался о. В., явно куда более начитанный, чем я, и куда более подкованный к таким дискуссиям.

— Ну, по почерку-то убийство явно каббалистическое. А каббализм, — он только родился на почве иудаизма — как секта, как самое страшное оккультное течение. Распространившись, он давно уже стал по сути универсальным сатанинским учением всех времен и народов (то, что у кодунов по всему миру известно как «Черная книга» — лишь упрощенная, примитивная версия Каббалы). Убивали ли христианских младенцев каббалисты-евреи или каббалисты-неевреи — сейчас поди установи в каждом-то случае! Да и так ли уж это важно, какой нации сатанист. Если «во Христе нет ни элина, ни иудея», то в сатане вообще нет человека — есть только сидящий в человеке сатана. Сатана убил св. Гавриила — и сата-

на же научил нас ненавидеть целую «нацию» его мнимых убийц, ибо любая ненависть ему отрадна. Не будем же игрушками в его руках!

Пока они спорили, я, отрешившись, задумался об акафисте...

Все-таки удивительный человек был этот отец Алексей Зноско, написавший акафист в 1943-м, в самый разгар войны. Ничего я о нем больше не знаю, кроме того, что он это написал... но по написанному знаю теперь, какой любви он сподобился!.. ибо акафист его — не обвиняющий, а прославляющий чисто, пасхальный... и полный нежности к «птенцу непорочному»... «От чрева матери Богом предустановленному и горнему званию сопричтенному». Да... А только это и важно! На земле — война, на земле — мучители, на земле — фашисты... а у Бога — «птенцы чистые».

И как будто входили в мое сердце слова:

«Персте Божий, горняя нам указующий»

«За ны Страдавшему сораспялся еси»

«Прославивший Господа страданьями своими» (Вспомнилось знаменитое евангельское: «Ныне прославится Сын Человеческий и Бог прославится в Нем»)

«Птенец чистый, в гнезда небесные приятый»

«Радуйся, в радость Господа нашего вшедый»

«Да научит ны Господь подражати тебе в чистоте Ангельской и незлобии»

И опять самое главное:

Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. 1 Иоан. 2,9

«Тобою бо посети Господь землю нашу» (и опять вспомнилось из Святого писания, из Апостола Павла: «...перед глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый» (Гал. 3,1)

А разговор тем временем зашел о величайшей духовной трагедии евреев. Только черствое, вконец омертвевшее сердце в силах не оплакивать их судьбу, их разлуку с Богом.

Они «не узнали времени своего посещения» — и теперь им осталась только Стена Плача. Глухая к их плачу — потому что мертвая стена не слышит, слышать может Живой Бог — а Он не отвечает, ибо они не к Нему обращаются. «Се, оставляется вам дом ваш пуст, доколе не воскликнете: благословен Грядый во имя Господне».

И если про св. Гавриила поется: «Тобою бо посети Господь землю нашу», то и через него они могли бы «обратиться и воскликнуть...» и горе нам, если мы своей ненавистью и не-прощением помешаем им сделать это хоть когда-нибудь!..

А то, что это будет, предсказывал Сам Господь чрез те же послания апостола Павла.

Их задача — сложнее и страшнее нашей. Они должны как-то вырваться за пределы своей судьбы, для спасения они должны перестать быть теми, кто они есть... а это выше сил человеческих — это в силах только Бога. Наша задача — легче: не стать теми, кто они есть сейчас... но мы и с ней не очень-то справляемся, если ненавидим.

Им очень трудно вырваться из оков своего национализма на свободу, к Богу. Но ведь и нам трудно стать больше, чем мы есть. А в Царство Небесное нет другого пути, чем стать больше, выше земного.

Все простивший спасется и спасет тех, кого простил. Не простивший — так же «лишится зреть» Христа, как те, кого он не простил.

«...иначе и ты будешь отсечен» (Рим. 11,22) — предупреждает апостол Павел всех превозносящихся над отсеченными от благодати иудеями.

«Но и те, если не будут в неверии [во Христа], привьются» (Рим. 11, 23). «Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать» (Рим. 11, 33).

Наш «бытовой» антисемитизм мешает евреям сбросить ветхие одежды иудаизма и прийти ко Христу. В этом смысле антисемитизм не просто предусмотрен и запланирован врагами Христа, не просто им абсолютно на руку, мало того: он — их главный козырь.

Беда — в иудаизме, а не в евреях. Эта религия — их духовная тюрьма, их двухтысячелетний плен, куда страшнее египетского и вавилонского.

Все больше в нашем мире евреев, обращающихся ко Христу. Страшно, если мы сами помешаем им! Думаю, св. Гавриил — один из великих молитвенников за их освобождение. Им стоило бы почитать его как нового Моисея. Он — не знамя антисемитов, он — живой образ Христа, в

котором нет ни элина, ни иудея.

Ведь православные жители Белоруссии — те, что, рискуя жизнью, прятали у себя евреев во время немецкой оккупации, молились-то все тому же Гавриилу Белостокскому — главному святому покровителю здешних мест!

Мы этому не удивляемся только потому, что нам это никогда не приходило в голову. А святые люди не удивляются, потому что знают: так и должно быть, и по-другому в Боге не бывает.

Очень нужна литература не антисемитская, а обращенная к евреям с любовью, приглашающая их ко Христу: «Обратитесь и Аз упокою вас».

Не физически уничтожить иудаизм — упаси нас, Господи, даже от мысли об этом! — а победить его голгофской любовью.

Один израильский раввин в наше время долго и искренне пытался разрешить противоречие: мало того что все пророчества сходились к Мессии, — они сходились к тому, что он будет отвергнут и даже убит... И что же дальше? как быть? кто же Он — неужели Тот, в Кого верят христиане?... вроде, все иудейское воспитание, все «сложившееся мировоззрение» заставляло его в страхе гнать эту мысль — а она снова возвращалась: разве Истину прогонишь, когда она уже стучится. И вот, доведенный до отчаяния своими сомнениями, он обратился с горячей молитвой к Богу, чтоб Тот Сам разрешил его недоумения. Он заснул на молит-

ве и оказался... перед Голгофой. Распятый приподнял голову, взглянул на него и — ответил на его вопрос: «Я — твой Бог».

И — кончился сон.

В радости в тот же час побежал он к другим раввинам, показывал им места из Торы: «Ну вот же, вот... это же Он!» Те — не поняли. А он, как был искренним служителем Бога, так и остался служителем, идущим до конца — крестился и стал православным священником.

Случай этот стал широко известен — и в Израиле, и за его пределами... хотя понятно, что остальные раввины, оставшиеся по другую сторону дверей, постарались замолчать этот факт...

Я подумал: «А ведь, в сущности, ровно то же самое, что с этим раввином, случилось и со мной...»

Проблема не в том, какие они, а какие мы! Думаю, если бы была в нас, в каждом, хоть капля голгофской любви... давно не осталось бы на свете ни одного человека вне Христа!

И свершилась бы Непобедимая Победа.

Христианство «победило мир» незлобивым мужеством: оно победило потому, что мученики молились за своих мучителей... и толпы язычников, собравшиеся поглазеть на пытки и казнь, вдруг переставали быть язычниками: на их глазах рушился привычный им мир. Они видели в этих мучениках, в этих свидетелях² о мире ином, образ Бога Любви... о

Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме.
1 Иоан. 2,9

² По-гречески мученик — «мартириос» дословно означает: «свидетель»

Котором они прежде и мечтать не смели.

Церковь держится на незлобивом мужестве.

Жизнь в мире держится — на незлобивом мужестве...

Кто это постиг, тот — Христов...

Понял я, что от лукавого все «теории заговоров», все поиски «врагов» во все времена. Те, кто верит в это, как я прежде, могут приводить много разных мудреных доводов, но главный их довод — ненависть.

Даже если они хоть в чем-то «правы», то все равно не правы — потому что в них нет любви.

«...Но знаю Вас: вы не имеете в себе любви к Богу» (Ин. 5, 42).

А вообще изучение «глубин сатанинских» не полезно для нас — помните, как предостерегал от этого св. апостол Павел! Лукавый — на то и лукавый, что всегда запутает всех пытающихся изучать его тайны, чтоб «бороться с ним». Запутает — и кружным путем обратит к себе же в рабство... ничего не подозревающих, будто бы «борющихся». Не бороться с ним — а держаться за Христа, Который его уже победил! Вот единственный путь спасения. Другого у нас нет — и слава Богу, что нет...

Христиане апостольских времен совершенно не интересовались никакими «тайными заговорами» против себя — хотя врагов у них было предостаточно: мистики-гностики, фанатики-иудеи, языческие жрецы... Пасхальная радость от сознания, что Христос с нами, не давала отвлекаться ни на что другое, кро-

ме Самого Христа. Если мы будем иметь дух мирный, то никогда с Ним не разлучимся и никогда никто нас не победит.

2.

А ровно через год пришло испытание в духе мирном — Бог через обстоятельства спросил: с кем я? И всех нас, по всей стране, спросил: с кем мы? с Ним ли, или со своими прихотями?

21 сентября 1993 г., в день Рождества Пресвятой Богородицы — и в годовщину того крестного хода, — началось самое страшное противостояние в истории новой России. Экзамен для нас всех. Выберем мы мир или войну, Бога или лукавого, новый 17-й год или — смирение.

Те, кто привычно и уверенно выбрал для себя то же, что выбрал бы я сам год назад, засобирались к Дому Советов — «защищать конституцию и матушку Русь», Русь защищать — от России! А если — от России, советскую «конституцию» — от назначенного референдума по новой Конституции.

Правда — на правду,

Вера — на икону..., —

как позже пел об этих событиях Юрий Шевчук. Было уже не «предчувствие гражданской войны», а — она сама, на пороге.

И самой страшной — страшнее всякого кошмара, — была именно убежденность «защитников». Фанатичная убежденность в своей правоте: та убежденность

от лукавого, что всегда требует жертв, всегда требует «вешать врагов на столбах».

Один знакомый старенький священник, большой молитвенник, не чета нам... он молился тогда непрестанно во все дни конфликта — и потом говорил мне, как чувствовал во время молитвы страшную беспросветную тучу злобы над местом митинга. «Там люди уже ничего не решали — там сатана за них решал...» Там как будто «черное солнце» взошло из ада — и сожгло бы ненавистью всю Россию, если бы не предстательство Божией Матери, если бы не молитвы всей Церкви с Патриархом во главе. (А я думаю, что среди небесных молитвенников был, конечно, и мученик Гавриил Белостокский. Его-то незлобивое мужество сильней злобы людской).

Люди в толпе не знали, что делают, а их князь знал.

«Вы своих бесов не знаете, а они вас знают», — как сказал один мой знакомый, правда, по другому поводу.

Бесы влагали помыслы — а люди, по словам Святых Отцов, сочетались с помыслами. Когда помысел один у многих тысяч — ненависть, — это особенно страшно. Так гибнут целые народы и страны. Несмирение — основа гибели. Не дай-то Бог нашей России!

У нас в приходе нашлись свои «агитаторы». А я вспоминал прошлогоднюю неземную радость... и безумным было для меня все то, что они говорили, и тем более, то, что собирались делать.

Я видел как бы людей с другой планеты — и в то же время самого себя вчерашнего. Я не мог их понять — и только молился. За себя, за них, за нас.

Ни к какому Дому Советов я, конечно, не пошел. Да и настоятель наш, мудрый о. В., на проповеди строго наказал всей пастве «не ходить в совет нечестивых, не участвовать ни в каких бесчинствах и непотребных сборищах — а сохранять трезвомыслие и смирение». А то у нас некоторые засобирались было... Слава Богу, мне удалось одних разубедить — другим о. В. своей пастырской властью просто запретил.

Тогда некоторые и на него, и на меня роптали, потом — благодарили. И я рад, что хоть одно хорошее дело в жизни получилось сделать: что, может, через меня, недостойного, Бог сохранил кого-то от напрасной смерти... и в любом случае сохранил — от участия в междоусобной брани.

Наступило воскресенье, 3 октября. Святейший Патриарх назначил на этот день всеобщий молебен о мире. Из Третьяковской галереи впервые за столько десятилетий явилась в храм великая чудотворная Владимирская икона Божией Матери...

А в тот же день несметные толпы, беснуясь, прорвали, стоптали, растерзали, забросали камнями кордоны милиции и ринулись, как победители, как татаро-монголы, на ничего этого не хотевший, окружающий их город. На спокойную вечернюю Москву, которая только что молилась

Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме.
1 Иоан. 2,9

и хотела мира, только мира. Мира — как воздуха!

«Если б вы только знали, как люди хотят мира!» — повторял я сам в себе.

Нежелание мира — это болезнь, которая "лечится" смертью. Мир — это умение прощать.

Любовь обращает людей ко Христу, ненависть — к сатане: по-другому не бывает.

Наступила самая страшная ночь, с 3 на 4 октября. Люди убивали людей. От ненависти. От страха. «Страх покрывался матом, будто потом, страх брел по городу...»³ И было в этом запредельном чувстве уже что-то большее, чем просто страх людей перед людьми. Чувствовался в эпицентре этого ужаса сам отец ужаса.

Я молился, положив на домашний аналой старую, еще бабушкину Владимирскую икону Божией Матери и — небольшой образочек св. Гавриила Белостокского, с того крестного хода.

«За наши, за мои злые «проповеди» Ты, Господи, попускаешь России впасть в гражданскую брань. За нас, окаянных, любви не имущих, Россия мучается и опять кровь льется.

Нас, безумных, накажи, Господи, но не Россию. Велика и страшна наша вина.

Пусть, если кровь прольется, то наша, моя... но не всех, кто живет в России.

Не допусти войны, Господи, молитвами Пречистой Твоей Матери и всех святых. И научи нас прощать, терпеть и — любить, как

святой и возлюбленный младенец твой Гавриил».

Я молился всю ночь и под утро почувствовал, что мир сошел в душу... видимо, Господь услышал молитву. Не только мою, конечно, а миллионов таких, как я. Думаю, в ту ночь почти не было неверующих... Верна крылатая фраза: на войне неверующих не бывает. А была именно война — слава Богу, что Он позволил ей продлиться всего сутки. Я до сих пор свято верю, что сменивший ее мир стал Божьим чудом, вымоленным миллионами добрых людей. И это было уже второе несомненное чудо в жизни, свидетелем которого я стал. Россия тогда спаслась. За все слава Богу! И за все прости нас, Господи!

И когда по прошествии лет, в каждую годовщину тех событий, я еще встречаю людей, идущих с плакатами: «Мы — не простим!», я молюсь за них как за тяжело болящих... ибо они не знают, что делают, что говорят и что пишут. Не ведают, что «от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься».

Сказать «Не прощу» — то же самое, что сказать «Не спасусь».

Они не ведают, что сами себе произносят анафему... которую ничто, кроме них же, отменить не в силах, даже Сам Господь...

Да, с тех пор прошло много лет.

Мученик-младенец ведет по жизни, указывает путь, на который единожды поставил.

³ Ю. Шевчук «Правда на правду»

Икона св. Гавриила Белостокского

И я всегда молюсь: Святый мучениче Гаврииле, не оставь нас, грешных.

О, НЕПОРОЧНЫЙ МУЧЕНИЧЕ ХРИСТОВ ГАВРИИЛЕ, МЛАДЕНЧЕСКАГО НЕЗЛОБИЯ И КРОТОСТИ ОБРАЗЕ ПРЕЧУДНЫЙ. МАЛАГО ТРУДА СЕГО ДОСТОЙНОЕ ПЕНИЕ ПРИЯВ, БУДИ НАМ ТЕПЛЫЙ МОЛИТВЕННИК ПРЕД ГОСПОДОМ. ДА ВО ДНИ НАШИ ЛУКАВЫЯ МАЛОВОРИЕМ, ГНЕВОМ И БРАТО-НЕНАВИДЕНИЕМ ОБУРЕВАЕ-МЫЯ, В ВЕРЕ, ТЕРПЕНИИ И ЛЮБВЕ СВЯТО ПРЕБУДЕМ. И ТАКО ВСЕ ЖИТИЕ НАШЕ ПРЕШЕД, ВЕЧНАГО МУЧЕНИЯ ИЗБАВИМСЯ И ПРИСНО ВОСПОЕМ БОГУ: АЛЛИЛУИА.

13-й кондак акафиста св. Гавриилу Белостокскому

Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме.
1 Иоан. 2,9

М. Нефедов. Царь Иван IV, х.м., 1996

К 75-летию со дня рождения художника

Издание
Раифского
Богородицкого
мужского
монастыря

Истинный талант, познав, что Существенно-Изящное — один Бог, должен извергнуть из сердца все страсти, стяжать для ума евангельский образ мыслей, а для сердца евангельские ощущения...

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

Михаил Кузьмич Нефедов

Родился в 1936 году в Семнозерской пустыни. Отец художника, человек практического склада ума, долго не позволял сыну учиться в художественной школе, так как не считал «художество» серьезной профессией. «Все равно буду художником» — эту надпись юный Михаил вырезал на ножке письменного стола. Только тогда отец понял, что сын не отступит...

Интересно, что в свое время М.Нефедов давал уроки рисования Константину Васильеву. А профессиональное художественное образование Нефедов получил на художественно-графическом факультете института им. Абая в Алма-Ате. Там же в 1963 году прошла его первая персональная выставка.

С 1983 года Михаил Нефедов — член Союза художников России. Постоянно участвует в местных, республиканских, всероссийских, международных выставках. Его картины расходятся по всему миру. С возрождением Раифского монастыря под Казанью связан «философский» период в творчестве художника.

Распад души предотвратив

**О Нефедове
писать нелегко:
он не укладывается
в признанные нормы,
его трудно
причислить к строго
определенному
разряду
или направлению.**

**На его полотнах
— монастыри
и храмы, городские
улицы и речки,
иконы, жанровые
картины, портреты,
пейзажи
— итог 50-летнего
бытия человека
в искусстве.**

1. Идеалы и ценности

За чашкой чая в мастерской художника мне удалось выяснить то, что он ценит, к чему стремится, что волнует художника в современном непростом мире. А волнует его религиоз-

но-этическое мировоззрение современника. Он считает, что современная эпоха «поворачивается лицом к истории», а люди «не знают прошлого».

Через возрождение, покаяние, возврат к себе возможен поворот к первичному, подлинному бытию человека в мире, без ложных масок. Каждая эпоха выдвигает свои идеалы. Идеал сегодняшнего «героя нашего времени» еще только формируется. Однако его основные черты, считает Нефедов, заложены классиками русской литературы «золотого» XIX века. Это — серьезный ум, порядочность, интеллигентность, честность, религиозность.

Церковь призвана воспроизводить духовные ценности, восстанавливать связь времен, создавать мир и гармонию в каждой отдельной человеческой душе. Именно поэтому она имеет потенциальную возможность двигать общество вперед.

Почему мы живем хуже, чем могли бы? Причина в нас самих, в нашем несовершенстве и несоответствии божественному замыслу. Страх перед человеком, наделенным земной властью, оказался выше страха Божия, он засел в генах, считает художник.

К сожалению, исконный дух России занимает сегодня скорее выжидательную, пассивную позицию, будто ждет своего часа. Русь православная, словно белая лебедь из сказки, на прощание машет крылом: «Я есть у Тебя, Господи!»

Когда же воскреснет удаль

*Истинный талант, познав, что Существо-Изящное — один Бог,
должен извергнуть из сердца все страсти.*
Свт. Игнатий (Брянчанинов)

М. Нефедов. Начало листопада., х.м., 1995

русская, когда преобразится душа
и полетит на зов, доносящийся
из глубин веков земли нашей?

*Идут летучие бригады.
Сквозь толщу туч
Твой луч проник.
Разрушит гревние преграды
Греха рожденья первый крик.
Когда придут Отца отряды,
Наскучит слов земной мотив
И возродится звук монады,
Распад души предотвратив...*

Пространство истории

«Я не иллюстрирую православие, — говорит художник. — Не учу, а возбуждаю интерес молодежи к истории».

История России представлена полотнами «Смерть Дмитрия», «Марфа-посадница», «Петр I», «Княгиня Ольга», «Яблоко раздора» и др.

У Нефедова это — светлая, радостная, добрая, несколько сусальная сказка о прошлом Руси. Древ-

няя мифология, христианство и язычество всегда существовали здесь в единстве. Это оказало влияние и на праздники, и на простонародный быт россиян.

Молодой размах, задорность Петра, держащего в руках корабль — модель будущего российского флота; непоколебимость и заступничество гордой княгини Ольги, гостеприимство и домовитость Марфы-посадницы — таковы исторические персонажи его картин.

Художник склонен изображать природы цельные, характеры возвышенные. Жанровые картины композиционно выверены, сдержанны по колориту, графически точны, близки к фреске.

Художник считает необходимым возродить традиции русского искусства, русскую иконопись и реалистическую живопись. Даже художники школы Васнецова и передвижники, говорит он, были ближе к западноевропейской школе, чисто русского было в них мало. Да и теперь очень трудно не идти на поводу у Запада, у общества потребителей и обывателей, трудно не терять самобытности.

Время снова выдвигает на передний план гуманистическую роль искусства, которое становится средством воспитания и образования.

О зрителе

Нефедов считает, что хорошую картину объяснять не надо. Художник должен сам «втягивать зрителя вглубь холста». А поскольку современный зри-

тель, как правило, внутренне опустошен, необходимо искусственно возбуждать интерес, создавая интеллектуальную среду, способную воспринимать настоящую живопись. Нужно преодолеть несовместимость воображения зрителя с тем, что он видит на холсте. «Если один из тысячи зрителей поймет мою живопись, я буду рад», — говорит художник.

Многие художники во все времена искали способ, как объединить пространство и время, как найти аriadнину нить связи времен, как передать в едином мгновении прошлое, настоящее и будущее. Ведь только в этом подлинном пространстве-времени может отразиться душа художника и, войдя в соприкосновение с душой зрителя, преобразить ее.

Такой способ был найден М.Нефедовым. Он применил его в своих жанровых картинах — фресках, объединив двумерность графики с пространством цвета.

Живопись и графика в синтезе дают новое, преобразенное четвертое измерение, близкое старинной фреске. «Моя цель — сделать сказку, — говорит художник. — Синтезировать и преобразить пространство и время».

*По позвоночнику проходит
боли ток.
Я гдую, всех нас
рассудит Бог.
Он пишет в Книге жизни
имена,
Связуя воедино времена.*

*Истинный талант, познав, что Существо-Изяцное — один Бог,
должен извергнуть из сердца все страсти.*
Свт. Игнатий (Брянчанинов)

М. Нефедов. Праздник, х.м., 1997

...На двери дома, где живет художник, постоянно висит записка: «Я на этюдах у озера». И это на самом деле так. Честность таланта — в его трудолюбии. Художник Нефедов всегда, пожизненно «на этюдах у озера»...

Татьяна ПАШАГИНА

Стихи автора

Мои ценности бытия

**Искусство
— это не ремесло,
а песня, спетая во всю
мощь и от души**

Абрек Амирович АБЗГИЛЬ-ДИН, народный художник России, член-корреспондент Академии художеств.

«Живописец Нефедов показывает нам совершенно новое искусство. В нем — тенденция сегодняшнего времени.

За последние годы художники стали все чаще отображать на своих полотнах мировую историю, историю России. И это понятно, ведь открылся доступ к архивным материалам, историческим данным, стали издаваться книги, в которых расписаны детали тех или иных событий. Не могло пройти мимо этого и творчество Михаила Нефедова. И что интересно, сегодня мы как раз нуждаемся не только в исторической правде, мы нуждаемся и в художественном переосмыслении этой правды. Как подать, как найти язык сегодняшнего искусства? У нас очень много разных направлений, разных взглядов, разных художников, но у нас больше нет таких художников, как Нефедов. У него свое видение, свой подход, свое какое-то поэтически легковесное повествование таких глубоких исторических моментов...»

М. Нефедов. Третий Рим (фрагмент), х.м., 1997

Истинный талант, познав, что Существо-Изящное — один Бог, должен извергнуть из сердца все страсти.

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

М. Нефедов. Вавилон, х.м., 1997

Михаил Кузьмич НЕФЕДОВ:

«Произведения по исторической тематике у меня большей частью станковые, написаны маслом на холсте. Жанр этот был продиктован из знания того материала, который я с интересом читал в последние годы, а интуитивность подсказывала сюжеты...

Размер полотна выбирался от сложности сюжета. Трудно сейчас объяснить, как все это создавалось. Я только старался следовать традициям русской стан-

ковой живописи, соблюдать все правила и нормы...

Воплощение в картины зарождающихся идей продиктовано временем, в котором мы находимся. То есть художественный показ пробелов в истории, которые были скрыты от нас долгое время — в течение советского периода многое не досказано, не донесено до нас, много белых пятен. Кроме того, не надо забывать, что намеренная историческая трактовка событий шла под углом марксистско-ленинской

М. Нефедов. Возрождение (Покаяние), х.м., 1998

философии... Объективность — она лежит глубже. И вот художник, естественно, задается вопросом: «Так ли все было на самом деле, как нам преподносили?»

Более того, я задался, к примеру, целью показать, или, вернее, возбудить интерес и к древней истории. Посмотреть на нее с подачи художественного видения современного художника. Например, знаменитые Семь чудес света, которые, по сути, уже исчезли... Картина «Вавилон», его Висячие сады, Сады Семирамиды,

именно в тот момент, когда Александр Македонский получил удивительную красоту от жителей города в ценности и сохранности, за которую пощадил и жителей и сам город. Создавая образ древнего города, я сам был удивлен и понял, что Сады Семирамиды, многоэтажное расположение самих деревьев — это прототип современной архитектуры... Что касается деталей — многое подсказал собственный опыт: знания южного жаркого климата, понимание ценности

Истинный талант, познав, что Существо-Изящное — один Бог, должен извергнуть из сердца все страсти.

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

*М. Нефедов.
Скит, х.т., 2001*

М. Нефедов. Монастырская часовня, х.м., 2010

воды мне подсказали сам колорит картины — завораживающий райский сад посреди пустыни... Вавилон»

А вот следующий холст — это уже недавняя наша история. «Покаяние». Композиция, написанная на тему памяти жертв репрессий. На переднем плане — 6 архимандритов, которые возведены сегодня в чин святости. А вокруг — более 170 священнослужителей высокого ранга, погибших в основном в 30-е годы. Расположены они на фоне Храма Христа Спасителя и вечного города Иерусалима. Заканчивается композиция — на заднем фоне — распятым Христом.

Чтобы показать эпоху, которая привела к этим жертвам, внизу картины я показываю красного проносящегося всадника, образ командира Красной армии, галопом. Вместо головы всадника — отрывной календарь. Тем самым я хотел показать временность, непостоянство боготступнической власти...»

Мария ИЛЬИНА, искусствовед:

«Как интересны, сложны и мудры его исторические полотна. Исторический жанр — это вообще пробный камень, на мой взгляд, и для художника и для литератора. Чтобы создать историческую картину, мало быть хорошим живописцем, будь то портретист, будь то пейзажист, мастер бытового жанра, надо еще великолепно знать историю, знать этнографию, представлять быт уже ушедших времен, иметь

очень хорошее воображение. Ведь художнику приходится воссоздавать то, что было до него: когда-то... Да и не все данные есть в исторический источники, приходится домысливать, быть еще и психологом...

Каким же должен быть сам человек, который мог создать произведения, способные перенести нас в машине времени в древний Вавилон, в Александрию в период ее расцвета, от которой осталось очень немного... Человек, который может по какому-то малейшему уцелевшему историческому фрагменту, по какой-то детали колонны, показать величие города, в тот самый момент, когда тот процветал.

Таким художником является Михаил Кузьмич Нефедов. Он не только замечательный живописец, но и поразительный человек. Он обращается к таким глобальным картинам, которые заставляют мыслить людей, будят в них в одно и то же время и боль за их страну, наряду с чувством печали утверждают надежду на светлое будущее, и гордость за прошлое. Быть таким человеком в наше время — это подвиг...»

Истинный талант, познав, что Существо-Изящное — один Бог, должен извергнуть из сердца все страсти.

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

Раифский АЛЬМАНАХ

ежегодное православное издание

Издание представляет интерес
для широкого круга читателей

Формат 170x240
Бумага мелованная 90 г/м
Гарнитура
LazurskiCCT, Futuris CCT
Печать офсетная
Тираж 700 экз.
Заказ №

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии ООО «Вертикаль»:
г. Йошкар-Ола, ул. Мира, 21

2011 год

© Раифский Богородицкий мужской монастырь.

Все права защищены. Копирование, тиражирование и использование в любой форме посредством любых систем воспроизведения содержания Альманаха без письменного разрешения редакции не допускается.